

2ой МОСК. ГОСУД. УНИВЕРСИТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМ-ГЕОГРАФИИ
ПЕДФАКА.

У 566
145

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ.

ПРОФ. А. А. РЫБНИКОВ.

ВВЕДЕНИЕ
В
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ГЕОГРАФИЮ.

РАЙОННЫЙ МЕТОД, ПРОЦЕССЫ
РАЙОНООБРАЗОВАНИЯ И СИСТЕМАТИКА
РАЙОНОВ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АВТОРА

ИЗДАНИЕ НАУЧНОГО КРУЖКА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

МОСКВА

1928 г.

2-ой МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.
ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМ-ГЕОГРАФИИ ПЕДФАКА.

218

У 566
145

На правах рукописи.

Проф. А.А. РЫБНИКОВ.
-+++++

В В Е Д Е Н И Е
-+++++

В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ.
-+++++

(Районный метод, процессы районообразования и си-
стематика районов).

Стенографированный курс лекций, читанный 3-му и
4-му курсам Отделения Экономической географии
в 1927-28 учебном году.

Издание Научного Круга Экономической географии.
Москва.
1928 г.

Настоящее издание отпечатано
в количестве 99 экземпляров.
Каждому экземпляру присвоен
свой номер.

Э к з е м п л я р № *Авторский*.

Государственная
библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

17747-52

4 96

О Г Л А В Л Е Н И Е.
-+++++

О т и з д а т е л я	- 2 стр.
Гл. I. Экономическая география и районный метод	- 3 стр.
Гл. II. Хозяйственный расчет и географическое общественное разделение труда	- 22 стр.
Гл. III. География добывания сырья	- 36 стр.
Гл. IV. Генезис общественного географического разделения труда	- 61 стр.
Гл. V. Размещение производства в зависимости от экономического положения	- 88 стр.
Гл. VI. Организационно-производственное соче- тание отраслей в районах	- 107 стр.
Гл. VII. Систематика основных районных экономи- ческих совокупностей	- 120 стр.

+++++
+++++

О Т И З Д А Т Е Л Я.

Печатаемый курс лекции "Введение в экономическую географию" читался в 1927-28 учебн. году проф. А.А. Рыбниковым на 3-м и 4-м курсах отделения Экономической географии Педфак"а 2-го М.Г.У., и значился в учебном плане отделения под названием - "Основные типы экономических районов".

Научный кружок Экономической географии 2-го М.Г.У., заинтересовавшись этим курсом, обратился к проф. А.А. Рыбникову с просьбой, разрешить стенографирование его лекций, на что получил любезное согласие профессора.

В процессе занятий выяснилось, что А.А. Рыбников не ограничился рассмотрением типов экономических районов, но попытался так-же выявить сущность районного метода, установить законы районообразовательных процессов и лишь в заключение дал систематику основных типов экономических районов. Следствием этого явилось изменение первоначального названия настоящего издания.

Придавая огромное значение этому курсу, являющегося одной из немногих попыток создания стройной теории районного метода, Научный кружок Экономической географии обратился к проф. А.А. Рыбникову с просьбой лично проредактировать стенограммы лекций, на что профессор любезно согласился.

Научный кружок Экономической географии 2-го М.Г.У. приносит свою глубокую благодарность проф. А.А. Рыбникову за огромную работу сделанную им, следствием чего явился настоящий труд, и надеется, что издание его принесет не малую пользу как студентам Геосекции 2-го М.Г.У., так и прочим заинтересованным лицам.

Москва.

Сентябрь 1928 года.

ПРЕЗИДИУМ НАУЧНОГО КРУЖКА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

~~~~~  
~~~~~


Гл. 1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И РАЙОННЫЙ МЕТОД.

Одним из наиболее ценных и интересных методологических завоеваний экономической географии за последние годы является широкое признание целесообразности районного метода в изучении географического общественного разделения труда.

Районным методом широко уже пользуется практика. Территория нашего народного хозяйства пестро и многообразно делилась и делится проводящаяся то там, то здесь районирование на крупные и мелкие хозяйственные единицы. Полезность такой работы стала настолько общепризнанной для целей хозяйственного управления, что центральные и местные общественные органы тратят на такие задания большие средства. Практика пытается выработать типы специального вида районирования, например, для целой сел.-хоз. опитного дела, для организации агрикультурной работы, для задач сел.-хоз. механизации и т.п.. Не случайно то, что впереди во всей этой практической работе идет сельскохозяйственное районирование. Локальность сельского хозяйства особенно ярко выражена и это уже получило свое теоретическое оформление в соответствующих областях сельскохозяйственной экономики (Тюннен, Эребро, Бринкман, Скеорцез, Челинцев). Иные мы должны сказать о проникновении районного начала в теоретические построения экономики промышленности; здесь эта работа только что начинается. Хотя в учении Вебера о штандарте мы имеем много ценных указаний о сложении отраслей промышленности в районы, но тем не менее сделано для научного использования районного метода, при изучении географии индустрии, пока еще мало. Еще менее оказывается проработанной методика районирования применительно к требованиям общим экономико-географическим. В этой области, идущая впереди теории практика, часто бредет ощупью, дает иногда интуитивно хорошие экономические ландшафты и очень нуждается в уточнении задач районного метода, в критике путей выделения экономических районов и систематике типов таковых.

Оказывается районному методу кредит должен быть оплачен. Экономисты географии обязаны выяснить роль районного метода

в деле преодоления изучаемого ими пространственного хозяйственного многообразия.

Из всех проблем, связанных с решением вопроса о сущности районного метода и месте его среди других путей изучения экономико-географических явлений, мы считаем наиболее очередными следующие. Мы должны выяснить, какие особенности изучаемых экономической географией явлений вызывают необходимость и предоставляют возможность применения районного метода. Для изучения каких явлений и в каких случаях этот метод будет особенно результативен и, обратно, при изучении каких явлений приложимость его ограничена.

Рядом с решением этих общих вопросов, мы должны углубиться в изучении путей формирования экономических районов. Мы обязаны критически изучить районообразующие процессы и, таким образом, подойти к познанию основных черт структуры районов и ее обусловленности. На базе такой проработки вопроса мы можем и должны себе поставить исследование еще одной задачи — разбраться в систематике типов экономических районов.

Вот круг проблем, которые, как нам кажется, являются первоочередными при критическом изучении районного метода. Мы не отрицаем значения кроме только что сказанного, — также и исследования вопроса о методике проведения границ между районами, вопросов о взаимоотношениях между районами в народно-хозяйственных и областных комплексах районов и других; но все эти задачи познания могут быть удовлетворительно решены только при условии, когда будут ясны — сущность районного метода и его место в экономической географии в пределах намеченных нами проблем.

Без этого мы не будем знать пределы и возможности интересующего нас метода, можем или переоценить или недооценить его научное значение.

Критическое изучение районного метода мы считаем необходимым начать с уточнения понятия самой нашей науки — экономической географии. Что и как изучает экономическая география? Каковы объекты ее познания, каковы ее методы?

В старых областях научного знания такая постановка вопроса

была бы излишней. Но формирование экономической географии как самостоятельной науки хотя и идет быстро, но далеко не закончилось. Предмет и методы экономической географии все еще являются искомыми и разно понимаемыми различными исследователями научными понятиями. Взгляды меняются вместе с эволюцией самого научного знания. По мере того как экономическая география все более и более обособляется в самостоятельную науку и выделяется из общих географических дисциплин с одной стороны и изучения о географии сельского хозяйства и промышленности с другой, меняются и задачи нашей науки и ее методы. Оба указанных выше источника экономической географии — естественно-исторической и общественно-экономической далеко не одинаково преломляются и будут еще преломляться в представлении экономистов-географов исследователей. Не одинаково были в различные периоды формирования науки и практические хозяйственные запросы, представлявшиеся к экономической географии.

Первые этапы самостоятельных экономико-географических исследований были насквозь проникнуты описательными характеристиками интересовавших исследователей стран и отраслей. Характерные черты этого периода ранней юности науки, свойственные и другим областям знания, стали в дальнейшем сменяться, по мере накопления материалов и повышения требований хозяйственно-практического характера, новыми методологическими приемами. Экономико-географические данные стали лучше систематизироваться, подвергаться статистической обработке, которая давала возможность точнее судить с качественной и количественной стороны торговли, производства тех или других стран или отраслей. Задачи статистико-экономического страноведения нельзя считать и в настоящее время завершенными. Не только текущие изменения хозяйственной жизни на земном шаре и в каждом народном хозяйстве должны быть своевременно констатируемы (раньше чем мы сможем объяснить происшедшее), но помимо этого мы имеем еще много стран экономико-географическое познание которых не прошло стадии статистико-географического изучения. Несмотря на некоторые достижения в области познания фактической географии хозяйства этот фазис экономико-географических исследований еще мало давал объяснения географического распределения, изучаемых хозяйственных явлений.

Однако, обилие регистрируемых экономико-географических фактов, отражающих их безграничное многообразие в действительности по мере их накопления, становилось угрожающим.

Необходимо было искать путей борьбы с надвинувшимся многообразием, надо было научиться обобщать экономико-географические явления и объяснять их пространственную обусловленность.

Чем ближе мы подходим к современности, тем чаще в экономико-географической литературе мы встречаемся с попытками объяснить географическое распределение хозяйственных явлений в пространстве. Вполне естественно, что первые исследователи подходившие к решению такой выдвинутой жизнью задачи не строили никакой методики, а давали объяснения от случая к случаю.

Эти работы обычно были сильно перегружены фактическими статистическими данными и попытки давать какие-либо объяснения обычно тонули в массе сырого непроработанного материала. Много было такого характера работ создано в виде учебников экономической географии, в виде работ по экономическому страноведению, но особенно много подобных работ было создано по различным отраслям — по хлопковому делу, металлургии, производству зерна и проч... Конечно, и все эти работы постепенно накапливали данные для объяснения географии хозяйства в зависимости от природных условий, экономического положения и т.п... Однако, самостоятельной задачи построения методики экономической географии как науки не только констатирующей географию экономических явлений, но и объясняющей таковое их размещение, они не преследовали.

Обособленными, часто чуждыми экономико-географическим исканиям оставались до последнего времени исследования Тюнена и Рошера, мало использовалась и современная работа Вебера о штандарте. Погруженные в тяжелую работу преодоления экономико-географического многообразия мира — исследователи хозяйственной действительности редко вспоминали о теоретических предпосылках, необходимых для систематического объяснения экономико-географических явлений.

На фоне всего нарисованного, несомненно, надо признать очень ценным и большим методическим завоеванием проникновение в экономическую географию районного метода и приложение

его и изучению хозяйственных явлений.

Наиболее интересное обоснование возможности использования районного метода в изучении экономико-географических явлений, мы находим в работе С.В.Бернштейн-Ноган "Очерки Экономической географии".

Следуя за методологическими исканиями географов Геттнера и Берга, автор исходит из положения, что "основным объектом географии должен быть ландшафт". Это значит, что география должна заниматься не изучением размещения в пространстве отдельных вещей, а изучением совокупностей предметов, находящихся на той или иной территории и так или иначе взаимодействующих". И далее С.В.Бернштейн-Ноган делает вывод: "совершенно аналогично тому, как изучение географического распределения отдельных видов растений и животных относится к области "географической ботаники" или "географической зоологии", изучение географического распространения отдельных отраслей промышленности или сельского хозяйства является "географической экономией" промышленности или сельского хозяйства, но не экономической географией. Эта же последняя должна изучать экономическую жизнь в той или иной части земной поверхности в целом во взаимодействии различных элементов экономической жизни этой территории между собой и во взаимодействии разных территорий (экономических районов) друг на друга. И так, экономическая география есть наука об экономических районах и их взаимодействии".

Мы признаем, что аналогия экономического района с географическим ландшафтом не только картинно хороша, но и в значительной доле верна. Она очень плодотворна потому, что подразумевает какие то закономерные связи между хозяйственными явлениями внутри каждого района и этим самым выводит нас на путь систематического познания пространственной обусловленности интересующих нас явлений. Но тем не менее мы считаем нецелесообразным только экономический район признавать объектом изучения экономической географии, а районный метод отождествлять с экономико-географическим методом вообще, и признавать его единственным, исключаящим все другие пути исследо-

вания нашей науки.

Чтобы разобраться в таковом вопросе, необходимо критически уточнить пределы срабатываемости между указанными двумя науками и - общей географией и экономической географией. Такое уточнение должно быть сделано в отношении масштаба научного знания, однородности типа изучаемых явлений и характера связи между ними. Как прекрасно показал в своей работе Л.С.Берг следствием разнообразия объединяемых географическими явлениями (климат, растения, животные, человек и пр.) является в большей мере необходимость положить в основание методики изучения географии познание совокупностей этих явлений, записанных в ландшафтах.

Каков тип изучаемых экономической географией явлений, в какой степени эти явления однородны и, главное, принадлежат ли они, также как в общей географии к совершенно различным областям научного знания, оперирующим различными объектами и методами изучения.

Мы полагаем, что экономическая география изучает однородные экономические явления. Мы не имеем право включить в специфические задачи экономической географии изучение быта, правовых условий, научно-культурных достижений и т.п.. Мы признаем за хозяйственным бытием первостепенное значение, но тем не менее структурируем человеческое общество в целом, не будем отождествлять с экономической его жизнью. Если общая география по масштабу и существу объекта своего наблюдения охватывает вместе в определенном ландшафтном сочетании климат, почву, растительные сообщества, человека и пр., то мы считали бы допустимым по аналогии такое подобное цестрое сочетание объектов общественных явлений приписывать какой-то будущей социологической географии, которая включает в себя различные области человеческой деятельности и быта.

Иное приходится сказать об экономической географии. Объектами изучения нашей науки являются только одни экономические явления.

Следуя далее за научной практикой географов-естествоиспытателей мы убеждаемся в том, что в связи с изменением

объекта изучения с переходом от проблем общей географии к географии растений и животных, меняются и методы. Не ландшафт в целом интересует теперь исследователя, а допустим география почвообразовательных процессов, в связи с географией климата, растительного мира и проч.. Вместо охвата всей решительно природной совокупности, необходимой для построения географического ландшафта, берем теперь только то, что необходимо для уточнения локального почвообразования.

То же самое мы должны сказать о географии растений, животных и о других естественно-исторических дисциплинах, объекты изучения которых входят в совокупность географического ландшафта.

Но не только сужение масштаба задания для нас существенно во всех наших подобных исканиях. Весьма существенно то, что география растений часть ботаники и состоит она из географии отдельных растений и их сообществ. То же самое приходится повторить о зоогеографии и т.д. И это не случайность, что мы при переходе от общей географии к отдельным географическим дисциплинам сейчас же сталкиваемся не только с сужением масштаба, но и с необходимостью познания методов, свойственных ботанике и изучения как географии отдельных видов растений, так и их сообществ. География отдельных видов растений и животных необходима не только в целях уточнения географического их изучения вообще, но и с точки зрения дальнейшего познания совокупностей растений, которые не являются только механическими совокупностями, но в сложении которых индивидуальное особенности каждого растения играют чрезвычайно важную роль.

Мы не преувеличиваем убедительности выводов, полученных нами путем критической проверки параллелей между экономической географией и естественно-историческими дисциплинами. Но если все же им принято и законно придавать некоторое значение то наши выводы склоняют нас в пользу оставления экономической географии с частными естественно-историческими науками с географией растений животных и проч.

Если мы признаем более законным сопоставление экономи-

ческой географии с частными естественно-историческими дисциплинами, то помимо других соображений и опыт старых научных отраслей географии растений, животных, почв, и пр. должен быть учтен нашей молодой наукой.

Этот опыт определенным образом ограничивает объект изучения, метод исследования при таком отграничении все более окрашивается теми свойствами, которые присущи каждой дисциплине в целом. Как география растений наука ботаническая, так и экономическая география наука общественно-экономическая. Наконец, мы, несомненно, в экономической географии имеем перед собой задания изучения как по отраслям хозяйственной деятельности, так и по их реальным совокупностям - по экономическим районам.

Возможно, конечно, условно называть изучение размещения сельского хозяйства или, допустим, пшеницы - географией сельского хозяйства или пшеницы, а не экономической географией сельского хозяйства и пшеницы. Можно в такой же мере размещение промышленности или металлургии именовать географией металлургии и пр.. Но было бы ошибочно делать выводы, что изучение размещения отраслей промышленности или же комплексов (с.-х. хозяйства, промышленности) не является экономико-географической проблемой. Экономическая география не может быть сужена только до пределов учения об экономических районах и их взаимодействии.

Как география растений есть наука о размещении видов растений и их сообществ, так и экономическая география должна быть наукой о размещении отдельных отраслей хозяйства и об их районных реальных совокупностях.

Существенной особенностью, свойственной нашему объекту изучения экономическому явлению, которое закономерно проявляется в меновом строе, мы считаем то, что таковые явления находятся во взаимной хозяйственной связности в пределах территории объединенной общественным разделением труда. Это в равной мере относится как и к отраслям, так и к районам и, следовательно, тем или другим путем изучения размещения хо-

зяйственных явлений обязательно должно сопровождаться познанием взаимодействий объектов изучения с другими частями мирового или народного хозяйства.

Вот выводы, которые мы получаем из критического анализа аналогии. Однако, мы нашу аргументацию в пользу только что указанного характера построения предмета и метода экономической географии не считаем возможным ограничивать одними ссылками на аналогию между экономической географией и отраслями естествознания. Доводы могут быть и должны быть приведены не только косвенного, но и прямого порядка.

Чтобы концентрировать внимание и уточнить наш ответ, мы начнем с нашего определения предмета и метода экономической географии.

Экономической географией мы называем такую отрасль общественно-экономических наук, которая изучает размещение хозяйственных явлений в пространстве, связанном общественным разделением труда.

Приведенная формула отвечает в целом на вопросы о характере нашей науки и объектах ее наблюдений. Введение экономической географии в число экономических наук предreshает в значительной мере и метод. На все положения нашего определения требуют конкретизации, нуждаются в дополнительной критической обработке - уточнения.

Мы считаем необходимым говорить об изучении экономической географии размещения не всех вообще хозяйственных явлений, а только тех, которые находятся в определенном между собой действительном взаимодействии, обусловленном общественным разделением труда. Мы не отрицаем возможности и интереса в изучении географии природных богатств, так называемых мертвых, т.е. не используемых еще человеком или используемых в натуральном замкнутом хозяйстве. Эти задачи ставятся и могут представлять тот или иной научный интерес. Но этот интерес не может вылиться в форму познания экономико-географически обоснованного, так как географического общественного разделения труда пока мы здесь не констатируем. Только наличие общественного разделения труда, создающее системы стихийного или регулируемого народного хозяй-

ства, определяющего закономерности оборота благ в стране, только эти предпосылки обуславливают те или иные выходы размещения хозяйственных действий и отношений по территории, а вместе с тем и научного их познания.

Если бы ошибочно предполагали, что экономические законы, установленные для оборота благ в стране не находят никакого ограничения как в локальных историческо-хозяйственных особенностях вообще, так и тем более, в остатках натурального хозяйства. То же самое, конечно, приходится утверждать и в отношении тех закономерностей, с которыми имеет дело экономическая география. Но тем не менее, по скольку мы считаем экономическую географию наукой общественно-экономической, мы должны строить наши выводы на экономической базе. Только путем учета выгоды общественного разделения труда в пространстве мы можем и должны подходить к разрешению основных интересующих нас проблем. Выгоды природных условий, отклонения исторических, преимущества экономического положения — все это для нас имеет и должно иметь не только картинное, описательное, натурастическое выражение, а должно быть нами оценено как стимулирующее или подавляющее географическое общественное разделение труда. Таким образом основным методом для изучения пространственной обусловленности хозяйственных явлений мы признаем свойственный всем экономическим наукам хозяйственный расчет.

Мы не предрешаем степени точности намечаемого нами учета выгоды общественного разделения труда. Такая молодая наука как экономическая география, не может пока претендовать на вынесение вердикта и раздаться во все объяснения точных калькуляций, дающих количественное выражение интересующему нас выгоды. Это дело будущего. Однако наша малая подготовленность к точным вычислениям не избавляет нас от обязанности правильно понимать существо экономико-географического явления и усовершенствовать в связи с этим нашу исследовательскую работу в определенном направлении. Все более и более ширяющееся теоретическое и практическое исследование стандарта сельского хозяйства и промышленности во всяком случае все убеждает, что возможности даль-

нейшего усовершенствования методики экономической географии далеко еще не исчерпаны.

Перед современной экономической географией как наукой, стоит сложная методическая проблема, — как не порывать с задачами познания реального многообразия хозяйственной действительности, использовать имеющиеся теоретические достижения в учении о стандарте. Эти вопросы являются очередными и заслуживают большого внимания.

Мы считаем, что наиболее рациональным путем для такого использования является проработка имеющихся в теоретической экономике построений: наследства Тунена, достижений Вебера и др. как рабочих гипотез, организующих познание конкретной экономико-географической действительности. Но и в тот период когда будет еще идти усовершенствование указанных методов познания, мы обязаны обострить наше внимание к учету выгод, на которых базируется географическое общественное разделение труда, хотя бы это приходилось делать пока в общей схематической форме. Мы обязаны, кроме того, напряженно искать таких путей исследования, которые могли бы облегчить нам закрепление наиболее важных позиций в познании бесконечного экономико-географического многообразия.

В том состоянии знания, какое мы сейчас имеем в экономической географии весьма полезным мы считаем установить на ближайших путях работы и некоторое обостренное внимание к определенной группе экономических явлений. Если выше мы и говорили, что экономическая география ставит себе целью изучение размещения хозяйственных явлений, связанных с географическим общественным разделением труда, то не все из всех явлений имеют одинаковую четкость локализованности и одинаково легко могут быть объяснены. Явления социальной борьбы, отличаются значительной сложностью географического размещения и требуют особых методов для причинного их объяснения. География явлений торговых, если бы они стали обособленными объектами нашего изучения отличаются подвижностью, изменчивостью из сезона в сезон и изучение большинства этих явлений вообще сравнительно мало уточ-

няется добавлением географического их аспекта. Иное мы должны сказать о географии производства. Явления производства строго локализованы в пространстве и эта локализация не меняется из года в год, а оказывается как характером самого явления, так, и выгодами положения в пространстве, более или менее прикрепленной к определенному месту страны. Это позволяет нам иметь в отношении производства и его отраслей более четкий и устойчивый расчет, объясняющий участие таковых в географическом общественном разделении труда.

Но не только указанные соображения, связанные с необходимостью повысить плодотворность экономико-географических научных исканий на очередных этапах заставляют нас выдвигать на первый план изучение географии отраслей производства, имеются и другие доводы. Мы полагаем, что наше познание явлений социальной борьбы и торгового оборота сильно будет упрощаться и улучшаться, если таковое будет строиться на более или менее проработанной научной базе познания размещения отраслей производства. Выше мы несколько раз указывали на необходимость изучения производства по отраслям. Такое изучение производства по отраслям, а не в их пестром сочетании и социальной оболочке в виде предприятий, имеет большое методологическое значение. Выдвигая вперед отрасли производства, мы намечаем верный путь от более простого к более сложному в экономико-географическом познании. Производственное предприятие может быть часто не только сложным конгломератом различных отраслей производства, но и локализация предприятия может быть чрезвычайно запутанной по территории. Если мы захотели бы уточнить и главное объяснить причины территориального размещения такого сложного из различных отраслей треста или другого подобного предприятия, то в основе наших объяснений, несомненно, должны были бы лежать доводы трактующие о размещении отдельных отраслей изолированно и в связи с другими, входящими в сочетание.

Наконец, мы считаем не случайным то, что работы Тюнена, Вебера и др. являются исследованиями в области размещения отраслей производства. Научная практика уже учитывает необходи-

мость завоевания наиболее надежных и доминирующих экономико-географических позиций.

Всем сказанным мы не имеем в виду устранить из числа экономико-географических объектов изучения явления торговли и социальной борьбы, мы говорим только о системе изучения и полагаем, что география отраслей производства должна занять в этой системе намеченное нами место.

Приведенные нами соображения нас убеждают в том, что предмет и метод экономической географии должны трактоваться исходя из сущности экономических явлений и их хозяйственной обусловленности в пространстве. Только имея в виду особенности хозяйственного расчета, лежащего в основе общественного разделения труда в пространстве, мы можем давать удовлетворительные объяснения экономико-географическим явлениям. В направлении осуществления таковых научных заданий с учетом находящихся в нашем распоряжении средств и возможностей, как мы полагаем, должна идти проработка экономико-географического метода.

Под углом зрения именно только что отмеченных методологических заданий мы должны критически разобраться в интересующем нас районном методе. Районный метод, как по объекту изучения, так и по некоторым особенностям техники научного познания следует противопоставлять изучению отраслевому.

При пользовании районным методом мы сосредоточиваем внимание на изучении определенной территории, как реальной хозяйственной совокупности и познаем ее связи с другими подобными же совокупностями. Иной путь изучения намечается в том случае, когда мы объектом изучения делаем ту или иную хозяйственную отрасль. Нашим интересам к таковой отрасли определяются изучаемые нами территории, этим же интересам окрашивается тот угол зрения, под которым мы рассматриваем эти страны и их отношения к другим, с которыми они находятся в связи.

Мы считаем совершенно равноправными путями изучения как отраслевое, так и районное. Каждый из этих путей имеет и свои специальные задания и взаимно друг друга обслуживает.

При не отраслевом изучении, мы имеем перед собой богатые

возможности наблюдать все варианты географического размещения определенного типа производства. В отношении таких вариантов, мы широко можем использовать все то, что дано работами сельского-хозяйственников экономистов (Тюнен, Эребю, Гринкман) и Вебером в его стандарте индустрии. Мы изощряем наши выводы в отношении данной отрасли как в сторону связи ее с природными условиями и сырьевыми ресурсами, с рынком труда и рынками сбыта готовых изделий, выясняя влияние транспорта и т.п.. Можем уточнить как складывается география этой отрасли в странах, специализировавшихся и в районах, имеющих эту отрасль для обслуживания местных потребностей. Выясняются те специфические связи, которые имеются между изучаемой отраслью и другими, с которыми таковая обычно соседствует. Все это имеет большую научную ценность.

Конечно, такая работа не может и не должна быть провидима только статистико-описательными приемами и наши требования к отраслевой географии вовсе не исчерпываются статистическими таблицами с последующей шаблонной характеристикой цифровых данных. Методика работы, как мы выше указали, вообще должна быть независима от объекта (отрасли или района) экономико-географической, т.е. построенной на учете выгод конкретных форм общественного разделения труда. Выгоды размещения должны иметь одинаковое значение для экономиста-географа, изучает ли он народное хозяйство по отраслям или по экономическим районам.

Отраслевое изучение не только может быть признано целесообразным с методической точки зрения, но оно имеет за собой в прошлом, а также и в настоящем большие практические доводы. Не случайно то, что политикой рационального размещения отраслей производства по территории начали раньше всего интересоваться капиталистические тресты (стальные, табачные, каменноугольные и пр.). Подобные же задачи остаются и в трестобразных организациях в системе регулируемого народного хозяйства.

Все то, что мы установили в отношении отраслевого пути изучения экономико-географических явлений, в равной мере относится и к тем или иным комплексам этих отраслей, например к сельскому хозяйству, к земледелию, или к промышленности, к текстилю и т.п. Во всех таких комплексах несомненно вопрос о характере локальных

сочетании отраслей изучаемого нами типа будет иметь большое значение.

Таким образом, отраслевое изучение экономической географии, раз"единяющее хозяйственную жизнь на части, упрощает работу тем, что имеет дело с аппаратом одной отрасли производства. Но зато такое изучение усложняется тем, что размещении этой отрасли мы хотим познать в различных условиях природной, исторической и хозяйственной среды.

Районный подход к изучению экономико-географических явлений имеет противоположную концепцию. Мы изучаем комплекс разнообразных отраслей хозяйства, обусловленных единством природных, экономических и исторических условий. Такая постановка, имеет и глубокие теоретические обоснования и большее практическое значение.

В теоретическом отношении особенно заслуживает внимание то, что мы при изучении каждого экономического района имеем более или менее однообразную среду, в которой совершаются хозяйственные явления. Мы исходим в наших рыночных построениях из того, что хозяйственное единство, именуемое нами экономическим районом, мы признаем обусловленным единством природной и общественной среды. Мы должны отчетливо представлять себе какое влияние оказывают на хозяйство природные зональные и азональные условия. Они обеспечивают нас теми или иными видами сырья и топлива, позволяют до известного предела снижать себе стоимость производимого продукта. Имея однообразные природные условия, мы можем отчетливее, яснее и полнее установить как влияние этих условий преломляется в хозяйственной деятельности. Таким методом мы избавляемся от безличности многообразия природного влияния различных природных зон, недровых богатств и т.п.. На территории района это многообразие ограничено и особенности его влияния мы в состоянии изучить и полнее и точнее. Но то же самое, что мы только что сказали относительно природных условий, нами в значительной мере должно быть повторено при характеристике историко-хозяйственной жизни района и его экономического положения. Едва ли что либо так

сильно осложняло и осложняет экономико-географические исследования, как различия исторического прошлого отдельных частей народного хозяйства, а вместе с этим нередко фазисов хозяйственного развития, в которых эти части в настоящее время пребывают. Это историческое прошлое мы можем ввести в рамки экономико-географического изучения путем приурочения их к определенным территориальным границам экономических районов. При таком построении, мы сильно упрощаем исторические предпосылки, делаем их более или менее общими и однообразными для всего района. Это позволяет нам уточнить в каких интересующих нас хозяйственных явлениях и как историческое прошлое преломляется. В чем это историческое прошлое сказывается, в том ли, что мы имеем в области обилие квалифицированного труда и капитала, в исторически сложившихся хозяйственных связях, или в чем либо другом - должно дать конкретное исследование. Но, несомненно, специфические местные черты исторического наследства таким методом мы осваиваем и вводим в систему экономико-географического познания.

Еще более понятна районная обусловленность экономического положения по транспортным связям и по рынкам сбыта. Конечно, в зависимости от масштаба территории района эти условия меняются, но в границах экономического района с достаточно выдержанным хозяйственным единством такое разнообразие не может быть значительным. При наличии более или менее одинаковых транспортных и рыночных связей мы имеем возможность сильно упростить изучение очень важной экономико-географической проблемы, а именно - общественного разделения труда между изучаемым районом и другими частями народного или мирового хозяйства.

Таким образом, мы видим, что районный метод сильно облегчает нам нашу научную работу тем, что связывает общественное разделение труда в границы территории с однообразной природой, исторической и экономической средой. При изучении по отраслям работа облегчается только тем, что мы имеем в центре внимания всюду и везде одну отрасль хозяйства. Но мы не погрешаем при этом безграничного многообразия среды. Мы обязаны в каждом отдельном случае, в каждой части страны повторять изучение местного

влияния среды на интересующую нас отрасль. Не случайно то, что в лучших по методике экономико-географических исследованиях отраслей и тем более их комплексов (напр. сел.-хоз.), мы наблюдаем стремление вести изучение отрасли по особым специальным районам, т.е. безконечное многообразие среды, от которой не может и не должно быть оторвано изучение - вводится в определенные стилизованные формы.

Районный метод, как мы указали, имеет весьма ценные в познавательном отношении черты - упрощения среды. Но вместе с этим мы должны сказать, что в границах такой более или менее однообразной среды мы обязаны изучать совокупность находящихся в ее пределах отраслей хозяйства. Такая совокупность не должна нас пугать, безконечным многообразием хозяйственной жизни. Эта пестрота в границах каждого района всегда оказывается сильно суженной, имеющаяся в его пределах совокупность всегда окрашена специализацией. Процессы специализации района на определенных отраслях и сочетание этих отраслей со вспомогательными и добавочными хозяйственными задачами, находящимися в организационных между собой связях являются одной из интереснейших задач районного метода. Связи эти могут быть и между различными отраслями промышленности и между различными отраслями сельского хозяйства. Сельское хозяйство может находиться в органической связи с переработкой его продуктов в индустрии. Специальные задания могут быть в области использования отходов и т.п..

Несомненно, что изучение только что указанных организационно-производственных связей, как мы выше отмечали, не может быть игнорируемо и при построении работы экономической географии по отраслям. Но там эти явления проще, однообразнее, чем в районных совокупностях. Если бы мы имели достаточно проработанными такие производственные связи по значительному числу отраслей, и тем более комплексов, то это сильно упростило бы наши задачи по изучению районных совокупностей.

Остановимся теперь коротко на практическом значении районного метода. С экономико-географической точки зрения каждое народное хозяйство представляется нами в виде совокупности эконо-

мических районов. Вполне целесообразно для упорядочения рационализации хозяйственного управления страной стремиться к разделению страны на экономические районы. В СССР это районное направление экономической политики получило за последние годы яркое выражение. Все то, что с точки зрения научного познания облегчает изучение экономического района - все это, несомненно, может вести быстрее район по пути рационализации в целях максимального развития его производительных сил. Единство промышленных и сельско-хозяйственных заданий, так же как и транспортных и рыночных не только сплочивает интересы населения района, но и организует его действия в производстве, торговли, в профсоюзах, в кооперативах, а также в администрировании управления. Максимальное использование местных природных богатств, и накопленных капиталов в целях повышения производительности труда в районе, направленного на специальные народно-хозяйственные функции, свойственные району, это все верные и здоровые пути местной экономической политики.

Таким образом, мы должны признать, что отраслевое и районное изучение не только теоретически должны быть оправданы, но они являются взаимно друг друга дополняющими и оплодотворяющими. Как мы видели, они допускают методологические упрощения в определенных задачах своей работы и вместе с тем преодевают свои особенные трудности. Это все ясно убеждает нас в том, что научная работа должна приспосаблиясь к тем или другим конкретным заданиям идти обоими дорогами. Несомненно, оба указанных пути чрезвычайно плодотворны и в приложении их к заданиям хозяйственной практики.

Подводя итоги сказанному о районных путях изучения экономико-географических явлений, мы видим, что районный метод если и не может претендовать на исключительное значение в научной экономико-географической работе, то все же является очень ценным орудием как для теоретической, так и для практической работы.

Можем мы сделать и еще один вывод, намечающий систему нашей

дальнейшей работы по изучению районного метода. Изучение интересных нас процессов районообразования должно вести нас через дифференцирование пространства на более или менее однородные природные, исторические единства, находящиеся в одинаковых экономических положениях - к познанию тех хозяйственных совокупностей, которые в границах таких пространств находятся. Исследуя, таким образом, обусловленность хозяйственных явлений средой с одной стороны и междурайонными связями с другой и, наконец, внутрирайонными производственными взаимоотношениями с третьей, мы достигаем такого научного познания районов, когда в сложении каждого из них должны ясно отобразиться процессы, которые формировали его структуру. Достаточным обоснованным завершением такой работы по изучению процессов районообразования, мы полагаем, будет систематика основных типов экономических районов.

С.В. БЕРНШТЕЙН-МОГАН "Очерки Экономической географии", ч.1-1925г.

Л.С. БЕРГ "Предмет и задачи географии", 1925 г. (Доклад в Био-географической Ком. И.Р.Г.О. 11 Октября 1913 г.)

Alf. Hettner. Die Geographie Ihre Geschichte, ihre Wesen und ihre Methoden. Breslau, 1927.

Гл. II. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАСЧЕТ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Экономическая география, как мы установили, интересуется географическим общественным разделением труда, основанного на выгодах хозяйственного расчета. Приступая к изучению такого общественного разделения труда по районам и обращая особенное внимание на те процессы, которые обуславливают формирование районов, мы признаем совершенно необходимым рассматривать условия среды (природной, исторической), междурайонные связи и сочетание отраслей в пределах районов с точки зрения влияния их на выгоды или невыгоды направления хозяйственной деятельности района.

Мы указывали уже, что экономическая география не может еще ставить себе задачей сопровождать каждую такую обусловленность точным экономическим расчетом. Но тем не менее мы должны знать основные элементы этого расчета и в отношении важнейших районных показателей пытаться доводить наши обоснования до полной цифровой ясности.

То или иное специализированное направление хозяйства, выраженное в каком-либо районе, зависит от двух причин. Во первых, интересующая нас отрасль существует в районе и обслуживает оттуда другие местности, потому что она там выгоднее, чем в других районах, а во вторых, потому что уровень этой выгоды достигает уровня доходности, которая признается в районе обычной. Первый момент междурайонной обусловленности связан с влиянием среды и междурайонных связей. Второй-уровень доходности внутри района, зависит от уровня доходности, входящих в сочетание отраслей хозяйства в самом районе.

Остановимся подробнее на анализе выгоды общественного разделения труда между районами. В основе развитой системы как вообще географического, так в частности районного общественного разделения труда, мы имеем следующее. Мы всегда здесь находим, что себестоимость продуктов на месте их производства, обслуживающего другие части страны, вместе с провозной платой до этих частей, ниже в своем ценностном выражении, чем себестоимость

тех же продуктов в указанных частях страны, потребляющих привозные товары.

Но высота себестоимости производства продукта в местах потребления часто не имеет практического значения, т.к. таких продуктов там просто не производится. С другой стороны, реально на один и тот же потребительский рынок могут доставляться товары из различных частей страны. Вместе показателя-себестоимости продукта на месте потребления целесообразнее пользоваться просто рыночной ценой на рынке сбыта и таковую сопоставлять со стоимостью продукта в производящем районе, вместе с провозом. Тогда мы получим основную формулу, базирующуюся на обороте благ в пространстве-географическом общественном разделении труда $C + F < P$, т.е. себестоимость на месте производства, вместе с провозной платой - меньше цены на месте окончательного сбыта. Только реальное соотношение указанных выше показателей и их что-либо другое, по нашему мнению управляет размещением общественного разделения труда в пространстве.

Эту формулу мы не имеем права упускать из виду, когда будем изучать влияние природной среды, когда будем учитывать роль исторического прошлого в современной экономике-географической обстановке. Тоже, конечно, мы должны иметь в виду, когда будем изучать преимущество экономического положения.

Как мы уже отмечали, при изучении географического общественного разделения труда районным методом, мы сильно упрощаем влияние природных, исторических условий и экономического положения, но такое упрощение вовсе не должно нас лишать интереса к экономическим обоснованиям, делаемых нами обобщений. Все то, на чем район специализируется и на основе чего складывается его хозяйственная физиономия, все это можно и должно освещать (прямо и косвенно) с точки зрения $C + F < P$. Все то, что является предметами ввоза в район со стороны также может быть объяснено по формуле $C + F < P$.

Итак, при изучении районообразующих процессов нас будет интересовать экономическая выгодность дифференциации общественного разделения труда в пространстве. Чтобы уточнить содержание

стоящих перед нами экономико-географических проблем, мы должны заняться более детальным анализом нашей формулы $C + \bar{F} < P$.

Мы не будем ниже анализировать высоту уровня P - цены на месте сбыта в других районах. По сколько таковая цена является результатом сложных экономических отношений всего спроса и предложения, вполне законно, что мы эту цену будем брать как реальное данное необходимое нам, как мерило для остальных двух наших величин. Иначе мы должны отнестись к изучению себестоимости и провозных плат. Каково влияние каждого из этих двух показателей на размещение?

Мы должны подчеркнуть большую значимость для размещения производства по территории (в отношении рынков сбыта) вопроса о том, во что обходится себестоимость производства 1 единицы веса продукта. Пока для нас безразлично, из каких элементов складывается такая себестоимость единицы веса, но нам и при первом подходе очень важно знать, равняется ли она 1 рублю или 10 руб. за пуд. При высокой стоимости единицы веса, обычно издержки транспорта (мы оставляем в стороне вопрос о системе тарифов) до рынков сбыта рынков падают сравнительно малой величиной на каждую единицу веса и обратно.

Одно уже такое сопоставление приводит нас к выводу, что в первом случае, т.е. при высокой себестоимости продукта, как напр., в производстве хлопка, масла, шерсти, хозяйственно целесообразно при географическом размещении, не считаясь с расстоянием и провозными издержками, ориентироваться на местности с наиболее низкой стоимостью производства. Обратно, при низкой стоимости единицы веса продукта (лес, уголь, картофель, свекла) затраты на преодоление расстояния начинают играть все большую роль в экономике размещения.

Отрасли производства по характеру своего размещения по территории могут быть разбиты на две большие группы: на группу добывающую и группу, перерабатывающую сырье. В обеих этих группах наблюдаемые нами закономерности размещения производства в зависимости от соотношений C и $\bar{F}$ выражены иначе. В первой группе, где производство при стремлении получить низкую себестоимость, обязано ориентироваться на благоприятные природные

условия, последние всегда будут ограничивать влияние соотношений C и F на размещение производства. Это, конечно, не значит, что при низкой, полегим, транспортабельности продукта N , производство такого вследствие истощения ресурсов близь рынка в месте A , перенесется теперь при той же цене на рынке $-P$ и тех же транспортных издержках F на вдвое большее расстояние в B , где таковые ресурсы имеются и где себестоимость будет та же, что и в первоначальном месте производства. Нет, этого мы не предполагаем. Такое перемещение может произойти только при условии, когда в месте B себестоимость будет ниже на разницу провоза, или когда P - цена на месте сбыта соответственно повысится, или когда провозная плата, несмотря на удлинение пути, останется прежняя. Таким образом, и при размещении производства сырья соотношение $C + F \ll P$ играет огромную роль, но выбор мест перемещения производства здесь все же ограничен природными условиями. В пределах этих природных условий, при добывании в сбыте транспортабельного сырья, мы можем ориентироваться на более отдаленные сырьевые базы; обратно, приходится стремиться приблизиться к рынку сбыта при добывании грубого, требующего больших затрат на перевозку сырья.

Однако, грубое совершенно не подвергшееся никакой обработке сырье, сравнительно редко поступает на рынок. Хлеб в снопах, солома льна, в большинстве случаев руда, хотя иногда и являются товаром, но ходовой товарный вид хлеб, лен, железо обычно получают после некоторой переработки.

Место отраслей производства перерабатывающих сырье, должно находиться где-то между пунктом добывания грубого сырья и местом сбыта готовых изделий. Ориентируясь на оба эти показателя, мы для определения места переработки сырья, с особой тщательностью должны изучить пути производственного процесса, по которым идет переработка, должны выяснить ценностные и весовые изменения, которые претерпевают продукт и все эти изменения мы должны увязать с транспортными издержками. Остановимся на характеристике тех изменений, которые происходят между себестоимостями, через которые проходит продукт в производственном процессе и между издержками на провоз, падающими на эти себестоимости в том или

инем фазисе переработки.

Вопрос этот имеет огромное значение для всех дальнейших наших рассуждений. По скольку первоначальная стадия формирования изделия начинается с добычи сырья, а последняя кончается выработкой готового к потреблению продукта или орудия производства - вопрос о выборе для той или иной местности оптимальной ступени производственного процесса, несомненно, является одним из существеннейших вопросов экономики размещения. Доведение продукта до той или иной стадии готовности, а вместе с тем и транспортабельности, при которой затраты на провоз не существенны, или отказ от такого задания и перемещение производства в сторону районов потребления и устранение нужды в преодолении расстояния путем перевозки - все это представляет существенный интерес для понимания выгодности размещения.

Значение трактуемого нами вопроса о соотношении затрат на себестоимость и на провоз имеет особенно большое значение еще и потому, что при производстве продукта мы обычно не только проводим сырье через руки и машины и увеличиваем в связи с затратами его себестоимость, но картина здесь значительно сложнее. Все имеющиеся случаи изменения цены - веса в производственном процессе, могут быть разбиты на три категории.

В первом случае, поступающее сырье (напр., железо, хлопок) отличается такими качествами (по Веберу чистое сырье), что при его переработке не происходит значительной убыли в весе, ни добавки в весе за счет присоединения других видов сырья. В таком случае остается в силе все выше сказанное и соотношение C и F будут зависеть от степени ценностного изменения себестоимости. Два других типа изменения себестоимости и веса в производственном процессе вносят много нового. Ко второму типу мы должны отнести те часто повторяющиеся явления, когда поступившее в обработку сырье и вместе с ним топливо при прохождении производственного процесса сильно уменьшается в весе и одновременно нарастает ~~снова~~ снова вырабатываемого из них продукта. Эта категория весотеряющих видов сырья (среди которых топливо, как уничтожающееся в производстве должно быть

поставлено на первом месте (очевидно, при поступлении в обработку будет всегда, в своих стадиях, где происходит особенно значительная потеря в весе, тяготеет к местам добычи такого сырья. Иное приходится сказать о таких случаях, когда в исходном сырье в процессе производства происходит не уменьшение, а увеличение в весе (или объема или производные качества ухудшаются - серн. кислота и пр.). В таких случаях, мы вообще наблюдаем отремление к усилению экономии на $\bar{J}$ - на транспорте и производстве стремится оторваться от места добывания первоначального сырья. Это перемещение может совершаться в сторону рынка сбыта энергичнее, чем дешевле может производство возле рынка сбыта обеспечить дополнительными, входящим в продукт сырьем и чем сильнее при этом снижается транспортабельность продукта.

Вопрос о стадии производственного процесса, реализуемого в том или ином месте, имеет особенно большое значение еще и потому, что в хозяйственной жизни мы не всегда имеем задания провести материал от какой-то первой технической стадии процесса до последней выработки готового к потреблению продукта одним каким то производственным путем. Такие процессы могут идти параллельными, более или менее длинными рядами, могут, наконец, обриваться окончательно на той или иной стадии.

Иллюстрируем это некоторыми примерами.

Возьмем на основу нашего рассмотрения такие материалы, как картофель, лес. Объективно совершенно возможно допустить следующие производственные пути из одного и того же материала.

Дерево

1) Заготовка леса, 2) распиловка, 3) столярно-плотничьи изделия.

1) Заготовка леса

2) Сухая перегонка

1) Заготовка дров.

Картофель

1) Добывание картофеля для потребления

1) " - скормив. скоту 2) - овинина или молоко

1) " - 2) Спирт - 3) водка

1) " - 2) Крахмал 3) патока 4) варенье

В зависимости от направления производства, от стоимости формирования той или иной стадии переработки будет решаться вопрос о географическом размещении. Указанным мы не устраняем нашего интереса к себестоимости выращивания картофеля в тех или иных природных условиях, при той или иной организации производства, но наши примеры ясно свидетельствуют, что рядом имеется еще одна серьезная проблема о размещении производства в связи с стоимостью продукта в единице веса и расходами по провозу.

Второй задачей критики нашей формулы - $C + \frac{1}{2} \cdot R$ мы считаем анализ самого содержания понятия себестоимости.

Себестоимость может включать:

Издержки на сырье и топливо

" " рабочую силу

" " основной капитал (здания, машины, оборудование) и связанные с этим амортизационные издержки

Проценты на заемные капиталы

Выплата ренты (аренды) за пользование землей.

Каждая из указанных величин входит в различные продукты не в одинаковой доле и не всегда даже в них все эти элементы обязательно присутствуют. При добывании какого либо материала непосредственно из природы, напр. леса, каменного угля, нефти - нет в хозяйственном смысле первоначального сырья; в некоторых производствах основные капиталы не играют никакой роли; нередко расходы на оплату ренты или вовсе отсутствуют, или не существенны. Это все показывает, что различные отрасли разноречно реагирующие на пользование сырьем, или трудом, при одном и том же размещении последних в пространстве, будут размещаться сами далеко не одинаково. Но помимо этого, мы знаем, что и элементы себестоимости далеко не равномерно распределены по территории. Эта неравномерность имеет тем большую значимость для размещения отраслей, чем влиятельнее, входящий в сложение себестоимости элемент.

ВНЕЕ счел полезным разбить все виды сырьевых запасов на две категории - повсеместные и локализованные. К повсеместным он причислил воду, глину и др., к локализованным -

рудные богатства. Новейший исследователь стандарта Энглендер, критически разбиравшийся в этих понятиях, пришел к правильному выводу, что экономистов может интересовать не натуралистическая локализованность или повсеместность того или иного вида сырья в пространстве. Экономистов интересует не то, что в том или ином месте есть или отсутствует физически золото, а то, что в одном месте добыча его обходится в 4-5 руб. золотник, а в другом - 10-20 руб. При огромной транспортабельности золота, очевидно, последние золотые россыпи не будут эксплуатироваться. То же, с оговоркой на транспорт, приходится сказать и о топливе и о строительных материалах и о всем прочем. Исходя из сказанного, повсеместным или условно повсеместным сырьем мы можем считать такой вид сырья, добыча которого более или менее одинаково рентабельна повсюду. Обратно, локализованным видом сырья мы будем считать сырье в тех случаях, когда выгоды добычи его в каком-либо месте особенно велики и подавляют, вследствие этого, рассеянную добычу.

Таким образом, если говорить о географии места добычи сырья, таковая, как видим, сильно обусловлена природой. Но нас интересует не только связь производства сырья с определенными природными условиями (почва, климат в сельском хозяйстве, недровые богатства в горном деле), но для нас очень существенно, как это все отражается на географии дальнейшей переработки этого добытого сырья. Здесь мы, прежде всего, должны подчеркнуть снова огромное значение, разобранного нами соотношения C и F в различных частях производственного процесса, но к этому нам надо добавить следующее. Чистое и несотеряющее сырье мы знаем уже в некоторых случаях или притягивают производство к рынку сбыта, или обратно к местам добычи сырья. В этих колебаниях, мы должны отметить, играет большую роль географическое качество сырья, о котором мы только что говорили. Если сырье повсеместно и сильно теряющее в весе, то место производства должно совпасть с местом конечного спроса на продукт. Если сырье локализованное и несотеряющее, то оно обязательно должно перерабатываться на месте его добычи. При сырье чистом вопрос о месте переработки, большей частью, определяется дополнительными, входящими в стоимость продукта, расходами, т.е. затратами труда, капитала и проч. Так схематиче-

сии характеризуем мы условия выгоды размещения производства в связи с потребляемым сырьем,

То что было только что сказано относительно неравномерности размещения сырья по территории, в большей или меньшей мере, приходится сказать о неравномерности распределения рабочей силы, капиталов. Если при изучении географии сырья, мы в нашей исходной позиции должны базироваться на природных условиях, поступающих в сельскохозяйственную или индустриальную эксплуатацию, то в отношении географии труда и капитала (и связанных с таковыми амортизации издержек и % на капитал) наши задачи совершенно иные. География рынка, труда и капиталов является в огромной доле следствием сложившегося общественного разделения труда, накопления квалифицированных навыков, высоты дохода масс населения, масштаба накопленных капиталов, концентрации их к тому или другому месту страны, сложившихся в этих районах социальных отношений.

Значение трудовых и капитальных издержек будет тем выше для размещения, чем большей долей они входят в себестоимость. Особенности их влияния на распределение производства по территории в сравнении с сырьем будет заключаться в том, что они входя в себестоимость проду. а, веса продукта не увеличивают. Это должно вести и, действительно ведет к тому, что те исторически сложившиеся образования, которые обеспечены значительными скоплениями капиталов и запасами труда, обеспечивающего низкую себестоимость продукта, эти местности сильно притягивают к себе те отрасли, которые отличаются высокой требовательностью на таковые издержки.

Наконец, приходится еще сказать о влиянии ренты на размещение. В сельском хозяйстве, как общее правило при ведении хозяйства самим владельцем земли, уровень ренты повышается или понижается в зависимости от уровня доходности земли (урожаи, цены продуктов). По другому обстоит дело, когда земля при покупке заложена владельцем, т.е. когда рента в той или иной форме капитализирована. Иначе, наконец, приходится вести расчет английскому или американскому фермеру арендатору. Очевидно, во всех указанных случаях, доля выплачиваемой банку или собственнику земли ренты является не колеблющимся, в зави-

симости от общего уровня дохода, часть дохода. Платежи в банк и арендная плата это ранее точно определенные (обусловленные определенными социальными отношениями) издержки производства. Такими же издержками производства является уплата какой-либо фабрики и завода за аренду, необходимого для них участка земли в городе. Такая аренда нередко является довольно почтенной величиной и заставляет некоторые производства избегать городов.

Таково содержание экономических расчетов, обусловливающих в целом размещение отраслей хозяйства по территории, формирование отличительных черт хозяйства района и его связей с другими районами.

Только что упомянутая формула является основной в изучении хозяйственных связей, оборота благ между районами и внутри районов, между его частями, находящимися в таковом обороте.

Мы выше указали, что нахождение той или иной отрасли хозяйства в районе зависит не только от соотношения $C + F < P$, а также и от соотношения между обычным уровнем дохода в районе и доходом интересующей нас отрасли.

Предположим, что в районе X по формуле $C + F < P$ специализация может осуществиться по производству продуктов A B C D. Каждая такая продукция, на единицу затрат труда и капитала дает не одинаковый доход, предположим, 4, 3, 2 и 1 единицу. При таких условиях намечаемая специализация будет в районе складываться не случайно. В меру полного использования экономических возможностей будет осуществляться A и если выгода такого задания сказывается использована полностью, то к нему добавляется B и может быть в известной доле C. Несмотря на то, что задание D является возможным в порядке междурайонного разделения труда для интересующего нас района - таковое задание в нем не реализуется, т.е. есть возможность в других отраслях более выгодно использовать имеющиеся в районе силы и средства, не нарушая в то же время и выгод географического общественного разделения труда.

Таково общее правило, но от него могут быть отклонения. Возможно, что добавление какого-либо второстепенного по своему значению и низкого по выгоде хозяйственного задания будет в то же самое время сильно содействовать увеличению доходности

основной специализации. Например, мы можем себе представить, что переработка отходов или выделка упаковки сами по себе могут не давать особенно больших выгод, но наличие их по соседству с основными районными предприятиями сильно повышает выгоды основных специальностей районов.

При изучении размещения хозяйства по отраслям только что описанное соотношение доходов между различными отраслями не стоит в центре внимания. Мы можем в большей мере базироваться на тех выгодах, которые дает нам простая формула $C + F < P$. При выяснении структуры хозяйства района, как определенной совокупности указанной формулы не достаточно.

В реальной действительности, как мы знаем, имеющиеся в районах хозяйственные совокупности не только механического образования, но связаны между собой, вышеприведенным расчетом большей или меньшей выгоды, и находятся в тесно органическом взаимодействии. Будут ли это процессы сложной агломерации (ВЕБЕР) или других каких-либо организационно-производственных связей, об этом будем говорить ниже, но при изучении всех этих связей, мы должны себе давать отчет о выгодах и убыточности таковых и при решении проблем, касающихся структуры районных совокупностей, мы должны руководиться подбором отраслей по степени выгодности каждой в отдельности или при их взаимном обслуживании. Таким образом, из числа всех отраслей, которые дают положительный коэффициент ($C + F < P$) мы далее как для района в целом, так и для частей его путем расчета уточняем наиболее выгодную совокупность отраслей и масштабы их заданий.

Как мы указывали, мы считаем особенно целесообразным учет выгод, получаемых на единицу затрат труда и капитала. В отношении сельского хозяйства приемом достаточно укоренившимся и имеющим серьезные основания, является вычисление доходности на единицу земельной площади. Плоскостное, т.е. занимающее значительные площади, расположение земледелия и стремление использовать лучшие по природным и экономическим условиям земли более выгодно (рента) - вполне оправдывает такой метод расчета.

Остается еще сказать несколько слов о проводной плате. Таковая, при построении типических коэффициентов для того или

инного района, должна нас интересовать не в форме отвлеченной тарифной ставки, а в виде стоимости провоза до важнейших рынков, основных продуктов производства района и, обратно, стоимости доставки в района из важнейших центров продажи, покупаемых районом продуктов. Только имея в виду именно такие реальные величины, мы можем судить о удельном весе транспортных затрат и влиянии их на организацию хозяйства района.

Конечно, при таких исчислениях нам придется считаться с тем, что гужевой транспорт за пудо-версту дороже в 5-20 раз железно-дорожного, а последний дороже в 2-5 водного и т.п., придется сталкиваться с тем, что каждый вид транспорта имеет для района свои специфические расстояния, направления и специализируется для перевозки тех или иных грузов.

Таковы основные задачи расчетов с помощью которых мы можем уточнить наши познания экономических районов.

Имея в виду типичность, входящих в районную хозяйственную совокупность, явлений, мы можем с большей эффективностью вести наши расчеты. Однообразная более или менее природная среда, обуславливающая, главным образом, районную сельскохозяйственную и промышленную сырьевую базу сильно упрощает наши расчеты в этой весьма существенной части исчисления себестоимости. Общие историко-хозяйственные условия позволяют легче понять местные трудовые и капитальные ресурсы. Путем сопоставления доходности входящих в районную совокупность отраслей, мы уточняем место каждой из них в районе.

Наконец, общее экономическое положение района по отношению к иному району рынкам, вместе с системой транспорта - упрощает расчеты междурайонных связей.

Это однообразие обусловленности, облегчающее наше изучение, как мы далее установили, должно способствовать уточнению хозяйственной выгоды, которая стимулирует дифференциацию общественного разделения труда по районам, в согласии с разнообразием природной и общественной среды.

Ориентируясь на познание современного менового хозяйства, мы применительно к нему, должны искать причинных, на основе хозяйственной выгоды, оснований географического

размещения хозяйства. Соответственно с этим, мы и должны использовать при изучении влияния среды нашу формулу $C + FK_R$. В природной среде нас экономистов интересует не климат, почвы или геологические образования сами по себе, мы, ориентируясь на нашу формулу ищем в ней сырье и энергетические ресурсы, являющиеся целью добывающей промышленности и основой перерабатывающей. Кроме этого мы интересуемся рельефом, береговой линией, удобными портами, судоходными реками, которые обуславливают вместе с предпосылками историко-хозяйственного развития выгоды экономического положения и удобства путей сообщения.

Учет выгоды места добывания и переработки сырья и учет преимуществ экономического положения — вот те главнейшие задачи, которые мы должны решить при изучении природной среды. Историко-хозяйственное прошлое нам должно показать, как генетически сложилась современная география общественного разделения труда и помочь выделить территории с однообразным историческим прошлым и, особенно такие, в которых скоплялись капиталы и в которых использование труда представляло те или иные преимущества.

Наконец, изучение экономического положения, приуроченного к географической среде должно быть основано не только на природных, как указано выше, условиях. В современности экономическое положение является следствием с одной стороны, развитой сети каналов и железных дорог, а с другой, к определенному времени сложившейся географической дифференцированности разделения труда. Выгоды места положения народного хозяйства в мировом хозяйстве, места района в народном хозяйстве, места городского округа в районе и т.д. — все эти вопросы требуют специального обособленного изучения.

Изложенное показывает, что руководясь нашей формулой, мы должны строить изучение, исходя из природных условий, обуславливающих сырьевую базу; затем мы должны разобратся в историко-хозяйственной среде. И то и другое нам должно дать общую ориентировку выгод производства и получения нисшей себестоимости. Наконец, мы перейдем к изучению природных и экономических условий, определяющих выгоды оборота благ — к эконо-

мическому положению, т.е. выяснению разницы между Р и С, а также тому, в какой мере транспорт может выгодно преодолеть эту разницу. Так мы намечаем основные пути познания районообразующих процессов, связанных с обусловленностью их внешней средой.

Но кроме того, мы указывали, что нашей задачей также является изучение закономерностей в сложении отраслей в районах в определенные сочетания. Исследование этой проблемы, мы отчасти должны будем вести попутно при изучении влияния среды, т.к. сложение некоторых из таких сочетаний будет определяться при анализе сырьевой базы и исторических условий и экономического положения. Но вопросу о сочетаниях отраслей мы придаем большое и самостоятельное значение и потому ему мы посвятим отдельную главу.

И.Г. ТЮНЕН - "Изолированное Государство" пер. У.Торнеус 1926г.
I.H.v Thünen "Der isolierte Staat" Jena 1921.

А.ВЕБЕР - "Теория размещения промышленности" пер. Морозова 1926г.
A.Weber "Über den Standort der Industrien Tübingen 1909.

О.ЕНГЛАНДЕР "Kritisches und Positives zu einer allgemeiner reinen Lehre vom Standort" Zeitschrift für Volkswirtschaft und sozialpolitik V Band 7-8 heft.

Гл. III. ГЕОГРАФИЯ ДОБЫВАНИЯ СЫРЬЯ.

Первым и часто важнейшим элементом себестоимости продукта, имеющего широкий товарный оборот, является стоимость сырья. Природные условия, которые надо преодолеть человеку, чтобы извлечь зерно, свеклу, хлопок, железо, каменный уголь, золото, весьма различны и затраты на преодоление их при добывании нужного нам сырья определенного качества, чрезвычайно сильно колеблются.

Изучение закономерностей, в которые складываются выгоды условий добывания сырья в пространстве, и являются предметом нашего рассмотрения. Мы знаем, что эти выгоды зависят от природной обстановки, от организации производства и от условий провоза. В настоящей главе в центре внимания будет ориентировка на природные условия, но как мы далее увидим, придется одновременно учитывать и некоторые иные влияния на размещение добычи сырья.

Мы не можем себе поставить в обязанность, при анализе указанной экономико-географической проблемы, давать детальную характеристику природных климатических, ботанических, почвенных, геологических явлений с которыми, несомненно, приходится иметь дело человеку, при добывании сырья. Такая характеристика нами предполагается известной. При приложении нашей гипотезы к конкретной действительности, уточнение географии природной среды, конечно, будет повышать степень точности наших экономических построений, но мы в нашем изложении, преследующем методические цели, принуждены несколько схематизировать природные явления, на которые мы обязаны ориентироваться.

Исходя из характера природной среды, даваемой другими науками, при изучении географии сырьевой базы как экономисты географы, мы должны считаться с транспортабельностью различного вида сырья и выше нами установленными особенностями размещения разных видов сырья (локализованные, повсеместные), а также и с реакцией разных видов сырья на весопотерю при переработке. Все эти моменты, как мы установили, играют очень существенную роль в географии производства вообще и мы должны понять значи-

мость их в отношении размещения добывания сырья.

Мы считаем особенно необходимым уточнить характер размещения различных типов добывания сырья по степени их повсеместности и локализованности, по влиянию на их размещения потери в весе при переработке.

Работы ВЕБЕРА вполне обосновали целесообразность таких построений в отношении размещения обрабатывающей промышленности; мы считаем законным в одинаковой мере применять те же приемы и в отношении сельского хозяйства. Эти проблемы частью уже ставились и решались сельско-хозяйственной экономией, но мы полагаем, что таковую научную практику следует расширить и закрепить.

Начнем наше изучение с географии добывания сельско-хозяйственного сырья. Под сельским хозяйством мы будем понимать земледелие и скотоводство. В понятие земледелия мы включаем полеводство, луговодство, садоводство и огородничество. Особенное внимание мы хотим уделить земледелию и скотоводству. Остановившись на соотношениях и взаимных связях этих двух отраслей сельского хозяйства, мы должны признать, что в огромном большинстве случаев скотоводство оказывается связанным с земледелием в порядке использования имеющихся в нем кормовых ресурсов. Это заставляет нас рассматривать, в некоторой части, земледелие как добывание сырья для дальнейшей переработки в скотоводстве. При наличии преобладания таких форм взаимодействия между земледелием и скотоводством, становится необходимым выделить изучение земледелия на первую очередь, т.е. в большинстве случаев, только зная структуру его, мы можем уяснить себе отчетливее и систему скотоводства того или иного района.

Обращаясь к земледелию и отыскивая формы природной обусловленности дифференцирования отраслей земледелия по территории, мы, прежде всего, должны их в целом связать с природными зонами, т.е. с теми природными совокупностями, которые являются сочетанием определенного взаимодействия климата, почвенных и др. явлений.

Нас эти условия особенно интересуют с точки зрения возможности и выгодности произрастания в их пределах того или иного ассортимента хозяйственно-полезных нам растений.

Мы знаем, что наличный ассортимент нужных нам для хозяйства культур, является следствием не только климатических и почвенных условий, но в той или иной мере хозяйственных связей и стихийного развития, однако, эти дополнительные влияния как мы сказали, пока игнорируем. Мы берем за основу то, что является общим почти всем природным зонам в пределах каких бы материков они ни находились.

Чтобы более подчеркнуть экономико-географическую сущность распределения полезных растений по природным зонам, остановимся на следующей схеме.

СХЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-ИСПОЛЗУЕМЫХ РАСТЕНИЙ ПО ПРИРОДНЫМ ЗОНАМ.

					Корм. тра- вы 2) Ячмень Лес Овес Картофель	Полярная зона, тун- дрово-та- ежная по- лоса
				Рожь Л е н Пшеница Конопля	Корм. тра- вы Ячмень Л е с О в е с Картофель	Холодно- умеренная зона. (Лесная, дерново- подзоли- стая по- лоса).
			Гречиха Просо Табак Подсолнух Свекла	Рожь Л е н Пшеница Конопля	Корм. тра- вы. Ячмень Л е с О в е с Картофель	Средне-уме- ренная зо- на. (Лесостеп- ная полоса).
		Бахчевые Кукуруза Виноград Фруктов. деревья.	Гречиха Просо Табак Подсолнух Свекла	Рожь Л е н Пшеница Конопля	Кормов. травы. Ячмень Л е с О в е с Картофель	Теплая умеренная зона (Степная полоса).
	Р и с Хлопок Я ч Сахар тростн. Жут	Бахчевые Кукуруза Виноград Фруктов. деревья	Гречиха Просо Табак Подсолнух Свекла	Рожь Л е н Пшеница Конопля	Кормов. травы Ячмень Л е с О в е с Картофель	Субтропи- ческая зо- на с до- статочным увлечение- нием.
Кофе Какао Бананы Кокосы	Р и с Хлопок Я ч Сах. трост- ников. Жут	Бахчевые Кукуруза Виноград Фрукт. де- ревья	Гречиха Просо Табак Подсолнух Свекла	Р о ж ь Л е н Пшеница Конопля	Корм. тра- вы. Ячмень Л е с О в е с Картофель	Тропиче- ская влаж- ная зона (Суб-)

1) Дигельбрехт, Хек и др.

2) Подчеркнуты культуры в зонах, где они ярче выражены.

Если около экватора растительность вообще пестра, то количество хозяйственных растений, имеющих там, поражает своим многообразием видов. Обратно, состав хозяйственно-полезных культур, встречающихся около полюсов крайне ограничен. Но не только указанный объем многообразия интересует земледельца. В тропических странах часто возможно собрать два урожая с одной площади и каждый из таковых урожаев значительно больше может дать хозяйству выгоды, чем один урожай под полярным кругом. Все это вообще сужает земледельческие возможности холодных стран и, обратно, ферментирует обработку земли под тропиками и повышает там чрезвычайно сильно земельную ренту.¹⁾

Отмеченные нами природные противоположности, как видно из нашей схемы, в мировом земледелии оказываются окруженными различными переходными природными зонами, в которых в той или иной степени сказывается или мертвящее начало холода,²⁾ или, обратно, благотворное воздействие тепла.

Наша схема не может претендовать на точность, она только должна нам иллюстрировать основные тенденции и это она делает в достаточной мере. Мы распределили в ней важнейшие растительные культуры по природным зонам, ориентируясь на то, что физическая граница тех или иных растений сужается пропорционально их требовательности на тепло и длину вегетационного периода. Направления специализации каждой зоны идет, главным образом, на тех культурах, в отношении которых они встречают меньше конкурентов. Как видно из схемы, число конкурентов увеличивается от экватора к полюсам. Растения с малыми требованиями к природным условиям могут давать и нередко дают свои продукты повсеместно. Мы находим такие культуры как ячмень, овес, травы во всех обозреваемых нами зонах. Но проявление их, однако, не везде одинаково. Культуры эти в своем максимуме (зернов, травы, ячмень, рожь, овес) большей частью проявляются в тех природных зонах, которые не обладают наилучшими природными услови-

(1)

Ф.ЛИСТ - Национальная система Полит.Экономии. 1896 г.

(2)

Мы не ввели в нашу схему добавочное влияние морского и континентального климата вертикальных зон гор, но далее в наших построениях мы его учитываем.

... . Особенно ярко проявляется это в умеренно-холодных, в холодных и в полупустынных засушливых странах. Здесь мы находим или использование земли под пашню (т.е. хозяйственная эксплуатация кормовых трав) или развитие нетребовательных зерновых культур. Обратно, производство кофе, чая, хлопка оказывается в своем распространении сильно локализованным. Эта сельскохозяйственная локализованность не менее выражена, чем допустим локализация залежей железа и каменного угля, которые, как мы знаем, в очень большой мере определяют географию металлургии.¹⁾

Чем уже локализация растений, тем ярче выявляется специализация в соответствующих районах. Здесь чаще чем где-либо мы встречаемся с монокультурой, и такая узкая специализация конечно, объясняется прежде всего монопольным (вне конкуренции) положением в мировом хозяйстве этих районов, производящих чай, кофе, хлопок и проч..

Отмечаемая нами относительная повсеместность или локализованность отраслей земледелия играет огромную роль в географическом размещении потому, что параллельно таковой идет изменение показателей себестоимости производства и соотношение доходности тех или иных отраслей в районах. Районы, имеющие наименьшую мировую себестоимость хлопка, пшеницы, риса, табака, льна, являются, большей частью, в то же время и важнейшими поставщиками этих продуктов. Роль их в специализации по производству этих продуктов окончательно решается тем — получают ли эти районы от указанных отраслей обычный для местности доход, или не получают. Если при низкой себестоимости ржи доходность затраты труда и капитала дает удовлетворительный уровень, то Россия производит рожь, а Ост-Индия на основании такого же расчета занимается джутом. Но вполне возможно, что в Ост-Индии себестоимость ржи будет тоже низкой, однако, специализации на производство ржи там не создается и не может создаться.

1) Акклиматизация растений задача серьезная и важная, она много нового может внести в географию растений и когда она это делает, мы тотчас же считаем нужным внести соответствующие поправки в наши построения. Но задач, как мы видим, много, и какие из них и в какой мере будут решены, мы пока учитывать не имеем права.

ся, потому что местное производство хлопка, риса, джута и др. продуктов дает значительно большую доходность, чем доходность ржи.

Ориентируясь на энергетические свойства природы, выявляемые в земледельческом хозяйстве, мы вместе с этим уточняем хозяйственную географию отраслей земледелия. Мы знаем, что наши исходные положения, на которые мы базируемся — природные условия имеют относительное значение. Мы можем в пределах полярного круга поставить теплицу и может быть нам удастся там вырастить паршии и виноград. Но, как мы подчеркивали, мы ищем, при содействии природных показателей, хозяйственной границы рентабельной специализации районов на табаке, винограде, хлопке, и опытно-оранжерейные достижения при такой постановке наших исканий для нас не существенны.

Таким образом, наши расчеты закономерно преломляются через природные условия. Мы знаем, что наша схема может быть улучшена и уточнена, но пути хозяйственного расчета, которые, ориентируясь на природные условия (выявляющиеся, большей частью, в количестве и качестве продукции с единицы площади) выясняют причины специализации на производстве тех или иных растений, останутся теми же. Мы, конечно, можем в точности высчитать себестоимость локализованного земледельческого сырья, дающего высокие показатели в особенно благоприятных природных условиях; можем произвести те же вычисления и для различного вида рассеянного сырья и убедиться, что в отношении такового себестоимость колеблется в пространстве в меньшей мере. Такие подсчеты пока не являются ни в методической ни в конкретной форме целью нашей работы, но проработка их, конечно, заслуживает серьезного внимания.

Все приведенное свидетельствует нам о том, что природное разнообразие обеспечивает неодинаковые условия выращивания растений, а вместе с тем и разного уровня земельную ренту в различных природных зонах. Как мы знаем, высота доходности какой либо отрасли с единицы земельной площади может сыграть большую роль в общественном разделении труда только при условии, когда стоимость добывания вместе с перевозкой ($C + F$) меньше цены (P) на месте сбыта. Это обязывает нас разобраться в тех воздей-

ствиях, которые оказывает уровень себестоимости земледельческого сырья и его транспортабельности на размещение производства по территории.

Высота уровня себестоимости продукта, оставляя пока процессы переработки в стороне, может складываться в земледелии четырьмя способами: 1) Когда с единицы земельной площади получается значительное количество по весу сырья и на каждую единицу веса затрачивается много единиц труда и капитала. 2) Второй случай имеет в виду значительные затраты труда и капитала на единицу земельной площади и малый на весовую единицу продукта.

3) Третий случай - когда с той же единицы земельной площади мы получаем небольшое количество весовых единиц продукта и, хотя на земельную площадь затраты труда и капитала невелики, но на каждую единицу продукта они значительны. Наконец, возможен и 4) четвертый случай, когда и на единицу земельной площади и на единицу продукта падает небольшое количество затрат. Как известно, первые два пути ведут нас к интенсивному хозяйству, а последние два к экстенсивному.

Для экономиста географа указание пути построения себестоимости имеет очень существенное значение. Ориентируясь на вышеприведенную нами схему распределения отраслей земледелия по природным зонам, мы должны признать, что интенсивные отрасли обоих отмеченных типов значительно ярче выражены в лучших природных условиях, и обратно - экстенсивные отрасли имеют преобладающее значение в сравнительно неблагоприятных природных условиях.

Мы уже указывали, что в субтропиках идет специализация на хлопке, чае, сахарном тростнике, джуте, табаке и т.п. Все эти культуры требуют больших трудовых затрат и значительных капиталов на единицу земельной площади. Иное приходится сказать о зерновых и частично масличных культурах умеренных стран. Здесь обычно затраты на единицу земельной площади значительно меньше. Имеющиеся в последних странах интенсивные отрасли - свекла, картофель, волокнистый лен, в своих специализированных промышленных районах обычно ориентируются на наиболее под-

ходящие для них природные и экономические условия.¹⁾ Таким образом, мы должны признать, что благоприятные природные условия вообще играют большую роль в размещении по территории интенсивных отраслей земледелия.

Довольно широко распространенной предпосылкой развития интенсивных отраслей во всех указанных природных зонах, сильно снижающей себестоимость производства интенсивного хозяйства, является низкая оплата труда в сельском хозяйстве.

В главе об общественно-исторических условиях развития мы постараемся показать, почему обычно в районах с широко развитыми интенсивными культурами мы имеем вследствие обостренной, исторически сложившейся эксплуатации труда - низкую оплату сельскохозяйственных рабочих. Несомненно, наиболее производительными странами, дающими дешевые тропические и субтропические продукты, являются не случайно Китай и Индия, имеющие очень низкую оплату труда. Не случайно Сев.-Америк. Соединенные Штаты завоевали своим хлопком мир при содействии черного населения своего Юга.

Таким образом, мы видим, что благоприятные природные условия, как это и отмечалось Тюненем, действительно ведут к повышению интенсивности земледелия и дают такую форму его организации, которая способна реализовать наивысшую ренту.

Там, где таких благоприятных природных условий нет, приходится вести экстенсивное хозяйство, т.к. здесь или короток вегетационный период, или восстановление плодородия обходится очень дорого, или сильно колеблющиеся климатические условия не создают твердой базы для выгодного вложения труда и капитала в хозяйство.

В обоих типах организации земледелия в интенсивном и экстенсивном, мы знаем, могут добываться продукты неодинаковой высоты себестоимости в единице веса. Так как такая высота себестоимости имеет огромное влияние на транспортабельность продуктов земледелия, а вместе с тем и на размещение

1)

Уровень заработной платы, условия сбыта продуктов.

самого добывания в пространстве, то для ориентировки в этом вопросе остановимся на данных, широко используемых экономистами сельскохозяйственниками, составленных Зеттегастом.¹⁾

СТОИМОСТЬ ПОСТАВКИ ПРОДУКТОВ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Название товаров.	Рыноч- ная це- на за цент- 50кг. М.	Доставка одного центнера на расстоян. одной мили обходится в % к цене то- вара при доставке по:			Товар утрачивает пол- ностью свою ценность при перевозке на рассто- яние в милях		
		Прост. дорог по 15 пф.	Шоссейн. дорог. по 15 пф.	Железн. дорог. по 2,5 пф.	По про- стым до- рогам	По шос- сейн. дорог.	По же- лезн. дорог.
		за центнер-милю					
Зеленое корма	+50	30,00	20,00	5,00	3,34	5	20
Кормов. свекла	-60	25,00	16,60	4,17	4,00	6	24
Сахарн. свекла	1-	15,00	10,00	2,50	6,67	10	40
Солома	1-	15,00	10,00	2,50	6,67	10	40
Карто- фель	1.50	10,00	6,60	1,66	10,00	15	60
Сено	2 -	7,50	5,00	1,25	13,34	20	80
Свежие фрукты	4 -	3,75	2,50	0,62	26,67	40	160
Рожь, яч- мень, овес	7.50	2,00	1,30	0,33	50,00	75	300
Пшеница	10 -	1,50	1,00	0,25	66,67	100	400
Маслич- ные се- мена	12 -	1,25	0,80	0,21	80,00	120	480
Табак	35 -	0,43	0,28	0,07	233,34	350	1.400
Л е н	45 -	0,33	0,22	0,05	300,00	450	1.800
Хмель	90 -	0,17	0,11	0,03	600,00	900	3.600

Приведенная таблица довольно убедительно свидетельствует о том, что большинство продуктов экстенсивного земледелия и интенсивного земледелия типа картофельного и свекловичного отличается малой или средней транспортабельностью. Иное приходится сказать о табаке, волокнистом льне, хлопке и проч.. Здесь мы имеем высо-

Т.Бринкман - Экономические основы организации сел.-хоз-ва. предприятий стр. 96.

кую себестоимость продукта в единице веса. Наличие последнего качества, а также и того, что эти продукты при дальнейшей переработке не теряют в весе, т.е. являются чистыми, позволяют без всякого затруднения организовать производство этих продуктов в наиболее подходящих природных условиях (а также и в районах низкой оплаты труда), не стесняясь расстоянием и расходами по провозу. Дальнейшие их стадии переработки могут быть отделены тысячеверстными расстояниями от мест добычи сырья. Все остальные мало и средние транспортабельные продукты, мы должны разбить на две группы. Первую, к которой принадлежат кормовые - свекла, картофель - это весотеряющие продукты, перерабатываемые обычно на месте. Переработка таковых на месте требует значительного добавочного вложения капиталов.

Вторая группа, большей частью, со средней транспортабельностью - это зерновые, дающие чистый продукт, переработка которого перемещается к местам потребления. Как видим, отрасли земледелия дают весьма различную реакцию на транспортные затраты добываемого ими сырья. Так как эта экономия на провозе зависит, помимо уровня себестоимости, также и от степени чистоты или весопотери продукта, то считаем необходимым в этом вопросе несколько углубиться. Чем дальше отстоит рынок окончательного сбыта продуктов земледельческого хозяйства от места добывания их, тем вопрос экономии на транспортных издержках получает большее значение и, следовательно, становится особенно важным получение путем переработок на месте чистого и высокой стоимости продукта.

Что реально это имеет большое значение и заслуживает тщательного и детального изучения, это мы можем иллюстрировать следующими тремя примерами:

(см. на об.)

**ВЛИЯНИЕ ПЕРЕРАБОТКИ НА ПОВЫШЕНИЕ СЕБЕСТОИМОСТИ И ПОТРЕБ
В ВЕСЕ.¹⁾**

Хлеб в снопах и его обмолот	Абсолютная транспортабельность, вес начального продукта в колич. стоящем 1р. франко-хоз-ва .	Повышение транспортабельности от переработки	
		% выхода конечного продукта из сырья (а)	коэффициент повышения транспортабельности $X = \frac{a}{b}$
Рожь	3,8	28%	3,6
Овес	4,5	38%	2,6
Пшеница	2,5	32%	3,1
Зерно пшеницы и перемол в муку и отруби	1,1	98,3%	1,01

Стоимость порции продукта разных стадий переработки, соответствующей 16 кило трепанного волокна (примерный расчет для пряжи № 14).

	Количество	Стоимость	Разница стоимости	Стоимость переработки	Стоимость отхода	Доход переработки
Стебли	4,17	1,50	1,55	1,40	-	0,15
треста	3,12	3,05	1,26	1,10	-	0,16
мятый лен	2,50	4,31				
трепанный лен в крестьянском хозяйстве	1,00	5,32	1,01	0,90	-	0,11
трепанный лен на фабрике	1,00	7,38	2,06	2,00	-	0,06
чесанный лен	0,92	8,18	0,80	0,50	0,40	0,70
пряжи	0,67	13,00	4,82	4,64	0,50	0,65

1)

Чаянов А.В. Основ. идеи орг. С.-х. кооп. 1927 г. стр. 188 и 220.

Стоимость порций продукта разных стадий переработки, соответствующих одному килогр. сырого крахмала.

	Количество кило.	Стоимость	Разница цены	Стоимость переработки.	Доход переработки.
Сырой картофель	4,5	3,60	-	-	
Сырой крахмал	1,0	4,40	0,8	0,73	0,07
Патока	0,77	5,39	0,99	0,92	0,07
Паточное варенье	1,10	11,93	6,54	6,00	0,54

В примере с зерновыми продуктами мы имеем случай, когда путем первичной переработки, колотбы, выделяется из грубого сырья такой продукт, как зерно, который, как мы можем тотчас же убедиться, оказывается продуктом чистым, т.е. 98,5% его веса входит в дальнейший продукт, муку.

Близкую к сказанному картину мы имеем со льном. После выделения чистого трепанного волокна мы видим, что дальнейшие стадии переработки ведут к незначительному понижению в весе продукта. Если стоимость продукта и возрастает в единице веса, напр., после прядения, то, конечно, это происходит не от весопотери в производственной операции, а от насыщения материала затратами труда и капитала, преобразующими волокно в пряжу. Значительно по другому складывается производственный процесс в картофельном хозяйстве. Сырой картофель широко обращающийся на рынке, при поступлении в крахмалотеречное предприятие, дает из 4,5 весовых единиц 1 единицу крахмала. В дальнейшей переработке весопотеря идет незначительная при выработке патоки, а при варке варенья вес даже нарастает. Параллельно изменениям в весе и затратам на переработку нарастает себестоимость продукта.

Рассмотренные нами случаи довольно убедительно показывают, что в производственном процессе каждой отрасли земледелия можно найти оптимальную стадию, до которой должна идти

на месте переработки продукта для получения максимально транспортабельного и чистого его состояния. Ходовые товарные формы обычно и являются стихийно отобранными такими оптимальными по транспортабельности и чистоте продуктами отраслей земледелия.

Так как этот вопрос имеет очень большое значение для понимания закономерностей размещения не только земледелия, но и переработки его продуктов и в частности подводит нас к особенностям размещения скотоводства, как одной из форм переработки, то мы считаем необходимым еще уточнить те изменения в транспортабельности продуктов сельского хозяйства, которым происходят в связи с переработкой ¹⁾.

Рыночная цена за цент. 50кг. Марок	Доставка одного цент- нера на расстоян. од- ной мили обходится в % к цене товара при доставке по		Товар утрачивает пол- ноценность свою ценность при перевозке на рас- стояние в милях		
	Прест. по 15 цф.	По жез- дор. по 10цф. лезн. дор. по 25цф.	По прест. дорог.	По жез- сейн. дор.	По жез- лезн. дор.
	за центнер-милю				

Заводско-техническая переработка продуктов земле-
делия.

Сахарная свекла	1,00	15,00	10,00	2,50	6,67	10	40
Сахар	35,00	0,43	0,28	0,07	233,34	350	1400
Картофель	1,50	10,00	6,60	1,66	10,00	15	60
Картоф. крахмал	10,00	1,50	1,00	0,25	66,67	100	400
Спирт	20,00	0,75	0,50	0,12	133,34	200	800

Использование кормов в скотоводстве.

К о р м а							
Зеленые кор- ма	-50	30,00	20,00	5,00	3,34	5	20
Солома	1,00	15,00	10,00	2,50	6,67	10	40
Картофель	1,50	10,00	6,60	1,66	10,00	15	60
С е н о	2,00	7,50	5,00	1,25	13,34	20	80
Овес, яч- мень	7,50	2,00	1,30	0,33	50,00	75	300

(на об.)

¹⁾ Ibid Т. Бринкман 96 стр.

Продукты животно- водства.							
Молоко	4,00	3,75	2,50	0,62	27,34	40	160
Живой скот	20,00	0,25	0,25	0,25	400,00	400	400
Сало	40,00	0,37	0,25	0,06	266,07	400	1600
С и р	60,00	0,25	0,16	0,04	400,00	600	2400
Масло	100,00	0,15	0,10	0,02	666,67	1000	4000
Кожи	100,00	0,15	0,10	0,02	666,67	1000	4000
Шерсть	210,00	0,07	0,05	0,001	1400,00	2100	8400
Мясной экстракт	600,00	0,03	0,02	0,0004	4000,00	6000	24000

Данные нашей таблицы убеждают нас в том, что специализация земледелия на таких отраслях, как картофель, свекла, сахарный тростник и проч. и, следовательно, обслуживание ими широких районов, может осуществляться только при условии, когда получаемое сырье будет перерабатываться на месте. Мы уже говорили выше, что природные условия часто ведут к сильно выраженной локализованности интенсивных отраслей. К сказанному мы теперь можем добавить, что такую локализованность в очень большой мере еще усиливает местная заводская переработка, которая, в стремлении получить наибольший доход будет особенно сильно ориентироваться на районы с наибольшей урожайностью, так как таковая одновременно и гарантирует низкую себестоимость сырья в производящем земледельческом хозяйстве и дает возможность сокращать, как видно из таблицы, тяжелые грузовые расходы по подводу сырья и заводу.

Так решается вопрос о доведении продукта до оптимальной транспортабельности и чистоты в отраслях земледелия, связанных с заводской технической переработкой.

Чрезвычайно интересную картину способов выполнения тех же задач повышения транспортабельности сел.-хоз. продуктов, мы встречаем в симбиозе между земледелием и скотоводством. Большинство кормовых средств, которыми пользуется скотоводство,

является не только малотранспортабельными продуктами, но, кроме того, и повсеместными. Трава, продукты зернового хозяйства - вот основная база для выращивания овец и крупного рогатого скота. Мы знаем, что луговое хозяйство (от естественных пастбищных угодий до травосеяния) особенно ярко выражено в умеренных, более холодных и полупустынных засушливых зонах, а также в горных районах. Несколько более требовательно на природные условия зерновое хозяйство. География типов скотоводства по направлению, т.е. производящих шерсть, сало, мясо, молоко, в очень большой мере оказывается связанной через кормовую базу с земледелием (в широком смысле). Скотоводство выявляет ту или иную специализацию в зависимости от наличия в земледельческом хозяйстве тех или иных наиболее дешевых форм кормоснабжения. В очень большом числе случаев, корма являются отбросами в земледельческом хозяйстве и местной технической переработке. Солома, мякина, барда и проч. являются широко распространенными кормовыми средствами, расценка которых за единицу веса так низка, что они не выдерживают никакой почти перевозки. Все это ставит сельскому хозяину ультимативное задание или использовать получающиеся отбросы в скотоводстве и получить, увеличивая капитал в хозяйстве, транспортабельный и доходный продукт, или эти отбросы будут совершенно обесценены, т.е. иначе, например, солому приходится употреблять на топливо. Связь скотоводства с земледелием не ограничивается использованием отбросов, как кормов. Использование таких кормовых средств, как овинное сено, люцерна, кукуруза, картофель, повышая их доходность в хозяйстве, укрепляет значение этих отраслей в земледелии, позволяет уделять им то или иное место в полеводстве. Такой путь обеспечения кормами, когда таковые уже не являются отбросами в хозяйстве, а производятся с определенной целью обеспечить ими продуктивное скотоводство, обычно свойствен более интенсивным формам мясного и молочного скотоводства. Только при условии высокого качества продукта и особенно выгодного положения хозяйства по отношению к рынку возможно выращивать корма в полеводстве. Помимо двух указанных методов организации кормоснабжения ско-

товодства, основанных на использовании грубого местного земельного сырья, для получения мяса, молока, шерсти, мы как исключение, можем указать на употребление привозных концентрированных кормов. Это последнее наблюдается только в наиболее интенсивных формах скотоводства.

Все изложенное говорит нам о том, что экстенсивные формы скотоводства: мясшерстное и мясомолочное, обычно оказываются связанными также и с экстенсивными формами земледелия и тяготеют к наиболее неблагоприятным природным зонам. Даваемый этими отраслями продукт — шерсть, масло, сало — отличается высокой транспортабельностью и легко преодолевает большие расстояния, обычно отделяющие эти зоны от центральных рынков.

Отрасли животноводства, доставляющие высокое качество мяса в свинине или в дилом рогатом скоте, связываются уже не с экстенсивными формами земледелия. Их мы находим в местностях с широко развитыми интенсивными культурами, идущими в техническую переработку (свекла, картофель), где они существуют на местных отбросах. Они могут при особенно благоприятных рыночных условиях развиваться на выращивании в полеводстве специальных кормовых растений — кукурузы, сенокосных трав, кормовой свеклы и т.п.. Наконец, скотоводство может перерабатывать привозные сравнительно транспортабельные кормовые ресурсы — жмых и отруби — в особые по ценности сорта мяса и в молоко в районах, где эти продукты достигают наивысшей оценки и где, в то же самое время, они предаются в наименее транспортабельном виде (сырое молоко).

Вопросы организации скотоводства заставляют нас немного коснуться вообще вопроса организации сельского хозяйства в целом. Мы видели, что нередко выращивание в полеводстве тех или других культур имеет не самостоятельное рыночное значение, а они несут служебные задачи по обеспечению рыночного скотоводства дешевыми кормами. Мы должны подчеркнуть, что создание и поддержание в сельском хозяйстве рабочего скота, особенно лошадей, большей частью, не имеют самостоятельного промышленного значения. Здесь скот несет определенную службу в пользу земледелия. Указанные нами формы соподчинения отраслей сельского хозяйства весьма многообразны. Они основываются на стрелении по-

лучить возможно больший доход с помощью рационального использования находящегося в распоряжении хозяйства труда, капитала и земли.

Этим вопросом в целом мы будем заниматься ниже, но и в настоящей главе, мы полагаем, следует, в связи с изучением влияния природных условий на размещение сельского хозяйства, отметить одну закономерность.

Мы знаем, что интенсивные отрасли земледелия жаждут к лучшим природным условиям. Эти отрасли предъявляют большие требования на почвенное плодородие, на запасы труда и капитала. Такие требования тем значительнее, чем острее выражена специализация на хлопке, на свекле и др. культурах. Одним из наиболее распространенных организационных методов, с помощью которых сельские хозяйства парализуют напряженность этих требований, является сочетание этих интенсивных отраслей с зерновыми и кормовыми культурами. Благодаря таким тенденциям усиливается и без того ярко выраженная повсеместность трав, ячменя и др. подобных культур, а вместе с ними усиливается значение и продуктивного скотоводства в указанных интенсивных районах.

Во всем нашем изложении влияния природных условий на организацию сельского хозяйства мы принимали во внимание, что добываемые продукты должны доставляться на какой то более или менее отдаленной потребительской или производственной рынок: Но такая постановка вопроса будет не вполне верна. Сельское хозяйство дает продукты питания и техническое сырье (хлопок, лен, кожа, шерсть и проч.). Первые продукты, среди которых зерно, молоко и пр. играют серьезную роль имеют и местное потребительское и местное рыночное и экспортно-рыночное значение. Вторые, названные нами техническим сырьем в современных условиях доходят до потребления масс сельского населения большей частью через индустриальную переработку. В тех случаях, когда такая переработка дает большую потерю в весе (свекла, картофель), она организуется, как мы знаем, в местах наиболее выгодного добывания грубого сырья. Но такой переработки мы не находим или редко ее встречаем в крупнейших районах хлопководства, льноводства и т.п.. Такое чистое техническое сырье перерабатывается в централизованном порядке. Иное видим мы в отношении зерна, молока, мяса и картофеля и вообще продуктов обиходного потре-

бления сельского населения. Наличие широко рассеянного спроса на эти продукты способствует рассеянию и самого производства. Те тенденции, в повсеместности зерна и трав, которые, как мы видели, обнаруживались уже при изучении влияния пригородных зон, которые мы подчеркивали при характеристике провозоспособности и переработки этих продуктов, мы должны теперь еще усилить двумя только что разобранными соображениями. Травы и зерновые оказываются повсеместными потому еще, что они нужны для организации сельского хозяйства, для лучшего использования земли, труда и капитала. И, наконец, оказываются они необходимы и для отправления местных, полунатуральных потребностей сельского населения в пищевых продуктах (молоко, зерно).

Нашу характеристику размещения сельского хозяйства, как сырьевой базы, мы начали с учета влияния природной зоны. В дальнейшем мы должны были убедиться, что географическая увязанность сельского хозяйства с природными зонами обусловлена и многими другими причинами, но изучение этих последних в большинстве случаев нас убеждало в том, что они не ведут размещение сельского хозяйства к отрыву от основных границ природной базы. Из такого совпадения мы не делаем и не можем делать вывода о доминирующем влиянии только одного природного начала. В центре нашего внимания мы имели всегда сочетание в природных границах различных влияний и только совокупность их решала вопрос. Было бы ошибочно и нецелесообразно настаивать, что в южных штатах Сев. Америки хлопок производится только благодаря особым хлопковым землям. Мы полагаем, что этот вопрос совершенно необходимо связать с местными условиями рынка труда, капиталами, вложенными в производство, транспортом, который позволяет подвозить в эти штаты продовольствие и отправлять оттуда хлопок. Таким образом, общественное разделение труда по добыванию сельскохозяйственного сырья в первом нашем подходе хотя и совпадает с широкими природными зонами, но обусловлено, оказывается, все тем же нашим междурайонным хозяйственным расчетом: $C + F < P$, и внутрирайонным расчетом, базирующимся на обычном для местности уровне дохода.

Развитые нами соображения о размещении добывания продуктов

земледелия и скотоводства, мы можем перенести и на лесное хозяйство. Лес является также как и трава для некоторых природных зон повсеместным продуктом. На эксплуатации леса, именно в этих зонах, базируется мировое лесное дело. Так как лес дает продукт низкой транспортабельности и при механической переработке если и теряет в весе, то все же не в такой степени, как многие другие материалы, добывание леса и его ближайшие стадии переработки всюду в очень большой мере ориентируются на наиболее дешевые пути, главным образом, водные. Иную несколько картину представляет из себя химическая переработка леса, часто основывающаяся на районах особенно дешевого леса и на отбросах, оставшихся в лесу, или на заготовках. Таковая химическая промышленность перерабатывает сильно теряющее в весе сырье и оказывается обычно крепко привязанной к местам добывания этого сырья.

Вместе с развитием хозяйственного прогресса использование недровых богатств, дающих главным образом средства производства подучает все большее и большее значение. Особенно ответственную роль в обслуживании этих задач, начинают играть железо и каменный уголь. Если взять всю совокупность природных благ, которые используются человеком в промышленных целях (минуя сельское хозяйство и лесоводство), то в перечень таковых войдут: металлы — золото, серебро, медь, железо; строительные материалы — камень, глина; топливо — каменный уголь, сланцы, нефть; наконец, вода (техническая польза, энергия), воздух (азот). Как видим по перечню, география местонахождения всех этих благ пестра и нуждается в стилизации, обобщения. Так как повсеместные блага, как мы знаем, не могут сами сильно влиять на размещение добывающих сырье предприятий, включим в наше изучение только то, что отличается большой неравномерностью распределения по земле. К числу локализованных благ нельзя, конечно, отнести воздух и в значительной мере воду (для питания и техническое пользование), глину, камень. Обратно, приходится подчеркнуть локализованность всех остальных благ. Не только золото и серебро размещено по земле пятнами но и такие дешевые-малотранспортабельные и ^всесотеряющие блага, как каменный уголь, встречаются только в локализованной форме.

Как мы уже убедились идя от закономерного распределения при-

родных зон по земному шару к пониманию обусловленности сельского хозяйства со стороны природы, мы могли уточнить и основные тенденции экономической географии этой отрасли. К сожалению, мы не в состоянии идти тем же путем, при изучении размещения добывания локализованных недровых ресурсов. Естественные исследователи еще не дали ясной географической картины, в которую можно было бы замкнуть географию геологических процессов, закономерно обуславливающих размещение нахождения тех или иных недровых ресурсов. Грубая ориентировка ископаемых богатств горных краев далеко не всегда оправдывается. Только идя от фактического познания географии вероятных запасов таких ресурсов, железа, каменного угля и т. п. и сопоставляя с ними географию реально производящей добычи, мы можем иметь некоторую ориентировку при решении вопроса о тенденциях размещения добывания этого вида сырья. Мы не будем здесь давать данные о географии вероятных запасах железа, каменного угля, меди и пр. по странам и не будем делать детальных сопоставлений этих запасов с местами реально существующей добычи недровых богатств, хотя эта экономико-географическая задача и заслуживает серьезного изучения. Наша задача проще и схематичнее. Мы полагаем, что из всех обнаруженных пока недровых локализованных богатств, в первую очередь идут к эксплуатации те массивы, в которых $C + F < P$. Чем выше абсолютная себестоимость продукта, как это мы имеем в золоте и серебре, тем, при истощенности уже этих недровых богатств в старых обжитых местах и при наличии еще на окраинах возможности получить наименьшую относительную себестоимость, дальше от центров употребления и использования этих металлов, могут добываться они (т.к. показатель транспортных издержек для размещения добычи их не имеет существенного значения). Обратное, чем ниже абсолютная себестоимость продукта, как это мы и встречаем например, в каменном угле, тем совершенно ясно, менее целесообразно отодвигать разработку угольных копей на далекое расстояние от центров использования. Такими центрами использования в частности для угля могут быть металлургические районы, портовые центры и вообще промышленные районы. Тяготение к таковым местам добычи каменного угля оказывается особенно сильным посто-

Некоторые исследователи, например, Г. В. Восток (и др.), считают, что недровые ресурсы не имеют географической привязки.

му, что каменный уголь целиком уничтожается в производстве и такое его свойство при малой транспортабельности заставляет каменноугольную промышленность оставлять без хозяйственного использования залежи угля по низовьям. Енисей, в северных частях Канады, мало использовать таковой даже в Китае.

Таким образом, высота себестоимости и накладные расходы по провозу очень сильно влияют на отбор мест добывания горного сырья.

Вопрос о потере веса в переработке, при использовании недровых богатств, имеет существенное значение для уловления тенденции размещения. Мы сталкиваемся с ним не только при переработке руд (особенно железные), но, напр., и при использовании минеральных удобрительных туков. Решающим вопросом при организации добычи необходимых продуктов, будет - во что обойдется получение чистого продукта. дешевизна последней операции в современных условиях обычно зависит от наличия возможности получить достаточно дешевый каменный уголь (топливо), пригодный для этих целей. Так как для выплавки 1 тонны железа, примерно, требуется 2 тонны угля и 1 1/2 тонны руды, то, как видим, в результате переработки весовая потеря получается очень значительная. Эта весовая потеря будет давать тем большую экономию на транспорте, чем ближе друг к другу будут каменный уголь и руда. Центры металлургической промышленности мирового значения английский, рейнско-вестфальский, бельгийский, приозерный в Сев.Америке в большей или меньшей мере удовлетворяют именно этим требованиям. Обильные железной рудой Швеция и Урал не имеют своего каменного угля и это удерживает масштаб местной обработки руды на сравнительно низком уровне.

Особенностью производственных процессов, свойственных большинству металлов наиболее влиятельной группы из всех даваемых недрами продуктов, является то, что таковые после обработки руды получают уже вид сырья, не теряющего почти в весе при дальнейшей обработке. Это сильно содействует, с одной стороны локализации обработки руды на месте ее добычи и, с другой - это ведет к подчинению размещения остальных форм и стадий переработки, железа, меди и т.п. географии других частей издержек производства.

Наконец, необходимо еще подчеркнуть одно обстоятельство, связанное с весопотерей, обнаруживаемой при переработке недрового

сырья. В числе форм таковой переработки (нефть, каменный уголь, минеральные соли, отбросы) все большую и большую роль начинает играть химическая переработка. Горнопромышленные районы, с наличием угля и железа вообще по направлению, ведущейся в них промышленной работы, обычно являются в современности олохими образованиями. В них помимо переработки руды, добычи топлива, мы находим часто химическое производство (удобрений, красок, кислот и проч.) встречаемся с отраслями обостренно нуждающимися в топливе, в большом количестве металлического сырья и т.п. Все это требует привлечения в производство огромных капиталов и, конечно, все эти задачи использования горного сырья все более и более форсируют его добычу.

Несомненно, на возможности организации добычи руд и других недровых богатств, в том или ином районе будет влиять также в каком соотношении будет уровень доходности, получаемый от такой добычи с доходами других отраслей, распространенных в районе. Мы уже указывали, что в районах севера, несмотря на наличие там каменного угля и железа, таковые там обычно не добываются потому, что запасы труда и капитала, используемые в этих краях, выгоднее направлять на пушное дело, на рыболовство и др. занятия. То же мы можем наблюдать и в районах с широко развитой хозяйственной жизнью, когда бедные руды или плохого качества каменный уголь остается без разработки не только потому, что с точки зрения междурайонного разделения труда встречаются препятствия, а именно вследствие сравнительно низкой доходности такой добычи в сравнении с соседствующими предприятиями в районе.

Обобщая все сказанное, мы можем установить следующие тенденции в географии размещения добывания недрового сырья. Главнейшие очаги этого добывания в таких отраслях, которые особенно сильно влияют на хозяйственную географию - как железо, каменный уголь, тяготят к хозяйственно обжитым районам. Цветные металлы и особенно серебро и золото обратно размещаются ближе к северным и пустынным районам.

Все изложенное о сельско-хозяйственном и горнозаводством сырье мы рассматривали с точки зрения уточнения, главным образом, себестоимости добываемого сырья и уровень таковой мы сопоставляли с затратами на провоз, не ориентируясь совершенно в уровне са-

них провозных плат. Мы и далее не имеем в виду входить в изучение системы морских и железнодорожных тарифов, не имеем в виду уточнять, какие грузы идут по воде, какие по железной дороге, какие по грунтовым дорогам. Но тем не менее мы не в праве забывать огромного влияния самой системы транспорта на общественное разделение труда вообще, и особенно на размещение добывания сырья, дающего наиболее остро реагирующий на провозную плату товарный продукт. Дешевизна провоза, насыщенность улучшенными путями хозяйственной территории, приспособленность транспорта к задачам форсирования общественного разделения труда в пространстве, все это имеет огромное значение при познании конкретных форм размещения добычи сырья, в том или ином народном хозяйстве.

Несомненно, среди условий сильно облегчающих развертывание естественных производительных сил и вместе с тем соответственное углубление специализации, мы должны на первый план поставить дешевые транспортные связи. Страны с хорошими морскими путями сообщения и широко оборудованные железнодорожным транспортом, могут особенно выгодно использовать имеющееся в них природное зональное и азональное разнообразие (Соединенные Штаты). Значительно хуже обстоит дело в таких странах, к числу которых приходится отнести и наше народное хозяйство, в которых природные богатства и их разнообразие не создают особенных выгод для общественного разделения труда, где расстояния колоссальны, а пути сообщения еще остаются до сего времени почти первобытными.

По сколько было возможно, мы старались объяснить экономическую обусловленность размещения сырья, а следовательно, и той части географического общественного разделения труда, которая с таковой операцией связана. Как мы установили, эксплуатация сырьевых богатств происходит не во всех тех природных условиях, где таковое сырье возможно по его физической наличности получить, а только в тех, где это наиболее выгодно с точки зрения общественного разделения труда. В конкретной форме такая экономическая обусловленность выявлялась в форме 1) выгоды, получаемой от себестоимости (производительность земли, высота заработной платы, накопления капитала). 2) выгод, повышающих или понижающих в зависимости от удобств преодоления пути между местами производства и сбыта (переработка, транспортабельность

транспорт), 3) и, наконец, не только преимущества производства сравнительно с другими районами решает интересующий нас вопрос, но и уровень дохода свойственный самому району производства.

Все это не значит, что мы отрицаем необходимость увязывать добычу сырья с местом природных и тому возможностей, но мы считаем совершенно ошибочным брать такую предпосылку без экономического критического анализа. Таковой анализ приводит нас, как мы видим, к обобщению того процесса отбора, который в мировом стихийном развитии как и идет в сторону уточнения выгоды размещения добычи сырья по местностям, в которых или низка себестоимость, или низки расходы по связи с рынком и, наконец, где доход отрасли оказывается приемлемым для района.

Мы подходим к размещению добывания сырья с одной стороны с целью выяснения обусловленности его географии, и с другой - для ориентировки как и в какой мере эта география добывания сырья, расположенная в пространстве пятнами и плоскостями, будет участвовать в формировании интересующих нас хозяйственных совокупностей - экономических районов.

Составляя окончательное решение этого последнего вопроса до момента конструирования экономических районов, мы и в настоящей главе можем подчеркнуть некоторые пути формирования хозяйственных территориальных совокупностей. В отношении сельского хозяйства отметим специализацию районов интенсивных культур вообще и особенно таких, которые в субтропических и тропических странах базируются на исключительных природных условиях. Часто в этих хозяйственных зонах мы будем видеть организацию переработки, добываемого здесь бесцельного сырья. Выделялась ярко и зона с дефектными природными условиями (полярные края, засушливые полупустыни и пустыни, горные вершины), где на базе использования естественных пастбищ будет создавать экстенсивное скотоводство.

Между собой эти контрастными зонами лежат страны с умеренным климатом, в которых интенсивные типы сельского хозяйства ориентируются на местные лучшие природные и экономические условия, а экстенсивные - не менее благоприятные условия.

определенные части природных зон, как мы знаем, должны сильно окрашиваться специализацией по эксплуатации леса. на фоне зонально вы-

раженного размещения сельского и лесного хозяйства, как мы знаем, в ином порядке будут размещаться массивы и пятна недровых богатств.

Среди всего ассортимента недровых богатств, наше особое внимание должны привлекать, по их хозяйственному значению в современности, ресурсы железа и каменного угля. по совокупности хозяйственных условий, добыча этих основных видов промышленного сырья избегает располагаться в холодных северных и пустынных зонах, но в последних, являемся довольно типичным, надо признать добывание цветных металлов и особенно золота и серебра.

При нашей характеристике обусловленности положения отраслей сельского хозяйства, мы помимо природных фактов разбирались в роли транспортабельности, переработки, кратко захватывали и общественно-исторические. из числа последних, мы отмечали влияние уровня заработной платы, накопления капиталов, благоприятных транспортных условий (поскольку таковые являются б.ч. исторически обусловленными). мы указывали на некоторые черты их распространения и на свойственный им характер влияния на размещение хозяйства. по эти факторы такого порядка, что самое их появление в пределах той или иной территории требует объяснений. Только таким образом можно будет уточнить географию интересующих нас хозяйственных образований. вместе с таковым объяснением, мы в состоянии будем значительно углубить понимание специфических черт их воздействия в деле формирования экономических районов. это мы и сделаем в следующих двух главах.

БРИНГМАН Т. - Экономические основы организации с.-х. предприятий - 1926 г.

ВЕНЕР А. - теория размещения промышленности - 1926 г.

БЕРНШТЕЙН-КОГАН С.В. - Очерки Экономической географии ч.1 1925г.

и Введение в экономику промышленности - 1926г.

СКВОРЦОВ С. - Влияние парового транспорта.

ENGELBRECHT G. Die Landbauzonen d. aussertropisch Lander. В. 1898-99

Гл. IV. ГЕНЕЗИС ОБЩЕСТВЕННОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА.

В предшествующей главе мы дали характеристику размещения производства по добыванию сырья. Как мы установили, выгоды такого добывания в очень большой мере зависят от природных условий. Благоприятные климатические и почвенные условия повышают выгоды и открывают большие возможности ведения интенсивного земледельческого хозяйства. Короткий вегетационный период, недостаток влаги сужают масштабы земледелия и, как мы видим, в некоторых случаях оставляют место только для экстенсивного пастбищного скотоводства. Природными ресурсами обусловлены выгоды и возможности добывания каменного угля, железа, меди, золота и др. горных богатств.

Таким образом, выгоды и возможности добывания сырья оказываются в сильной мере обусловлены природными ресурсами. Однако, как мы убедились из данных, приведенных в предшествующей главе, хозяйственная реализация указанных выгод и возможностей не осуществляется и не может осуществляться в строго пропорциональных физическим качествам и количествам каждого природного блага-масштабах. В современности при широко развитых путях сообщения остаются еще до сего времени огромные неосвоенные человеком территории, выгоды и возможности эксплуатации которых еще не стоят у человечества на очереди. Хозяйственная жизнь народов в прошлом, в стихийном своем развитии, шла вовсе не прямым рациональным путем, начиная с эксплуатации наиболее ценных богатств и по мере истощения таковых переходя к менее ценным. Самая оценка полезности тех или иных благ не менялась в истории хозяйства. Путь развития, который еще и до сего времени далеко не закончен, шел по своеобразным мировым тропам и дорогам и география эксплуатации природных богатств в различные фазисы развития не может быть понята без учета наследия предшествующих периодов. Это наследство имеет огромное значение и в современности. Разве в современности мы не используем тех морских путей, которыми вели свою торговлю финикийцы, разве Рейнский путь или Волжский путь потеряли свое хозяйственное значение; и все эти пути разве не имеют на своих берегах до

сего времени больших наследий хозяйственного прошлого. Но не только пути сообщения говорят нам о прошлом. С нем говорят остатки натурального хозяйства, наличие ремесленного и кустарного хозяйства в тех или иных частях страны и даже развившиеся на месте старых кустарных центров формы фабричной промышленности. Несомненно, без отчетливого понимания хозяйственной географии прошлого, мы не в состоянии объяснить экономическую географию современности. Выгоды и возможности эксплуатации природных богатств в том или ином районе часто подготовлялись, развертывались не единым мощным ударом современной промышленной техники, а реализовались десятилетиями и столетиями.

Внесение исторической перспективы в экономическую географию задача чрезвычайно трудная и требует больших коллективных усилий историков и географов-экономистов. Задачей такой работы должен быть не только анализ развития общественного разделения труда и выяснения причин хозяйственного обособления основных хозяйственных функций - сельского хозяйства, торговли, промышленности добывающей и обрабатывающей. Основным интересом такого исследования должно быть выяснение - где, когда и при каких условиях организовалось выполнение таких специальных функций.

Такая работа должна дать характеристику основных стадий географического общественного разделения труда и в пределах каждой стадии - размещения экономических районов и взаимодействия между ними. Характеристика смены стадий, кроме того, должна уточнить причины возникновения, размещения и перемещения основных типов экономических районов.

Наш подход к изучению исторического хозяйственного наследства очень близок к воззрениям А. Вебера, высказанным им в отношении промышленности.

" каждое данное расположение промышленности, и каждое вообще локально-хозяйственное образование, взятое как фотографический снимок для определенного исторического периода, представляет собою не что иное как модификацию аналогичного предыдущего снимка, модификацию, соответствующую данной стадии хозяйственного развития".

" С точки зрения какого-либо одного периода, эту моде-

фикацию надо рассматривать как некоторое "рационалистическое" преобразование исторически сложившегося организма, который в известной своей части стал "иррациональным".^{х)}

Вполне понятно, что нам для понимания современной хозяйственной действительности особенно важно уточнить то наследство, которое мы получили от предшествующего нам периода.

До сего времени эта задача в значительно большей мере решалась с точки зрения эволюции форм хозяйств, фазисов социальной борьбы и интерес экономико-географический при таких исследованиях оказывался в подавленном состоянии.

Только после проработки большого еще не тронутого материала можно будет более уверенно говорить о стадиях экономико-географического развития.^{хх)} При таком состоянии знания наша задача описать генезис географического разделения труда, является особенно трудной. Мы считали нецелесообразным дать такой генезис по какому-либо отдельному народному хозяйству. Это лишило бы нас возможности подчеркнуть некоторые типовые явления, имевшие место в других странах. Мы решили дать схематическое изложение такого генезиса и вполне понятно при этом нам пришлось отказаться от конкретизации экономической географии, описываемых нами стадий развития.

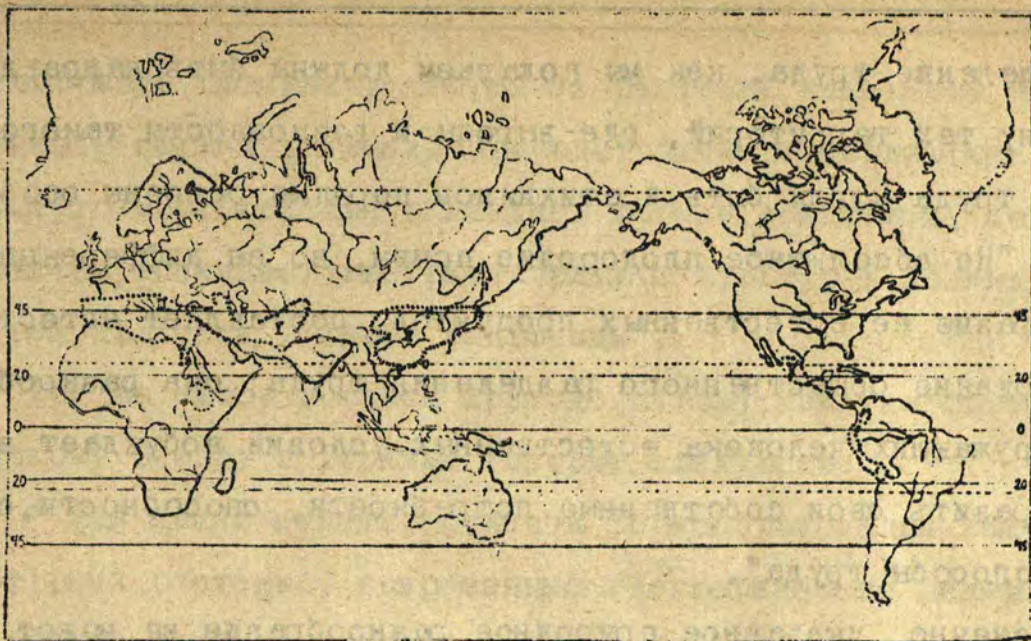
Географическое общественное разделение труда могло складываться только в условиях менового хозяйства. Мы знаем, что это меновое хозяйство развертывалось постепенно и не одинаковым темпом в различных частях земного шара. Тип хозяйства, существовавший в первоначальные фазисы развития менового строя принято называть полунатуральным хозяйством. Экономисты, кроме того, нередко рисуют себе как гипотезу такое состояние хозяйства, которое лишено всякого обмена и является чисто натуральным хозяйством. В натуральном хозяйстве, если и есть какое-либо разделение труда внутри семьи, рода, общины или может быть внутри крупного феодального хозяйства, то это разделение труда много внутривладельческого порядка. В таком раз-

х) А. Вебер. Теория размещения промышленности, 1926 г., стр. 147.

хх) Автор отчасти с этой целью в настоящее время прорабатывает тему "Возникновение русского народного хозяйства".

делении труда нет географической обусловленности отдельных производственных функций и связь между лицами, участвующими в таком разделении труда, совершается не на основании менового оборота. В описываемом нами гипотетическом натуральном хозяйстве (и близком к нему полунатуральном), мы, кроме признака отсутствия или слабого развития менового оборота, должны отметить еще два очень существенных качества.

Во-первых, мы должны указать на универсальность экономических задач этого типа хозяйства. Только тогда, когда такое хозяйство обслуживает решительно все нужды, которые выдвигаются потребляющей семьей, родом и т.п., только тогда можно представить себе, что это хозяйство будет натуральным. Очевидно, задачи по снабжению растительными и животными пищевыми продуктами, одеждой, предметами утвари, жилищем и т.п., натуральное хозяйство должно выполнять в полной мере. Для этих целей оно должно располагать возможностями добывать грубое сырье (зерно, лен, коноплю, скот, шерсть, кожу, дерево, металлы и т.п.), уметь обрабатывать эти материалы и получать в результате этой обработки необходимый для внутреннего обихода продукт. Мы придаем очень большое значение признаку универсальности хозяйственных задач в каждой ячейке, входящей в натуральный строй. В тесной связи с тем, что натуральное хозяйство обслуживает все многообразие наличных потребностей, мы должны отметить еще одно свойство производительной деятельности такого хозяйства. Это хозяйство при выполнении стоящих перед ним задач, работая примитивными методами, само добывает сырье, перерабатывает его и получает годный к потреблению продукт. Для такого хозяйства характерны непрерывность и целостность производственного процесса. В силу отсутствия обмена, производственный процесс не раздробляется на части по отдельным хозяйствам. Посеянный лен поступает в первичную переработку, а затем в прядение, ткачество и беление в руки членов того же самого хозяйства. Если персонально состав работников и меняется, то все же между ними нет и не может быть операций обмена.

Основные центры происхождения главнейших культурных растений Старого и Нового Света. I. Юго-Западная Азия; II. Юго-Восточная Азия; III. Средиземноморское побережье; IV. Абиссиния и Эритрея; V. Горные районы Южной Америки и Мексики.

На основании сказанного, мы считаем, что натуральный строй, т.е. гипотетическое исходное положение для развития следует характеризовать тремя признаками: хозяйство этого строя не участвует в обмене, оно универсально по своим производственным функциям и, наконец, производственный процесс в таких хозяйствах отличается непрерывностью, целостностью.

Указанные качества натурального или близкого к нему полунатурального хозяйства позволяют нам сделать некоторые заключения о географии хозяйственных функций, имевших место в различных частях земного шара, в период, близкий к такому натуральному состоянию. Очевидно, натуральное хозяйство, стремившееся обслужить комплекс питания, потребность в одежде, жилище и пр., решало эти задачи, пользуясь местными благами природы и приспособляясь к овладению таковых благ с помощью своих сил и орудий производства, добывавшихся из местных же природных ресурсов. Как видим, разнообразие и в таком состоянии можно констатировать очень большое. Под экватором питались кокосами, бананами, рисом, в умеренных странах — пшеницей, ячменем, жители полупустынь и гор были мясоедами и т.п. Но это разнообразие может интересовать экономиста-географа только как гипотетическое отправное положение. Это не есть географическое общественное разделение труда. Наши поиски очагов, где зародилось обществен-

ное разделение труда, как мы полагаем должны быть направлены в сторону тех территорий, где выгоды и возможности такого разделения труда могли быть в стихийном порядке освоены особенно быстро. "Не абсолютное плодородие почвы, но ее дифференциация, разнообразие ее естественных продуктов, составляет естественное основание общественного разделения труда; она разнообразием окружающих человека естественных условий побуждает его разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы труда".

Конечно, указанное природное разнообразие не может быть понимаемо безотносительно к способности его удовлетворять человеческие потребности, но не подлежит сомнению, что общественное разделение труда форсируется не однородным обилием и плодородием, а именно пестротой состава природных благ, их разнообразием. В перспективе указанных соображений, а также основываясь на некоторых исторических, этнографических и культурно-бытовых данных, мы полагаем, что начавшаяся устанавливаться в экономической географии научная традиция, ищущая зарождение цивилизации в долинах великих рек Старого Света,^{х)} едва ли может быть признана убедительной. Эти долины были большими природными однообразиями. Они для своего освоения требовали уже большой предварительной организованности людей. Мы полагаем, что внимание экономистов-географов в поисках первых очагов хозяйственной культуры, основанной на географическом общественном разделение труда, должно быть несколько передвинуто, а именно в сторону находящихся в тех же тропиках и субтропиках предгорий. В этих предгорьях Индии, Афганистана, Туркестана, Ирана, Малой Азии, Абиссинии, Мексики и др. стран мы полагаем имеется больше оснований для поисков очагов первого фазиса формирования общественного разделения труда. Как указывает проф. Вавилов^{хх)} "ближайшее изучение юго-западной Азии, Малой Азии, Сев. Африки.... показало в последние годы, что все сортовое

1) Маркс. Капитал, т. 1, стр. 425.

х) Л. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. Хоррабия. Экономическая география мира.

хх) "Центры происхождения культурных растений", стр. 103.

разнообразие полевых и огородных растений заключено преимущественно в горных районах. Сосредоточием разнотравия и расового многообразия оказались горные области и, повидимому, взгляд на возникновение растительных культур в долинах великих рек является в корне ошибочным^{х)}.

Тот же автор в своем докладе пятому Международному Генетическому Съезду в Берлине говорит следующее:

"Как можно видеть, области формообразования важнейших культурных растений, современные географические центры генов, приурочены преимущественно к горным районам Азии, Гималаям и их отрогам, горной системе Северо-Восточной Африки, горным районам Южной Европы, Пиринеям, Аппенинам, Балканам, в Новом Свете - к Кордильерам и к южным отрогам Скалистых Гор.

В Старом Свете происхождение культурных растений приурочено к полосе между 20° и 40° с.ш. Эти горные области граничат с пустынями Центральной Азии и Сахары и по разнообразию климата и почвы представляют оптимальные условия для проявления формообразовательного процесса. Разнообразие условий от пустынь до оазисов, от почв, лишенных гумуса, до богатых перегноем альпийских и субальпийских зон, способствовало сосредоточению здесь исключительного разнообразия растительности.

Совершенно определенно выясняется факт сосредоточия мировых растительных богатств по культурным растениям в горных районах, точнее - в районах с высотами от 500 до 2500 метров. Вопреки обычным воззрениям о приуроченности первоначальных культур к долинам великих рек, как Тигр, Евфрат, Инд, Ганг, Нил, Хоанхэ, Янцзыдзян, Аму-Дарья, Сыр-Дарья, мы приходим к тому, что первичными областями земледельческих культур являются не долины, а горные районы, которые фактически по настоящее время являются хранителями сортовых богатств. Изучение процесса расселения человеческих культур совершенно отчетливо указывает, что именно ряд горных районов являются первыми очагами^{х)}.

х) Известия Гос. Инстит. Усп. Агрономии, 1927 г. № 5.

Н.И. Вавилов в своих работах подчеркивает, что на основе анализа сортового состава культурных растений надо признать, что древняя египетская культура, а также и культура Меэсопотамии являются культурами вторичного происхождения. Наконец, Н.И. Вавилов дает карту (см. картограмму) основных центров происхождения культурных растений Старого и Нового Света и отмечает, что "на всем земном шаре горные районы Азии и Африки до сих пор представляют собой самые заселенные места. Более половины человеческого населения земного шара до сих пор приурочено к этой горной зоне, составляющей очень скромную часть территории земной поверхности - по нашим подсчетам не более одной двадцатой ее". Несомненно, в далеком прошлом доля населения, приходящаяся на указанные территории, была значительно большей.

Таковы чрезвычайно интересные в отношении земледельческого хозяйства данные Н.И. Вавилова. Мы, действительно, в результате его работы имеем убедительные данные, говорящие о наличии в предгорьях в различных вертикальных зонах пестрого состава зерновых - хлебных, кормовых, масличных, волокнистых, садово-огородных и др. культур и, кроме того, по каждой из культур мы имеем большое сортовое разнообразие. Это сортовое разнообразие опять так часто обуславливается различными вертикальными зонами, отличающимися неодинаковыми климатическими, почвенными и другими условиями. Уже и в настоящее время произведенные Н.И. Вавиловым наблюдения, а также и опытная работа дают ему все основания утверждать, что вертикальные зоны могли создавать и действительно создавали пестрый сортовой материал, пригодный для обсеменения и умеренно холодных и теплых умеренных равнин с различным вегетационным периодом. Несомненно, здесь же у подошвы гор выращивался, отбирался тот сортовой материал, который в ближайшую очередь шел на массовое размножение в широкие поливные долины Нила, Евфрата, Инда и др. великих рек.

Но блестящая гипотеза Н.И. Вавилова не может и не должна быть ограничена в своем значении только земледелием. Мы знаем, какое огромное организующее влияние оказывают горные райо-

ны на скотоводческое хозяйство. Как пестро слагаются в горах кормовые условия и как это влияет на состав стада и на продукцию скота. Если кроме непосредственного влияния природы, мы добавим еще влияние на организацию скотоводства, отмеченного нами выше, разнообразия земледелия, то интересующее нас предгорье в отношении всего сельского хозяйства будет являться районами с большим количеством хозяйственных заданий.

Но вертикальные зоны имеют еще одну особенность, которая в засушливых субтропиках выражена достаточно ярко. В этих полупустынных безлесных, степных, засушливых равнинах мы, приближаясь к горам на определенной высоте на их склонах, находим леса, которые дают не только строительный и поделочный материал, но и топливо. Наконец, последним и очень существенным природным благом, которым нередко оказываются богаты предгорья, является добыча металлов и минералов. Известно, что для периода зарождения культурной жизни человечества наибольшую ценность имели медь, серебро, свинец и др. цветные металлы. Как видим, рассматривая предгорья во всей совокупности природных возможностей их, мы должны признать, что здесь мы имеем не только исключительно ботанические богатства, но действительно, на небольшом пространстве имеем очень большую пестроту и земледельческих, и скотоводческих, и лесных, и горных благ, доступных для эксплуатации человека.

Конечно, эта эксплуатация требовала некоторых навыков, хозяйственной организованности и некоторого общественного порядка. Без таковых правил общажи и перегон скота, между посевами, ни земледелие в целом и особенно поливное не могли бы существовать. В отношении культурных навыков, отмеченные нами предгорные районы очень часто, и особенно можно подчеркнуть это для Кавказа, Туркестана, Афганистана, Абиссинии, Бухары, Северной Индии, характеризуются необычайной пестротой этнического состава местного населения. Эти районы удержали в себе до сего времени клочки очень многих вымерших крупных народностей. Часто здесь были первые этапы их перехода от кочевых к земледельческому хозяйству. Нередко здесь каждая народность имеет до сего времени свою ярко выраженную хозяй-

ственную специализацию. Такое явление часто можно наблюдать в Закавказьи. В Семиречьи рядом живущие киргизы-казахи, русские, таранчи и дунгане до сего времени ярко обособлены по направлению своего хозяйства. Специализацией дунган и таранчей является культура риса и мака, русских - посевы зерновых, а казаков - пастбищное скотоводство.

Мы не утверждаем, что все предгорья оспособны были исполнять роль таких рассадников первоначального общественного разделения труда. Мы только считаем законным продолжить предположения Н.И. Вавилова за пределы земледелия и указать, что для экономистов-географов многие предгорья представляют больший интерес, чем только центры земледелия. При наличии отмеченного нами разнообразия природных благ мы полагаем, здесь особенно легко могла формироваться специализация одних хозяйств на скотоводстве, других - на земледелии, выращивающем зерно, третьи будут земледельцами, производящими на подошве гор на поливных землях рис и фрукты, наконец, здесь же по близости могли добываться отдельными хозяйствами лес и металлы. Как видим, для общественного разделения труда здесь имелась достаточно широкая база. Так рисуются нам истоки общественного разделения труда.

Было бы ошибочно предполагать, что отмечаемое нами значение вертикальных зон и вообще сосредоточение к одному месту природного многообразия имело значение только для оложения хозяйства Ассирии-Вавилонии, Египта и т.п. и не имеет общего экономико-географического значения. То, что мы сказали выше, относится к общим истокам культурной жизни Старого и Нового мира и, как было указано, территориально расположено в тропиках и субтропиках около местных внутренних морских бассейнов. Но, возьмем примеры из других частей земного шара. Посмотрим, где начиналась и формировалась общественная и хозяйственная жизнь в пределах северной Европы.

Старым культурным центром Швеции является приозерный район, лежащий между лесной северной и земледельческой южной Швецией. В этом старом центре страны по отрогам гор мы находим самые древние рудники меди. Как видим, разнообразие здесь

далеко не столь пестрое, как в субтропиках, но тем не менее из тех возможностей, которые представляла из себя вся страна, старый шведский район использовал максимальное разнообразие. В Германии мы находим два старых центра культуры. По верхнему Рейну и по верхней Эльбе в Саксонии. Оба эти центра лежат в предгорьях богатой серебром, медью, солью и находились вблизи от плодородных земледельческих территорий и недалеко от горных пастбищ и лесов. Приведем, наконец, краткую характеристику старых центров нашей русской европейской равнины. Такими мы считаем район Киева, Московско-Суздальский и Велико-Болгарско-Каванский. Все эти центры лежат или на северной границе чернозема или около нее. Наши основные стихии, лес и степь, здесь особенно были близки друг к другу. Наиболее живучий Московско-Суздальский центр оказался кроме того и с запасами железной руды и с наличием рыбных, бортных и пушных богатств и соляных варниц. Как свидетельствуют приведенные данные, природное разнообразие нами вообще должно рассматриваться как база, форсирующая общественное разделение труда. Конечно, не везде это разнообразие одинаково выявлено. Не в одну и ту же очередь история хозяйства включает эти базы в орбиту своего влияния^{х)}, но игнорировать при изучении исторической хозяйственной географии значение указанных природных особенностей было бы ошибочным. Как мы видим, они помогали человеку организовать первоначальное ядро хозяйствующего общества, силами и средствами которого начали в дальнейшем осваиваться и остальные, лежащие вокруг природные ресурсы.

Намечая географию центров, в которых формировалось общественное разделение труда, мы не имеем возможности уточнить масштаб их территории и радиус их влияния на окружающие местности. Последнее зависело в очень большой мере от общественно-государственной организованности, создававшейся в этих центрах и от наличия удобных для того времени, обыкновенно водных путей сообщения.

Роль путей сообщения в деле распространения влияния этих центров, несомненно, очень велика. Не случайно то, что боль-

х) Одной из молодых таких баз являются предгорья Алтая, где быстро формируется большой узел общественного разделения труда.

шинство из этих центров лежит недалеко от внутренних морей и, конечно, весьма знаменательно то, что огромное большинство из них оказывается большими речными артериями соединено с прилегающими пространствами.

Благодаря удобным путям сообщения, общественное разделение труда, нашедшее почву для своего развития в центрах цивилизации, стало торсировать товарные избытки и в других природных зонах. Лесные районы Севера начинают давать пушнину, воск и мед. Из южных районов доставляются фрукты, вино, шелк. Районы с особо благоприятными условиями для земледелия поставляют зерно, льняные ткани. Из приморских районов идут соль и рыба. Торговый оборот, отмеченный нами, характерный как для древнего периода, так и для средневековья, отличался тем, что главную долю товаров в этом обороте составляли более ценные и транспортабельные товары. Только такие товары выдерживали высокие накладные расходы по перевозке.

Сложившееся в центрах цивилизации общественное разделение труда, как мы видели, в указанный период начало влиять на периферию, но эта периферия, и особенно лежащая в значительно худших природных условиях, пробуждалась значительно позднее, и в развитии местного общественного разделения труда сильно отставало от центров старой цивилизации.

Описываемый нами фазис географического разделения труда характеризуется, как мы видели, некоторым развитием товарооборота (дорогие транспортабельные товары для международного обмена и более широкий оборот для внутреннего) и, в меру такого развития, универсальное хозяйство начинает заменяться хозяйством специализировавшимся на тех или других отраслях. Так как основной базой для такой специализации мы пока имеем природные условия, то разрушение универсального хозяйства не сопровождается обычно разрывом непрерывного целостного производственного процесса. Добываемое в хозяйстве сырье обычно в том же хозяйстве и перерабатывается, давая в той или другой доле избыточный товарный продукт.

Характерными для такого типа общественного разделения труда являются торговые административные города со слабым раз-

витием в них ремесленной промышленности. Такие города обычно располагаются на удобных путях сообщения, на границе, где легче всего могут встречаться соседствующее хозяйственное многообразие.

Второй период общественного разделения труда, в отличие от только что описанного, характеризуется следующими признаками: 1/ Идет разложение производственного процесса и выделяется специализированное ремесленно-кустарное хозяйство в старых центрах развития; 2/ форсируется колонизация прилегающих к центру плодородных земледельческих равнин, дающих значительное количество сельско-хозяйственного сырья на внутренний и внешний рынок; 3/ на пунктах удобных выходов из страны на международный рынок организуются экспортно-импортные торговые центры, получающие большую хозяйственную мощь.

Указанные процессы в той или другой мере в зависимости от различных благоприятных условий начинают проявляться уже в первый фазис развития. Нередко указанные процессы, несмотря на их соседство и хозяйственную связь, оказываются длительно раз"единенными друг от друга политическими границами, задерживающими формирование разворачивающегося народно-хозяйственного разделения труда. Иногда эти процессы совершаются в засушливых субтропиках, в районах, окруженных пустынями, бывают отделены друг от друга большими расстояниями. Иногда формирование народного хозяйства в странах теплых умеренных проходит по течению рядом лежащих речных долин, или хозяйственные системы оказываются отделенными друг от друга горами. Наконец, нередко на севере такие системы разделения труда развиваются в окружении слабо используемой хозяйством лесной стихии. Отмеченная нами география имела большое значение для развития интересующих нас образований. В некоторых случаях пустыни и леса обеспечивали безопасность растущего разделения труда - в других же близкое соседство нередко форсировало международные связи. В большинстве случаев, однако, эти процессы завершаются в Западной Европе уже к моменту промышленного переворота. Заключительным аккордом такой эволюции обычно является создание крупных национальных государств, включающих в се-

бя связанные общественным разделением труда территории.

Начнем нашу характеристику с развития промышленных функций старых центров культуры. Как мы выше указали, эти старые центры организовали первоначальное общественное разделение труда на основе имевшегося в их пределах природного многообразия и товарного оборота с прилегающими территориями. Это повело к дифференцированию населения на классы и сословия и, например, в России и Западной Европе повело к созданию хозяйства феодальной аристократии и монастырей. Эксплуатация труда этими хозяйствами в первоначальных промыслах — (охота, пчеловодство, рыболовство) и земледелии и, наконец, в домашнем мастерстве в той или другой мере служило базой, как для натурального обихода, так и для менового оборота. Рост менового оборота с одной стороны, упадок первоначальных промыслов с другой и, наконец, натиск крупных территориальных государей с третьей, — все это вело к таким пертурбациям в вотчинно-феодальных хозяйствах, в результате которых эти хозяйства разрушались, а бывшие дворные мастеровые и служилые люди княжеского монастырского хозяйства в значительной своей доле становились в ряды посадского городского населения. Сосредоточившееся в городах промышленное население обслуживало своими товарами сельскую прилегающую округу, которая покупала в городе обувь, одежду, утварь, вырабатывавшуюся из металла и кожи. Покупателями были крестьяне и пришедшие на смену графам, баронам, князьям и боярам — рыцари на Западе, а в России помещики. Перемены, происшедшие в городе шли параллельно с ростом сельско-хозяйственной продукции. Деревня начинает усиленно снабжать город зерном, скотом, птицей, яйцами и прочими сельско-хозяйственными продуктами. Как общее явление для Западной и России мы должны отметить также и то, что деревня снабжает город изделиями из дерева и из глины. Так формировалось районное городское общественное разделение труда. Яркой, специфической его чертой является разложение производственного процесса. Городской ремесленник не добывает сам шерсть, кожи, металла. Он занимается только выработкой из полученного сырья готовых изделий. Формирующееся профессиональное разделение

труда базируется уже не на природных условиях, а на длительных, часто преемственных (цехи, ученичество), ремесленных навыках. При особенно благоприятных экономических и природных условиях рост ремесленного труда в городе шел так быстро, что городским ремесленникам приходилось искать сбыта своих суконов, металлических изделий и др. товаров в прилегающих земледельческих районах, а также на отдаленных, иногда иностранных, рынках. Вместе с таким удалением рынков сбыта от центров производства росло значение посреднического торгового капитала, а вместе с тем независимые ремесленники переходили в кадры зависимых кустарей.

Процесс расширения рыночных связей по закупке сырья и сбыт готовых изделий, в некоторых случаях особенно ускорился, шедшим одновременно с ростом городского строя, процессом колонизации земледельческих равнин. Конечно, не во всех странах этот процесс шел одновременно и имел для развития городского строя одинаковое значение. В некоторых Западно-Европейских странах, в момент формирования городского строя, таких районов колонизации по соседству почти и не было. Но где они были (Франция, Германия, Польша, Россия), заселение новых районов¹⁾ имело огромное значение для дальнейшего развития общественного разделения труда. Освоение новых районов усилило развитие кустарной промышленности в старых центрах. Это вместе с тем создало значительные экспортные избытки как сырья, так и готовых изделий, и в этот период начинает усиливаться деятельность портовых приморских городов. Чем в более благоприятном положении оказывался тот или другой колонизируемый район, чем больше выгоды представляла его эксплуатация, тем чаще мы наблюдаем, что таковой район гуще заселялся и, вместе с тем, тем больше стремлений проявляло помещичье хозяйство к эксплуатации здешнего крестьянского труда.

Образцами таких районов в нашем русском народном хозяйстве является Западная часть центрально-черноземной полосы и

1) Или введение в границы национального государства прилегающих стран с преобладанием сельского хозяйства (Венгрия, Ломбардия и др.).

юго-западная Украина. Для указанных районов характерно не только развитие в их пределах жестокой барщины, но и обезземеление крестьян в момент их освобождения.

В рассматриваемый нами период колонизуемые земледельческие районы слабо развивают промышленность в своих городах. Местные городские центры являются проводниками добытого в сельском хозяйстве сырья и привезенных из старого центра кустарных изделий.

Третьей характерной чертой формирования общественного разделения труда в изучаемый нами период является рост хозяйственного значения портовых центров. Некоторые из этих портовых центров играют особенно большую роль в международной торговле и получают крупное политическое влияние, таковы - Венеция, Генуя; прибалтийские города, как известно, в этот период формируют Ганзейский союз. Большого политического могущества достигают в этот период экспортные центры нашей русской равнины Псков и Новгород. Характер торговли этих портовых центров был далеко не одинаков в зависимости от развития хозяйства страны и природных богатств. В период ганзейской торговли Брюгге и Амстердам торговали, главным образом, промышленными товарами своих стран, Новгород и Псков отправляли преимущественно меха, воск и мед. Но тем не менее, все экспортно-импортные центры обладали одним качеством - они накапливали значительные капиталы, с помощью которых расширяли транспортные связи, увеличивали торговый оборот и, таким образом, упрочивали международные отношения. Темп накопления капиталов в этих портовых центрах особенно усилился с момента открытия путей в Америку и Индию, торговля с которыми начала давать огромные доходы.

В конце рассматриваемого нами периода происходит объединение в крупные национальные государства значительных территорий, среди которых особенно часто мы встречаем сочетание соседствующих старого промышленного центра, заселенных земледельческих равнин и прибрежных импортно-экспортных центров. Такое объединение в очень большой мере способствовало упорядочению народно-хозяйственного разделения труда и увеличивало мощь

в международной экономической политике.

Наиболее типично выявляются черты описываемого нами периода в Европе за время с позднего средневековья по половину XIX века. Несомненно, многие черты отмеченных нами процессов, формирование промышленного города, развитие земледелия на широких плодородных равнинах, образование экспортно-импортных центров, мы имеем право признать характерными не только для Западной Европы, но может быть и для всего Средиземноморья. (в период древней истории).

Здесь эти процессы были окрашены и многими своеобразными чертами. Часто иначе складывался тип города. Иные были социальные отношения между классами. Да и ассортимент товаров, в этих южных зонах с иными природными условиями и потребностями был иной. Таким образом, мы не хотели бы механически переносить нашу схему на Средиземноморье, и считали бы возможным подчеркнуть только значимость и для нее территориального обособления функций промышленных, земледельческих и торговых, а также наличие между этими территориями хозяйственных связей.

Последний период в описываемом нами общественном разделении труда охватывает эпоху развитого промышленного капитализма. Он начинается промышленным переворотом, вносящим полное переустройство в производство и в пути сообщения, и его нельзя считать кончающимся и в современности.

Общественное разделение труда в эту эпоху все больше и больше перерастает тесные границы национальных народных хозяйств. В порядке принуждения метрополия связывается с колониями, в порядке добровольном заключаются международные экономические соглашения. Огромную роль в деле установления международных связей играют частно-хозяйственные интересы, они ведут к созданию устойчивых регулярных хозяйственных сношений со всеми концами мира. Этими частно-хозяйственными связями захватывается и направляется не только денежный оборот и кредит, но и мировая торговля, транспорт и все больше и больше эти частно-хозяйственные соглашения (тресты) начинают регулировать производство.

Национальное народное хозяйство, как мы видим, стоит на

на пути к реконструкции в систему мирового хозяйства. Произойдет ли эта реконструкция на основе международных соглашений, или на основе борьбы между современными гегемонами судеб мира - западно-европейскими и американскими капиталистами, или на путь такого объединения народы мира пойдут через классовые победы трудящегося населения - эти вопросы мы оставляем в стороне.

В хозяйственной жизни рассматриваемого нами периода для нас наибольший интерес представляют экономико-географические изменения, происшедшие в системах народного хозяйства и особенно те из них, которые получили крупное значение в мировом хозяйстве. Часть этих перемен выявилась в пределах тех же ранее намеченных нами экономических районов в старом промышленном, сельско-хозяйственном и портовом торговом. Но экономическая дифференцированность хозяйственной территории за последние полтора столетия лет сделала большие успехи. Появились совершенно новые промышленные каменноугольные металлургические районы. В границах сельско-хозяйственных массивов выделяются более и менее интенсивные части, сильно обновилась жизнь старых промышленных районов и торговых портовых. Как мы отметили, во многих случаях эти перемены были такого большого масштаба, что они переросли узкое народно-хозяйственное значение и понять и оценить их возможно только с точки зрения мирового общественного разделения труда.

Исходным моментом нового хозяйственного порядка принято считать конец 18 века, период промышленного переворота в Англии. Этот промышленный переворот дал новые основы организации производства; предоставив в пользование механический двигатель и рабочую машину, этот переворот создал фабрику.

На той же базе стал разворачиваться железно-дорожный, пароходный, а в дальнейшем автомобильный и воздушный транспорт. Все это повело к колоссальному росту производительности труда и небывалому в истории хозяйства накоплению средств производства. Конкретно, среди этих средств производства, помимо сырья, ставшего поступать в центры переработки пароходами и по железным дорогам со всех концов мира, доминирующую, часто подавляю-

шую роль начинает играть железо и каменный уголь. Благодаря механическому двигателю по некоторым вычислениям количество энергии, которым мы располагаем в настоящее время в 7-11 раз больше, чем обладали наши предки и почти вся эта энергия, двигающая промышленность и транспорт (95%) получается при помощи каменного угля. Двести лет тому назад каменный уголь имел ничтожное значение в хозяйстве. В эти годы, его местонахождение в той или другой части страны ни в какой мере не определяло географию промышленности. Но в современности дело коренным образом переменялось. Уголь, дающий необходимую энергию, сам уничтожающийся во время сжигания и, таким образом, переносящий свою стоимость в изготовляемый продукт без перенесения в этот продукт своего веса - не мог не повлиять на размещение промышленности. Вместо того, чтобы перевозить миллионы и миллиарды пудов для сжигания на сотни и тысячи верст от каменноугольных копей, промышленность стала находить выгодным сама подтягиваться к центрам добычи каменного угля. Во всех тех случаях, когда каменноугольные копи оказались по соседству к старым промышленным или портово-торговым районам, это счастливое совпадение содействовало в рассматриваемый нами период быстрому расцвету промышленности в этих местах и делало портовые центры мировыми торговыми гаванями, дающими дешевый уголь морскому транспорту.

Вместе с огромным влиянием на размещение промышленности каменноугольных копий, мы должны отметить также очень сильное воздействие железнорудной промышленности. Только после применения к добыче железа каменного угля, железо стало дешевым металлом. Широкое употребление железа для конструкции орудий и машин, для постройки железных дорог и мостов и вообще для строительных целей до необычайных размеров раздвинуло добычу и обработку железа. Особенно широко стали эксплуатироваться те железнорудные богатства, которые оказались вблизи мощных каменноугольных копий, так как это обеспечивало дешевое топливо. Самые крупные горнопромышленные центры, английские, бельгийские, нижнерейнские, приозерные САСШ, создались именно на базе использования более или менее выгодного соседства каменного угля и железной руды.

Нередко в тех же районах, а иногда и обособленно стали развиваться различные отрасли химической промышленности, изготавливающие кислоты, щелочи, краски, удобрения. Массовое и быстро растущее потребление всех этих продуктов, нередко создаваемых на базе использования отходов, получаемых в других отраслях промышленности, все это в сильной мере форсировало образование новых центров, иногда значительно удаленных от старых промышленных районов.

К этим новым центрам, мы нередко видим, начинают тяготеть не только новые, за последние десятилетия развивающиеся отрасли промышленности, но при некоторых условиях к ним перемещаются даже и такие, имеющие почтенный возраст, как текстильный, хлопчатобумажный и др.

Новые промышленные районы, не имеющие корней в ремесле и кустарничестве, развивавшиеся на базе быстрого накопления, обычно отличаются мощными, по последнему слову техники созданными, промышленными аппаратами. Эти новые образования в тех случаях, когда они территориально не совпали со старыми промышленными районами, должны были произвести и действительно произвели значительные изменения в экономической географии всей страны и, особенно, они изменили хозяйственную физиономию старых промышленных областей.

В местностях, где мы наметили истоки общественного разделения труда, где в дальнейшем сформировался путем длительного накопления средств и сил промышленный центр, в этих местах в новый период мы, даже при отсутствии здесь своего каменного угля и железа (или при малых их количествах), наблюдаем крупнейшие прогрессивные перемены. Ремесло и кустарная промышленность уступают постепенно, начиная с выработки полуфабрикатов, а далее и готовых изделий — место фабрикам и заводам.

Эволюция форм промышленности идет не одинаковым темпом в различных отраслях промышленности и частях производственного процесса таковых отраслей. Но в целом темп этот зависит от масштаба первоначальных накоплений и от обхвата сбытом продуктов индустрии старого промышленного центра больших и меньших рынков сбыта. Как мы уже отметили, наиболее часто мы наблюдаем, что

фабричная крупная промышленность особенно быстро захватывает в свои руки выработку пряжи, кожи, сортового железа, досок, т.е. полуфабрикатов, и обратно, выработка готовых изделий - сапог, столярных, слесарных, портновских, более или менее долгое время остается достоянием мелкой ремесленно-кустарной промышленности.

Несмотря на быстрый рост новых промышленных центров, старые районы и, особенно, накопившие значительное количество капиталов и квалифицированного труда продолжают играть выдающуюся роль в системе общественного разделения труда. Благодаря активности этих районов мы видим, что во всех странах такое крупнейшее явление нового времени, как система железных дорог в стране, оказывается приспособленной прежде всего и больше всего к обслуживанию интересов этих центров (Москва, Париж и др.).

Такое положение в железнодорожной системе обеспечило старым промышленным районам максимальные выгоды по отправке фабричных товаров и по подвозу сырья и топлива.

Очень часто мы видим, что между старыми и новыми промышленными областями устанавливается рациональное разделение задач и производственное взаимодействие. Например, железные полуфабрикаты, добываемые в новых промышленных районах, отправляются в старые центры, где из них вырабатываются тонкие изделия и инструменты. Квалифицированный труд старых центров - вот то специфическое богатство, в направлении которого идет специализация старых областей. Преимущественно здесь мы видим вырабатывается для снабжения остальных частей страны одежда, обувь, домашние изделия, художественная утварь, игрушки и т.п. В странах со слабой насыщенностью капиталами и дешевым трудом, эти задачи выполняются кустарями и ремесленниками. Чем больше накоплений, тем быстрее идет смена указанных примитивных форм промышленности фабриками и заводами. Формы промышленности изменяются, но направление производства в старых центрах устойчиво держится, ориентируясь на квалифицированный труд. Второй характерной чертой промышленности в старых центрах является сильная выраженность выработки текстильных изделий. Хлопок, лен и др. виды текстильного сырья являются транспортабельными и чистыми не

весотеряющими видами сырья. Большой транспортабельностью отличаются и вырабатываемые из указанного сырья ткани. Все это укрепляет позиции текстильной промышленности в старых центрах народного хозяйства.

Но не только разделение промышленных задач между старыми и новыми областями укрепляет мощь старых центров. Последние десятилетия мы наблюдаем во всех странах, где такие центры недостаточно обеспечены местным каменным углем (Швеция, Норвегия, Франция, Германия и отчасти СССР), стремление получить дешевую энергию при помощи использования торфа, бурых углей и водных источников. Достаточно проглядеть карту электрификации Саксонии и Берлина, старого шведского района, Лионского промышленного и нашей Центрально-Промышленной области, чтобы убедиться в законности наших утверждений. Старые промышленные области при содействии электрификации стремятся парализовать обнаружившиеся в их ресурсах недостатки. Если это им удастся сделать успешно, то тогда их роль в промышленной жизни страны еще более укреплится и им, при рациональном разделении хозяйственных задач со своими конкурентами, не страшно будет соперничество новых промышленных образований.

В тесном контакте с направлением хозяйства старых центров в сторону промышленности развивается здесь сельское хозяйство. Наиболее часто встречающимися отраслями здесь является: огородничество, садоводство, возделывание картофеля, травосеяние, молочное хозяйство. Все то, что необходимо для потребления городского и фабричного населения и что в силу малой транспортабельности невыгодно подвозить издалека, все это с большой выгодой добывается в местном земледельческом и скотоводческом хозяйстве. Тип сельского хозяйства новых промышленных областей имеет все тенденции эволюционировать в сторону только что описанного подгородного типа хозяйства.

На основных путях, между народно-хозяйственными образованиями и мировым рынком, как мы указали, уже в предшествующую эпоху создались на морских побережьях крупные торговые города. Вместе с развитием парового морского транспорта и приспособления железнодорожного к доставке продуктов страны к портовым

городам для экспорта значение этих старых центров и хозяйственная их мощь сильно выросли. Ливерпуль, Гамбург, Марсель, Антверпен, Нью-Йорк стали мировыми центрами купли-продажи и переправки товаров. Здесь стала организоваться в огромных масштабах не только выгрузка и нагрузка товаров, отправка и прибытие судов, но и само судостроение, многочисленные транспортные конторы, страховые транспортные общества и неизбежный признак границы национального государства - таможни.

Благодаря тому, что в портах больше чем в каком-либо другом пункте страны сосредоточивалось огромное количество экспортируемых и импортируемых товаров, а также и вследствие условий таможенного обложения и значительной разницы накладных транспортных расходов водных и железнодорожных перевозок - в этих центрах стали создаваться нередко благоприятные условия для переработки проходящего через них сырья. Нередко в таких портовых центрах мы находим переработку импортируемых продуктов: каучука, джута, какао, маслосемян, в некоторых случаях зерна, хлопка.

Если прилегающий к порту район пользуется привозным из-за моря каменным углем, то портовый город получает и в отношении топлива преимущества переработки, проходящего через него сырья. Еще больше промышленная роль таких городов усиливается, если каменный уголь оказывается по близости в районе влияния таких центров. Промышленность портовых центров сравнительно редко вступает в конкуренцию с новыми каменноугольными металлургическими районами. Столкновение этих приморских центров со старыми промышленными областями, нередко по текстилю и по выработке (сборке частей, привезенных из-за границы) машин и орудий.

Как мы уже отмечали в некоторых народных хозяйствах, мы имеем территориальное совпадение старых промышленных районов с молодыми. Имеется совпадение старых промышленных районов с портовыми. Наконец, можно отметить случаи, и они то являются особенно важными для мирового хозяйства, когда все три формации и старый промышленный район и новый и портовые центры оказываются увязанными к одному месту. Последнее явление мы наблюдаем в Англии и в Приозерном районе С.А.С.Ш.

Так бурно развивались за последние полтора века проми-

ленная и торговая деятельность, отвоевывавшие себе новые места, привлекавшие все большие кадры труда и концентрировавшие вокруг себя большие капиталы.

Распыленное на огромной территории и неорганизованное сельское хозяйство, дававшее продукты питания и сырье, сильно отставало в своем прогрессе от достижений индустрии. Однако, и здесь прожитой период произвел многие изменения.

В предшествующей главе мы указывали на возможность дифференцированного использования различных природных зон для сельско-хозяйственной эксплуатации. В настоящей главе мы отметили, как эта эксплуатация стала захватывать районы, прилегающие к удобным водным путям сообщения и отличающихся сравнительно лучшим плодородием. Но помимо этих земель в прошлый период оставалось большое количество пространств, лежащих по водоразделам рек, вдали от морских путей и от первоначальных очагов культуры. Если таких земельных пространств было немного в Западной Европе, то еще к середине 19 века ими обильна была европейская, и тем более азиатская Россия, Северная и Южная Америка и Австралия. Основной задачей, решенной сельским хозяйством за последние 60-70 лет, является освоение всех этих девственных необъятных территорий. Это освоение могло осуществиться только при помощи такого мощного орудия, каким явился железно-дорожный транспорт. Прорезывая на тысячу верст степные равнины и лесные дебри, перекидывая мосты через великие американские и сибирские реки, пронизывая горы туннелями, железные дороги сетью своих станций, элеваторов и холодильников оживили, оплодотворили хозяйства новых далеких районов. Там стали строиться города, туда многими десятками миллионов потекло их старых обжитых районов население. Дешевый хлеб, мясо, дешевый лес, дешевый лен и хлопок, кожи и шерсть - все это явилось на службу промышленности из далеких окраин по такой дешевой расценке и в таком количестве, как никогда в прежние времена мировые рынки не снабжались.

Быстрое завоевание сельским хозяйством новых территорий при поднятии производительности и оплаты труда в промышленных центрах, а также в связи с дороговизной преодоления огромных

расстояний, потребовало рационализации хозяйства на окраинах. Промышленные центры посылают на эти окраины вслед за плугом тракторы, массы различных уборочных машин, которые значительно повышают производительность труда.

Таковы крупнейшие перемены, происшедшие в географии сельского хозяйства, но на фоне их мы должны выделить еще одно очень важное явление. В районах субтропических в Индии, Китае, Египте, Туркестане, Бразилии, Южных Штатах Сев. Америки, вместе с ростом потребительского и производственного спроса европейских и американских промышленных центров быстро развиваются специальные интенсивные культуры: хлопок, джут, чай, кофе, сахарный тростник и др. В староколонизованных районах умеренных стран, лежащих большей частью в плодородных равнинах, прилегающих к старым центрам, развивается свеклосахарное производство и другие интенсивные отрасли, дающие продукты для местной промышленной переработки. Мы уже отмечали, что многие из указанных районов с интенсивным хозяйством отличаются не только благоприятными природными условиями, но кроме того и сниженным уровнем заработной платы.

Такую сравнительно низкую заработную плату мы находим не только в Китае и Индии, но также и в Южных Штатах Северной Америки и у нас в картофельном белорусском районе и свеклосахарном украинском. Как мы выше показали, борьба за землю уже в давние времена создала неблагоприятные условия освобождения труда у нас в России и в Соединенных Штатах. Колониальная политика и политическое устройство Китая и Индии привели к тем же результатам. Мы считаем себя в праве подчеркнуть наличие частого совпадения низкой оплаты труда с распространением интенсивных отраслей сельского хозяйства, дающих, как мы знаем, большое количество продуктов для местной переработки.

Все изложенное нами о последнем периоде общественного географического разделения труда мы, хотя и рисовали в виде формирования и размещения экономических районов в системе народного хозяйства, но, как мы уже отмечали выше, такое формирование нередко вело к созданию центров не только народного, но и мирового масштаба. В число центров такого мирового мас-

штеба мы должны, прежде всего, зачислить промышленные районы: английский, атлантический Соединенных Штатов и Нижне-рейнский. Во всех этих районах в большей или меньшей мере мы имеем преимущества, свойственные и старым промышленным районам, и ново-промышленным формациям, и приморскому положению.

Большинство других промышленных районов не обладает такими преимуществами, но тем не менее, значение их в мировом хозяйстве иногда велико, благодаря особенно выгодному экономическому положению на путях сообщения, иногда благодаря накопленным в прошлом квалифицированным навыкам (Париж, Лион, Лейпциг, Вена и др.) или, наконец, особым местным недровым богатствам (медь, нефть, железо Швеции и проч.).

До уровня мирового значения, далеко опередившего местные внутренние потребности, в сельском хозяйстве доросли районы, главным образом, молодых мощных окраин - Канады, Соединенных Штат., Аргентины, С.С.С.Р., дающие хлеб, мясо, шерсть, масло, лес. Рядом с ними, как мировые производители, должны быть поставлены субтропические районы специальных культур: хлопковые плантации Восточных Штатов Сев. Америки, Египта, Индии, кофейные плантации Бразилии и Аравии, плантации сахарного тростника, джута, чая, какао и т.п.

Надо признать, что несмотря на кажущуюся мощь государственных и частно-хозяйственных аппаратов, формирование указанных центров мировой продукции, несомненно, ориентируется не на субъективную государственную или частно-хозяйственную волю, а на совершенно объективные выгоды эксплуатации природных условий выгодного положения на удобных путях сообщений и, наконец, на определенных наследиях прошлого. Конечно, существующие таможенные програвы в некоторых случаях затрудняют развертывание рационального мирового общественного разделения труда. Колониальная политика, классовая борьба, войны - все эти явления накладывают свой отпечаток на современную мировую хозяйственную жизнь. Но уже и в настоящее время, нередко мы встречаем такие диспропорции частей в различных системах народного хозяйства, существование которых может быть понято только исходя из системы мирового общественного разделения

труда. Несомненно, что по тому же направлению все большей специализации и крепкой увязки с мировым хозяйством будут развиваться и другие части народных хозяйств. Географическое размещение хозяйственной деятельности в современности и дальнейшие изменения в нем все больше и больше будут окрашиваться началами мирового общественного разделения труда.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ:

- МЕЧНИКОВ И. Цивилизация и великие исторические реки.
ВАВИЛОВ Н.И. Центры происхождения культурных растений.
МАРКС К. Капитал, т.1.
ВЕБЕР А. Теория размещения промышленности.
БЮХЕР К. Возникновение народного хозяйства.
ЗОМБАРТ В. Современный капитализм. I и II т.т.
МЕЙЕР Э. Экономическое развитие древнего мира.

Гл. V. РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

В предшествующих главах мы установили выгоды использования природных благ, реализующихся в той или другой исторически сложившейся системе общественного разделения труда. Мы наметили пути, которыми выделяются в народном хозяйстве различные промышленные функции, указали при каких условиях и где формируются различные сельско-хозяйственные задания. Между всеми этими воплощенными в определенных территориях с специальными хозяйственными функциями - экономическими районами, мы мыслем себе широко развитой меновой оборот. Этот меновой оборот связывает с той или другой степенью интенсивности каждое народное хозяйство с мировым хозяйством путем импорта и экспорта. Так, стихийно, длительными историческими путями уточняется хозяйственное назначение той или другой части страны в географическом общественном разделение труда. Выявившаяся специализация продолжает далее стихийно развиваться и расти и завоевывать большую или меньшую роль в системе разделения труда не только в зависимости от выгод, предоставляемых природными условиями, и не только под влиянием исторически сложившейся хозяйственной инерции.

Мы знаем как велико значение природных богатств, мы не имеем оснований, после сказанного выше, пренебрегать роли исторической преемственности. Но рядом с обоими указанными факторами географического общественного разделения труда, мы должны поставить еще один, условно нами называемый, - экономическое положение. Выгоды, получаемые от географического общественного разделения труда при одних и тех же природных условиях и одних и тех же исторических предпосылках, будут тем больше, чем меньше будут районы производства благ нести расходов на передвижение своих товарных избытков в районы окончательного потребления этих избытков. Природные условия и хозяйственные навыки могут быть весьма высокого качества в каком-либо районе, добывающем каменный уголь, железо, зерно, лес и др. продукты. Но расходы по доставке этих продуктов в районы окончательного

потребления могут оказаться в одних случаях ничтожными, в других, наоборот, чрезвычайно большими. При благоприятных условиях доставки, производящий район, имеющий природные ресурсы и хорошее историческое наследие, может получить крупнейшее не только народно-хозяйственное, но и мировое значение. Однако, когда стоимость доставки ложится тяжелым бременем вообще и, особенно в отношении продуктов с низкой себестоимостью в единицах веса, т.е. в отношении мало транспортабельных товаров, в таких случаях расходы по доставке подавляют производительную деятельность и, несмотря на все, экономический район прогрессирует слабо.

Конкретно, выгоды экономического положения лучше всего могут быть представлены в виде сопоставления цены на месте производства - P со стоимостью производства продукта - C . Такое сопоставление дает нам масштаб разницы между этими величинами, и сравнивая эту разницу с накладными расходами по перевозке - F , мы будем иметь точный масштаб выгоды или убытка, получающегося от реализации продуктов какого-либо района в центрах потребления.^{х)}

Нас выше уже неоднократно интересовал вопрос о соотношении между себестоимостью и расходами по перевозке. Мы здесь не будем повторять снова того, что нами с достаточной подробностью было выяснено в третьей главе, где мы отмечали значение транспортабельности сырья и потери в весе при переработке. Эти же вопросы имеют, несомненно, и более общее значение и могут отражаться на вычислениях выгоды экономического положения.

В настоящий момент нас интересует иное. Мы знаем, что высота расходов на единицу веса того или другого продукта зависит, главным образом, от следующих условий. От расстояния между центром производства и пунктом окончательного сбыта. Второе - от системы самого транспорта - водного, железнодорожного, грунтового и т.п. Оба указанных момента вместе с качеством продукта определяют реальные издержки по перевозке. Моментом, от-

х) Во всех наших расчетах мы игнорировали значение предпринимательской прибыли. В реальных капиталистических условиях уровень таковой прибыли может внести существенные изменения в наши расчеты.

клоняющим эти надержки от реальной стоимости перевозки, будет система тарифных ставок, практикуемая в стране. Эта система может поощрять в той или другой степени перевозку массовых товаров и на большие расстояния, может предоставлять особые льготы перевозкам в экспортном направлении, может делать и обратное, т.е. высокими тарифными ставками затруднять перевозку каких-либо товаров.

Мы не будем детально останавливаться на системе тарифов^{х)} и значении этой системы для оборота благ по территории. Мы хотим всем сказанным подчеркнуть, что практически для каждого производящего хозяйства, находящегося в том или ином районе и имеет наибольшее значение - реальная провозная цена производимого им продукта от мест производства к центру сбыта. Если крестьянин какого-либо Балашовского уезда должен был нести расходы по перевозке своего хлеба гужом до города пять копеек, платить за провоз по железной дороге, погрузку и выгрузку до Ленинграда - 20 копеек и, кроме того, уплачивать за отгрузку этого хлеба из Ленинградского порта Лондонским потребителям - 7 копеек, то 32 копейки и, именно, они в целом при преобладании отправок хлеба из Балашовского уезда в Лондон и определяют экономическое положение зернового хозяйства Балашовского уезда. То же самое нам приходится сказать и в отношении продуктов индустрии.

Дальнейшей задачей нашего изложения является замечание некоторых закономерностей в распределении сельско-хозяйственного и индустриального производства по территории, в зависимости от выгоды экономического положения.

Классическим и непревзойденным до сего времени по полноте и ясности постановки вопроса исследованием влияния экономического положения на размещение сельско-хозяйственного производства, является труд Тьенена "Изолированное государство".

х/ O. Engländer. Theorie des Güterverkehrs und der Frachtsätze.
Jena 1924.

При производимом им систематическом изучении влияния уровня цен в потребляющем городе, стоимость производства в тех или других частях его изолированного государства и расходов по доставке, Тюнен дает отчетливое и ясное решение исследуемой им проблемы. Для того, чтобы пестрота хозяйственной действительности не затемняла сущности изучаемого вопроса, он направляет сбыт всех добываемых в изолированном государстве продуктов в один городской центр, возле которого он предполагает добывается и недровое богатство страны. Такое предположение сильно упрощает рассмотрение менового оборота внутри изолированного государства, делает его только двухсторонним между городом и деревней. Вторым упрощением, вводимым Тюненом, является пользование на всем пространстве только одними гужевыми путями сообщения. При наличии только одной системы сообщения расчеты провозных плат сильно упростились, и они стали пропорциональными расстоянию от города. Третьим упрощением, введенным Тюненом в свою основную схему, является полное однообразие природных условий на всем пространстве изолированного государства. Такое однообразие природных условий позволило ему с полным основанием утверждать, что фактом, дифференцирующим направление хозяйства в пределах страны, может и должно быть экономическое положение, которое он мог с большой точностью высчитать, ориентируясь на цены города, себестоимость продукта на месте производства и провозные платы. Работа Тюнена, построенная на указанных предпосылках, не имела в виду игнорировать другие превходящие моменты, определяющие размещение сельско-хозяйственного производства по территории. Он знал таковые и брал их в таком виде, в каком они не могли затемнить основного интересовавшего его вопроса. Он берет на всем пространстве хозяйства - одинаковые масштабы земельного обеспечения. Он парализует влияние различий уровня заработной платы и процента на капитал в различных частях страны. Все это в целом дает возможность Тюнену в своей схеме иллюстрировать ничем незатемняемое влияние экономического положения. Влияние такого положения в труде Тюнена особенно ярко потому, что при наличии одного потребляющего города и чрезвычайно дорогих гу-

жеских путей сообщения ему пришлось очень резко дифференцировать сравнительно небольшую территорию по различным направлениям сельско-хозяйственного производства. Устраняя из своей первоначальной схемы множественность местных рынков сбыта, улучшенные пути сообщения и местную переработку мало транспортабельных продуктов, Тюнен имел все основания произвести в своей схеме такое дробное деление территории. Ценность его выводов надо признать еще более значительной потому, что он не только наметил сообразно выгодам экономического положения специализацию различных районов его изолированного государства, но он, кроме того, указал и методы организационно-производственной увязки специальных отраслей полеводства, а отчасти и скотоводства каждого района с другими отраслями сельского хозяйства. Мы не будем останавливаться подробно на его конкретных сель. хоз. районах на вольном хозяйстве (огородном, молочном), намеченном Тюненом возле города, на своеобразном районе лесного хозяйства, прилегающем к пригородному району, к следующему за лесным хозяйством плодосменном, и далее сеимпольном выгонном хозяйстве и на лежащих на окраине изолированного государства районах - трехполья, пастбищного скотоводства и, наконец, районе девственных земель, используемых для охоты. Мы полагаем, что качественный состав районных специальностей, их сочетание с другими отраслями дане и при оставлении в силе всех предпосылок Тюнена, может сильно измениться в связи с изменением техники сельского хозяйства. Но эти изменения не могут, однако, изменить существа поставленного Тюненом вопроса. Отрасли будут размещаться под влиянием издержек по перевозке падающей на единицу земельной площади, уровнем цен на рынках сбыта и себестоимостью на месте производства.

Сам Тюнен очень интересовался вопросом о приближении его схемы к хозяйственной действительности. Ему совершенно ясно было, что создаваемые им абстрактное природное, транспортное, рыночное и т.п. упрощения отклоняют его первоначальную схему от хозяйственной действительности. Останавливаясь на влиянии природного разнообразия, он хотя и не исчерпал таковую полностью, взял в основу своего рассмотрения разли-

чия урожайности хлеба, но тем не менее, он даже и этим примером показал в каком направлении должно далее вестись исследование, стремящееся использовать схему Тюнена в различных природных условиях. Выше, в главе третьей, мы схематически изобразили, как меняется состав культур земледелия в различных природных зонах. Внимательно рассматривая нашу схему, можно заметить, что во всех решительно природных зонах мы имеем и более интенсивные и более экстенсивные отрасли земледелия, с которыми в различных комбинациях могут сочетаться и отрасли скотоводства. Мы не отрицаем этим ранее сказанное в главе III, что отрасли интенсивные имеют значительные преимущества для своего распространения в тропиках и субтропиках, но даже и при таких поправках мы все же имеем в наличии в лесной зоне картофель и некоторые огородные культуры, различные зерновые и травы, т.е. при известных благоприятных условиях это северное холодное природное однообразие может и должно быть дифференцировано в зависимости от экономического положения на некоторые Тюненовского типа сельскохозяйственные районы. Еще в большей мере это может быть отнесено для умеренных и теплых стран. Мы знаем, что природное разнообразие не изменяется с такой правильностью, с какой мы наметили свои природные зоны по направлению от экватора к полюсам.

В определенных частях земного шара мы находим леса и альпийские пастбища на горных вершинах, плодородные черноземные земледельческие равнины переходят в центрах континентов в пустыни и полу-пустыни, дающие бедный разреженный травянистый покров. Все это еще надо усилить менее резкими изменениями в рельефе и почвенном составе в старо-обжитых долинах рек и равнинах. Мы не предполагаем игнорировать это природное многообразие при наложении Тюненской схемы на действительность. И тем не менее, мы считаем необходимым пытаться изыскивать пути и методы, дающие нам возможность сочетать одновременно и местные влияния природного своеобразия и влияния в том же самом пункте экономического положения. Мы понимаем, что в наших исканиях мы не имеем права вести исследование со скрупулезной точностью расчетов, но это не

значит, что мы должны отступить перед природным многообразием и не пытаться его охватить нашим хозяйственным расчетом. Несомненно, во многих и очень многих странах, например, на равнинах СССР, в С.И.С.А., в Канаде, в Сев. Германии, в Аргентине и в других подобных местностях, наши искания и не будут уже чрезмерно сложными. Пользуясь климатическими и почвенными зонами, иногда охватывающими большие территории, мы можем достигнуть практически полезного уточнения наших расчетов.

В добавление к своей первоначальной схеме, в которой сельское хозяйство пользуется только гужевым транспортом, Тюнен, при анализе реальной действительности дал очень показательный пример того, как изменяется картина размещения сельскохозяйственных районов при проведении по диаметру изолированного государства дешевого водного пути. Данная им иллюстрация, указывала на значительные сдвиги сельскохозяйственных районов и, особенно, подчеркивало тяготение наиболее интенсивных систем к центральному рынку и улучшенному транспорту. Поскольку Тюнен имел дело с учетом влияния провозной платы, замена одной системы транспорта другой ничего нового принципиального не могло внести в его построение.

Однако, Тюнен работал в период до развития парового транспорта. Он не предусматривал возможности сильного снижения провозных плат и особенно в связи с так называемой системой дифференциальных тарифов, которые пригели к особому удешевлению перевозок каменного угля, леса, хлеба и др. массовых товаров. Мы уже выше отмечали, какое огромное влияние вообще железные дороги оказали на освоение сельским хозяйством окраинных районов и как они в то же самое время помогли обостриться специализации в тех или других местностях, в соответствии с выгодами природных условий. Под углом зрения только что указанных соображений А.И. Скворцов пытался доказать, что тюненская схема в современности потеряла свое значение. Не экономическое положение формирует в современности ту или иную специализацию сельского хозяйства по мнению Скворцова. провозные платы, как он полагает, в настоящем потеряли свою значимость благодаря улучшенным путям сообщения и, обратно,

многообразие природных условий - вот что в настоящее время дифференцирует сельское хозяйство.

Как мы выше отметили, в утверждениях А.И. Скворцова имеется верное указание новых тенденций в размещении сельского хозяйства. Но выводы, которые он делает, мы полагаем, надо признать ошибочными. Если верно то, что провоз товаров вообще, и громоздких в особенности, удешевился, то транспортные расходы вследствие этого во всей своей массе не уменьшились и не потеряли своего значения. Мировой торговый оборот за последние столет возрос колоссально и, если раньше лишние 3-5 копеек в провозной плате не играли существенной роли, то теперь в мировой торговле массовыми товарами имеет большое значение разница в полкопейки на пуд. Но кроме того, необычайно удлинились и пути следования этих массовых товаров от мест производства к местам потребления. Перевозка леса из России и Канады в Западную Европу, доставка хлеба из Сибири, Австралии, Индии, Аргентины на Лондонский рынок и даже перевозка масла, кожи, сала из тех же местностей - все это до сего времени организуется со строгим учетом транспортных издержек, достигающих при таких отправлениях очень высокого уровня.

Таким образом, мы не отрицаем тенденций, отмечаемых Скворцовым, мы признаем, что их необходимо учитывать при анализе современной действительности. Но этот учет не вносит ничего принципиально нового в основные построения Тюнена. Если в формуле $C + F < P$ сильно уменьш. показатель F и это дает возможность ввести в общественное разделение труда какие то новые территории с иными показателями C , то ничего в сущности в основном построении не меняется. Не меняется дело и тогда, когда удешевляется фрахтовая ставка и является возможность удлинить путь следования товаров и получить, может быть, более высокий расход по перевозке, но зато ввести в эксплуатацию новую территорию с более низкими себестоимостями.

В числе изменений, производимых современным транспортом, заслуживает упоминания развитие холодного транспорта и убыстрение доставки скоропортящихся товаров пассажирскими поездами. В схеме Тюнена мы имеем район вольного молочного,

садово-огородного хозяйства. продукты, получаемые в этом хозяйстве не только оказываются мало транспортабельными, потому что они не имеют высокой цены в единице веса, но также и потому, что это скоропортящийся продукт. Таким же скоропортящимся продуктом является мясо скота, которое должно было во времена Тюнена доставляться подгоном скота к городу. В настоящее время, благодаря холодильникам и холодному транспорту, мы имеем возможность значительно расширить район подвоза молока, овощей, фруктов и сильно удешевить доставку мяса, замораживая таковое.

Все это показывает, что условия транспорта сильно изменились и далее будут меняться. Было бы наивно упрекать Тюнена за то, что он не предусмотрел всех дальнейших этапов технического прогресса. А таковые были и будут не только в области транспорта, но и в производстве. Но, что при изучении современной действительности методом Тюнена, мы вовсе не обязаны слепо руководиться его подсчетами стоимости провоза грузов и игнорировать железные дороги; в некоторых случаях, мы должны отдавать должное и современному холодному транспорту.

Таковы важнейшие соображения, связанные с приближением изолированного государства к современной действительности в части, касающейся транспортных издержек.

Из остальных соображений, существенных для применения методики Тюнена к изучению сельско-хозяйственной действительности, мы остановимся на уровне заработной платы, обеспеченности страны капиталами и роли переработки мало транспортабельных продуктов сельского хозяйства.

Из всего хода нашего исследования, говорит Тюнен, явствует, что реальная заработная плата или сумму необходимых для жизни предметов, которые рабочий может купить на свое жалование, мы представляем себе для всех местностей изолированного государства одинаковыми^{х)}. Этот уровень заработной платы, по мнению Тюнена, может колебаться особенно сильно под влиянием разницы в уровне цен на хлеб и другие продукты в различных частях территории государства. Гипотеза Тюнена

о географии заработной платы, как мы видим, в системе изолированного государства является простым методологическим допущением. Иное мы находим у Бринкмана. Последний автор, как известно, предполагает, что "заработная плата растет по мере приближения к рынку лишь абсолютно, относительно же, т.е. по сравнению с ценами сельскохозяйственных продуктов, она падает", ^{х)} в виду того, что промышленные товары, по мере приближения к центральным рынкам, как указывает тот же автор, обычно дешевеют.

Мы полагаем, что вопрос о географии заработной платы в современных условиях нельзя решать вне ориентировки на описанные нами выше исторически создавшиеся экономические районы. Гипотеза Бринкмана не конкретизирует какие центральные рынки он имеет в виду: мировые или народно-хозяйственные и какого типа эти рынки будут внутри самого народного хозяйства. Он также не указывает, какие сельскохозяйственные районы экстенсивные или интенсивные прилегают к этим центральным рынкам. Игнорирование всей этой обстановки, несомненно, может повести к ложным заключениям. Из всех имеющихся сочетаний экономических районов какой-либо системы народного хозяйства, особенно большое практическое значение, как нам кажется, имеет изменение уровня заработной платы в ^{хх)} трех типах районов: в промышленном, в лежащем рядом интенсивном сельскохозяйственном и находящемся на окраине экстенсивном обычно зерново-скотоводческом районе.

В первом районе уровень заработной платы, в силу огромности спроса на труд не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, обычно сильно поднят; во втором районе, в силу отмеченных нами ранее нередко встречающихся исторических условий, оплата труда стоит на низком уровне; наконец, третий окраинный, нередко колонизируемый район, с широким применением машин и с земельным простором, обычно отличается сравнительно высоким уровнем заработной платы. Конечно, не

х) Бринкман - Экономические основы организации сельскохозяйственных предприятий 1926 г., стр. 17.

хх) В данном случае нам безразлично, будет ли это старопромышленный или горно-заводской металлургический нового типа или, наконец, портовый промышленный.

во всех типах народного хозяйства мы находим сочетание указанных трех районов и не везде они одинаково выражены. Но тем не менее наши попытки анализировать географию заработной платы в различных странах нас убеждали в целесообразности нашего историко-географического подхода к пониманию этого явления.

Исходя из только что намеченной гипотезы географии заработной платы, мы должны будем признать, что различие этих уровней будет влиять на себестоимость продуктов сельского хозяйства тем сильнее, чем в большем количестве продукция сельскохозяйственных товаров будет поглощать человеческий труд. Если десятина пшеницы требует 20 дней труда, а десятина картофеля и свеклы 80 или даже 100 дней труда, то вполне понятно, что промышленная культура картофеля, свеклы, табака и др. интенсивных отраслей земледелия будет особенно тщательно ориентироваться на районы низкого уровня заработной платы. Это будет делаться тем с большей выгодой чем чаще эти районы в то же самое время будут местностями с благоприятными природными условиями.

Здесь чрезвычайно существенно подчеркнуть, что свекла, картофель являются мало транспортабельными продуктами и, если бы им пришлось ориентироваться на сбыт своей продукции в сыром виде на центральные рынки, то они должны были бы использовать наиболее благоприятное экономическое положение. Однако, этого часто мы не находим. Районы этих культур оказываются одвинутыми в менее благоприятное экономическое положение, но с лучшими природными условиями и как мы только что установили, с более низким уровнем заработной платы. Хозяйственная практика в отношении этих культур нашла наиболее целесообразным организовать переработку свеклы в сахар, картофеля в спирт и крахмал в местностях, где производится наиболее дешево сырье. Коэффициент транспортабельности сахара, спирта так высок, что после переработки эти продукты вполне благополучно могут отправляться как на центральные рынки, так и во все части народного хозяйства.

Тюнен в своем "Изолированном Государстве" предусматривал возможность влияния низкой заработной платы как момента пертур-

базионного в отношении экономического положения и он, например, указывал, что при наличии низких заработных плат будет выгодно выращивать лен вдалеке от города и в переработанном виде доставлять продукты этого хозяйства в город. Современная практика в очень широком масштабе использует выгоды таких условий и наиболее мощные районы хлопка, джута, чая, табака, картофеля и свеклы, как мы указывали, строятся на сочетании выгод использования низкого уровня заработной платы, благоприятных природных условий и переработки (в той или другой стадии) грубого сырья на месте.

Остановимся еще на одном вопросе, имеющем значение при изучении гипотезы Тюнена об экономическом положении. Тюнен учитывал влияние наличия капиталов в стране на организацию сельского хозяйства. Страны, богатые капиталами, шире могли организовать переработку, вводить машины в сельское хозяйство, использовать искусственное удобрение. Все это в меньшей мере было доступно в странах бедных капиталами. То, что сказано Тюненом в отношении стран вообще, должно быть нами особенно подчеркнуто в отношении выше нами намеченных, исторически сложившихся экономических районов. Из сказанного в предшествующей главе ясно, что наиболее богаты капиталами промышленные районы. Привлечение капиталов в сельско-хозяйственные районы идет тем быстрее, чем большие выгоды дает получающаяся там продукция. Значительную роль в формировании капиталов играют здесь и социальные отношения. Одним из примеров последнего можно привести скопление капиталов в руках помещиков в интенсивных свеклосахарных и картофельно-винокурених районах. Первые этапы развития заводской переработки свеклы и картофеля, несомненно, тесно связаны с накоплениями указанного помещичьего хозяйства. За последнее время мы наблюдаем, что приемы накопления начинают меняться в интенсивных районах, и они от частно-капиталистических переходят в формы кооперативные. В сельско-хозяйственной экономической литературе существует попытка подойти к уточнению географии цен на индустриальные товары, используемые сельскими хозяевами в производстве: корма, удобрение, машины и пр.

Аэробое сделал попытку указать тенденции распространения указанных продуктов в зависимости от транспортабельности таковых и предполагая, что все эти продукты будут создаваться и отправляться центральным рынкам.^{х)}

^{хх)} Указанная попытка встретила возражения со стороны Энглендера. Этот автор совершенно верно утверждает, что цены на жмыхи, удобрения, машины не могут одинаково подниматься к периферии от центральных рынков. Жмыхи могут ввозиться из-за границы, минеральные удобрения обусловлены в своем местонахождении природными условиями и могут оказаться в любой части страны. Неодинаково размещаются по территории заводы, вырабатывающие сельскохозяйственные машины. Все это говорит за то, что попытку Аэробое нельзя принять как реальное основание для уточнения цен индустриальных товаров, необходимых сельскому хозяйству. Мы должны учитывать транспортабельность этих индустриальных товаров, но ориентировать источники их происхождения, очевидно, мы обязаны более конкретно применительно к каждому интересующему нас продукту.

Обобщая все сказанное о влиянии экономического положения на размещение сельскохозяйственного производства, мы должны признать, что таковое влияние было бы неправильно при изучении хозяйственной действительности, отрывать от воздействия природных условий и исторических наследий, сложившихся в той или другой части территории. Было бы наивно мечтать, что в пределах какого-либо народного хозяйства или мирового, мы путем простого наложения первой схемы "Изолированного государства" Тюнена сумеем познать сельскохозяйственную действительность. Мы полагаем, что для этого нужно произвести большую и сложную работу, в основе методики которой останутся основные положения ^{xxx)} Тюнена.

х) E. Aeroboe. Allgemeine landwirtschaftliche Betriebslehre VII Aufl.

хх) Engländer 57 стр.

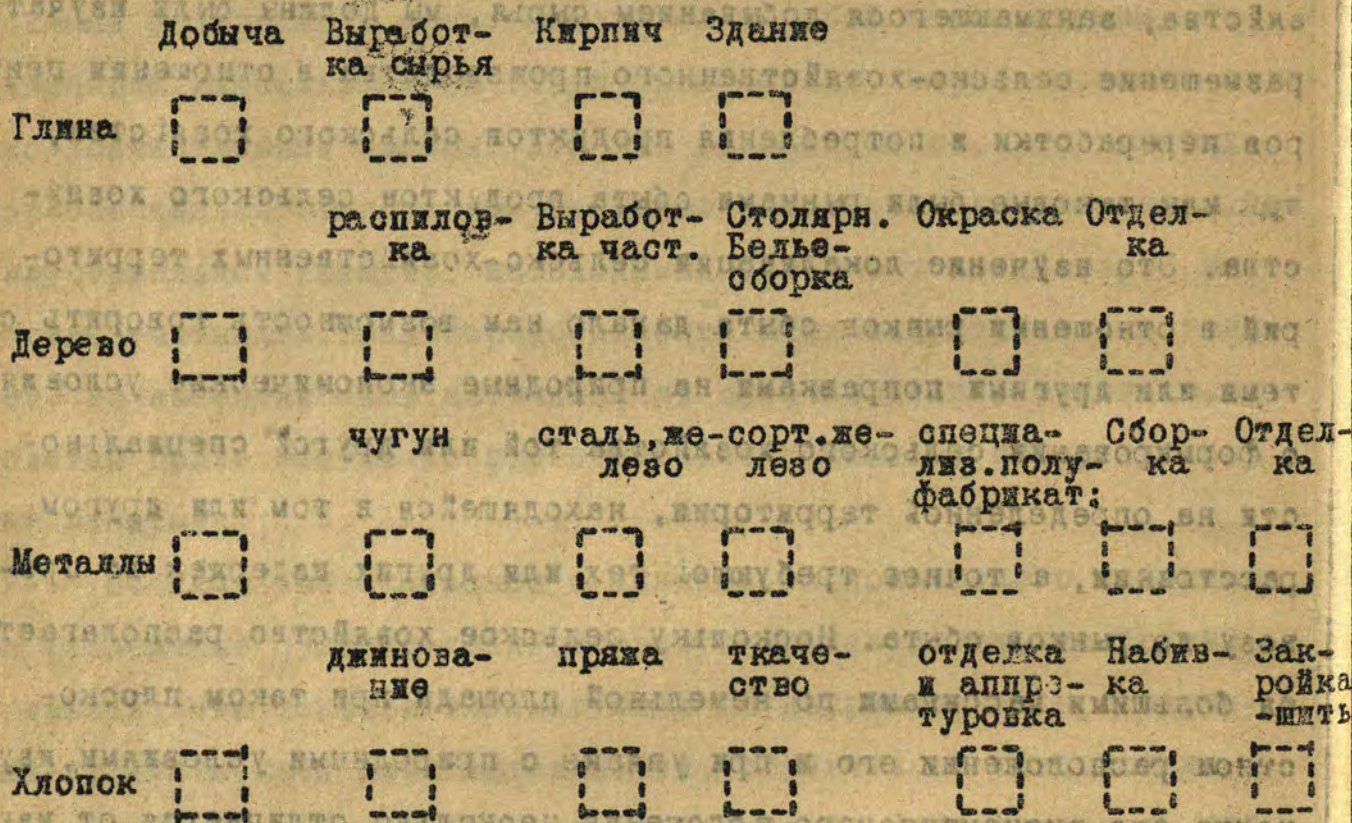
xxx) См. А.А. Рыбников "К методике изучения влияния транспорта на сельское хозяйство". Бюлл. Научно-Исследовательского Института С.Х. Экономики № 1-2 1927 г. и работу А.А. Рыбникова, А.Н. Ракитникова и др. "Транспорт и сельское хозяйство Кго-Востока".

Все нами сказанное о размещении сельско-хозяйственного производства имеет, несомненно, большое значение и для размещения производства индустриального. В главе III мы показали, как индустриальное производство ориентируется на месте добывания горного и сельско-хозяйственного сырья. Но такая ориентировка, как мы уже и отмечали выше, вовсе не исключает из расчетов организаторов фабрик и заводов и кустарной промышленности и ремесла — ориентировки на районы потребления этих товаров.

Если при изучении экономического положения сельского хозяйства, занимающегося добыванием сырья, мы должны были изучать размещение сельско-хозяйственного производства в отношении центров переработки и потребления продуктов сельского хозяйства, так как таковые были рынками сбыта продуктов сельского хозяйства. Это изучение локализации сельско-хозяйственных территорий в отношении рынков сбыта давало нам возможность говорить с теми или другими поправками на природные экономические условия о формировании сельского хозяйства той или другой специальности на определенной территории, находящейся в том или другом расстоянии, а точнее требующей тех или других издержек по провозу до рынков сбыта. Поскольку сельское хозяйство располагалось большими массами по земельной площади при таком плоском расположении его и при увязке с природными условиями, изучение его экономического положения несколько отличается от изучения индустрии. Сельское хозяйство организует добывание, совершает ряд операций, хотя по времени и следующие друг за другом, но в огромном числе случаев они пространственно оказываются увязанными в одной территории и в одном хозяйстве. Все то, что выходит за границы полеводства и скотоводства, потребляет или перерабатывает продукты сельского хозяйства — является рынком для такового. Иное мы видим в индустрии. Выше при анализе исторических условий развития мы говорили о разложении производственного процесса и о распаде универсального хозяйства на отдельные отрасли. Создавшееся, таким образом, многообразие оторвало сельско-хозяйственное добывание от индустрии и на долю последней выпала особенно большая дифференциация производства на отдельные хозяйственно-обособленные части. Процесс такого обособления на части производства до сего времени еще

слабо изучен. Но нам представляется, что в нем имеются некоторые закономерности, заслуживающие серьезного внимания. Не вдаваясь в детали, мы можем иллюстрировать это таким образом: Возьмем несколько отраслей, с разными исходными видами сырья. Допустим хлопок, металл, дерево и глина. И в отношении производственных процессов, имеющих место для каждого из этих видов сырья, мы наметим наиболее типичные пути прохождения выработки изделий.

СХЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА.

Каждый из указанных видов сырья отличается прежде всего тем, что он требует в единице веса различных издержек, а вместе с тем отличается и различной транспортабельностью. Мы не отрицаем, кроме того, значения того, что при переработке металла требуется особенно в первых стадиях большое количество каменного угля, что в текстильной промышленности для некоторых операций нужны крахмал, краски; для производства мебели материалы для отделки и т.п. Но вместе со всем этим и с различием в участии машин и ручного труда мы полагаем, что моментом в очень большой мере определяющим возможность детального дробления производственного процесса на части, или затрудняющим эту тенденцию является транспортабельность самого исходного сырья.

Развернутая нами картина дробления производственного процесса ясно говорит, что обрабатывающая индустриальная промышленность, мало зависящая от природных условий, вместе с ориентировкой на наиболее выгодные центры добычи сырья и использования рабочей силы имеет большие возможности отыскивать для себя наиболее выгодные положения и для сбыта своей продукции. Обнаружившаяся способность дробления производственного процесса на части является очень ценным орудием, дающим возможность промышленности к использованию выгоды не только получения сырья, дешевых рабочих рук, но и рынков сбыта, ориентируясь при всем этом на наличные транспортные условия. В каких случаях и какие части производственного процесса будут оторвавшись тяготеть к местам добывания сырья - об этом мы сказали выше. При изложении исторических условий, мы уже характеризовали отрасли, развивавшиеся на квалифицированном труде в старых промышленных центрах. Оставляя в стороне вопрос детального изучения размещения промежуточных частей производственного процесса, остановимся теперь кратко на характеристике отраслей промышленности, проявляющих стремление тяготеть к центрам потребления готовых изделий.

Такая форма промышленности, как ремесло, можно сказать, в полной мере было подчинено ориентировки на центры или районы сбыта вырабатываемых изделий. Мы находим это и в широкой современной действительности. В кустарной промышленности, отличающейся почти такой же примитивной техникой, как и ремесло, но нередко работающей на далекий рынок, мы видим, что наиболее приближенными к местам потребления оказываются грубые деревообделочные промыслы, гончарные, кирпичные.

Как видим, и здесь вопрос транспортабельности играет очень существенную роль. Иное мы находим в отношении продукции таких квалифицированных промыслов, как металлических Золингена и Павлова, кружевных - Вологодских, Елецких, игрушечных - Троицких и Зонебергских и др. Товары этих промыслов распространяются на многие тысячи верст.

Переходя к крупной промышленности, мы должны отметить, что в тех случаях, когда в переработку идет чистое не весоте-

ряющее сырье или повсеместное, такая переработка имеет тенденции тяготеть к центрам потребления. Но кроме такого соображения, мы должны указать на значительное количество производств, создающих скоропортящиеся продукты, или требующих некоторого индивидуального выбора (переделка, починка) при покупке, или транспортабельность которых в последний момент производства снижается (отделанная мебель, сборка некоторых орудий и т.п.) - во всех этих случаях мы видим, что крупное производство тяготеет к местам окончательного сбыта. Эти отрасли производства в различных формах (ремесленной, фабричной) сопутствуют человеческим общежитиям, являются своего рода первым Тюненским районом в индустрии. Отмечая все только что сказанное, как имеющее тяготение к центрам окончательного сбыта в отношении всех остальных отраслей производства, лежащих в удалении от центров потребления и тяготеющих к местам добывания сырья и топлива, мы должны указать, что в первую очередь при наличии равных возможностей и здесь будет отдаваться предпочтение тем пунктам, из которых выгоднее всего, считаясь с транспортабельностью продукта, снабжать рынки сбыта.

Мы не будем повторять здесь, какое влияние оказывает на размещение промышленности транспорт, сокращающий особенно значительно издержки по провозу угля, железа, грубого сырья, в которых так нуждается массовое фабричное производство.

К сказанному нам остается добавить только несколько соображений о влиянии рядом с экономическим положением на размещение промышленности таких исторических наслоений, которые выражаются в накопленных капиталах и в производительности труда. Мы уже говорили об успехах накопления капиталов в промышленных районах. Так как большинство этих капиталов и, особенно, в старо-промышленном районе превращено в форму зданий и технического оборудования, то уже сама форма, в которую отлились здесь капиталы, в очень большой мере усиливает инерцию дальнейшего укрепления здесь промышленности. Здание и машины требуют ремонта, частичного восстановления или переоборудования. Главные предприятия обрастают вспомогательными, ради упрочения положения на рынке сбыта, вырабатывающихся в массе полуфабрикатов,

предприятие начинает организовывать, благодаря скопленным капиталам, выработку готовых изделий. Все это вместе ведет к тому, что корни промышленности в тех районах, где она выросла исторически и скопила большие капиталы, оказываются особенно прочными.

Чрезвычайно интересным вопросом является вопрос об использовании квалифицированного труда, накопленного часто многими веками в старых промышленных районах. Нельзя сказать, чтобы этот труд низко расценивался, но благодаря своей квалификации он оказывается особенно производительным и способным создавать изделия высокого качества и такие товары, при выработке которых трудовые навыки имеют существенное значение. Выработка одежды, обуви, тонких металлических изделий, столярное, мебельное дело, игрушки, учебные пособия и многое другое - является часто специальностью крупного и мелкого производства старых промышленных областей. Все эти отрасли дают продукты, поглощающие большое количество труда на единицу веса продукта и, вследствие этого, производство их особенно выгодно ориентировать на центры исторического скопления квалифицированного труда.

Так рисуется нам, в целом, влияние экономического положения в увязке с природными и историческими условиями на размещение сельского хозяйства и промышленности. Нарисованные нами тенденции, мы ориентировали большей частью на системы народного хозяйственного разделения труда. Но все сказанное нами может быть перенесено и на мировое общественное разделение труда. Самым существенным различием при рассмотрении вопроса в мировом масштабе будет то, что одно национальное народное хозяйство в современности обычно отделено от другого таможенными границами, которые в очень большой мере затрудняют развитие международных связей. В большинстве стран такие таможенные ограждения особенно сильно стесняют оборот промышленными изделиями. Большинство стран стремится форсировать свою отечественную промышленность. Значительным таможенным покровительством в потребляющих странах Западной Европы пользуются хлеба и скот. В ином положении находится дело с сырьем. Таковое, большей частью, допускается без пошлины. Такая система таможенной политики, как мы ви-

дм, должна особенно стеснять рост мирового значения промышленных областей и вполне понятно, что в связи с этим таможенным стеснением, промышленный капитализм ищет выхода своим товарам в колониальных странах и в образовании международных трестов и синдикатов и, наконец, финансовое накопление передовых стран форсирует промышленность в отсталых народных хозяйствах, служащих рынками сбыта продуктов индустрии. Иначе дело обстоит с сырьем, которое в мировом обороте товаров не встречает препятствий к дальнейшему росту. Но это последнее ведет и должно вести к значительному расширению использования этого сырья, к отведению для добывания такового новых районов и, особенно часто при современной таможенной политике, отысканию таких баз, если не в пределах метрополии, то в колониях.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ:

- ТЮНЕН И. Изолированное государство, т. 1.
- БЮЛЛАНДЕР О. Theorie des Güterverkehrs und der Frachtsätze
- ЗЕБЕР А. Теория размещения промышленности.
- ЗОМБАРТ В. Современный капитализм, т. 1 и II.
- АГРЕБОВ Ф. Основы сельскохозяйственной экономики.
- ЕРИНКМАН Т. Экономические основы организации сельскохозяйственных предприятий.

Гл. VI. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОЧЕТАНИЕ ОТРАСЛЕЙ В РАЙОНАХ.

В предшествующих главах мы дали характеристику влияния природных, исторических условий и экономического положения на размещение отраслей производства в пространстве. Это размещение отраслей производства мы всегда мыслили себе развертывающимся под влиянием выгод географического общественного разделения труда. В наших исследованиях мы показывали, какие выгоды толкали на путь специализации те или другие части территории; а чем глубже внедрялось общественное разделение труда, тем ярче выделялись специализированные районы сельскохозяйственные, промышленные, сложившиеся под влиянием природных зон, экономического положения и историко-хозяйственного развития.

Но в изучавшемся нами процессе общественного разделения труда мы наряду со специализацией должны были отмечать наличие сочетаний отраслей, приуроченных к одной и той же территории. В предшествующих главах, в наших описаниях, такие сочетания олагались вследствие того, что одни и те же факторы могли способствовать выгоде организации в той или иной местности нескольких соседствующих отраслей. Когда мы изучали природные условия и преломляли их влияние в добывании сырья, то мы отмечали, что, предположим, в зоне теплой умеренной мы имеем возможность вырашивать: кукурузу, бахчевые, виноград, фрукты, табак, подсолнух, свеклу, пшеницу, рожь, ячмень и проч. культуры. Таким образом получалось, что одновременно со специализацией мы имели возможность констатировать и наличие большего или меньшего многообразия, дававшее не случайное, а определяемое природой сочетание. Такие природно обусловленные сочетания мы можем иметь и в местностях, обильных теми или другими недровыми богатствами. Мы их находим при эксплуатации лесных богатств, дающих не только дерево, но и пушнину, дичь, грибы, ягоды и т.п. Такого же рода сочетания природно обусловленные мы имеем при использовании даров морей и океанов.

Помимо природных условий, и исторические, как мы помним, вели не только к узкой специализации, создававшие промышленные и

сельско-хозяйственные формации, но в них мы имеем, кроме того, пестрое многообразие, сложившееся под влиянием хозяйственного развития. Многообразие отраслей промышленности в старом центре, в новом промышленном горнозаводском районе, в портовом промышленном и, наконец, в сельско-хозяйственных интенсивном и экстенсивном районах является не случайным и не может считаться только природно обусловленными, на такое сочетание воздействует и историческая обстановка. Наконец, мы разбирались в том, как влияет экономическое положение на размещение сельского хозяйства и индустрии. Идя за Тюенем, мы указывали, что в подгородном районе будет организовываться молочное и огородное хозяйство. В отношении промышленности мы намечали, что к центрам массового (городского) потребления будут тяготеть такие отрасли, как столярно-мебельное, булочное, кирпичное и другие. Между всеми этими отраслями как сельско-хозяйственными, так и промышленными мы можем не иметь никаких особых хозяйственных связей, помимо меновых отношений, но наличие их по соседству в одной местности объясняется не только природными или историческими условиями, а также и экономическим положением.

Таким образом, пройдя снова по сделанным нами основным разрезам общественного разделения труда, давшим нам возможность выяснить пути такого разделения труда и уточнить причины районной специализации, мы в то же самое время должны констатировать, что те же самые причины вели еще и к образованию каких то многообразий. Как мы видим, такие многообразия оказывались не случайными. Они были причинно обусловлены, нахождение таких сочетаний в том или другом месте было вполне закономерно.

Рядом со всеми этими способами формирования сочетания мы должны указать еще один совершенно особый путь сочетания отраслей, который является следствием преломления внешних факторов в аппарате самого производства и в производственной деятельности района. Себестоимость вырабатываемого продукта, хотя и зависит в очень большой мере от наличия очень дешевого сырья, низкого процента на капитал и возможно низкой оплаты труда при высокой его производительности, но все эти моменты не механически входят

в калькуляцию продукта, не могут употребляться в любых произвольных сочетаниях, а используются в производстве организованным порядком, проходя через определенный производственный процесс. Если и возможно в некоторых случаях произвести замену труда машиной путем введения в производство лучших способов, требующих больших капиталов, или получить некоторую экономию на сырье или, наоборот, при дешевом сырье и рабочих рук не форсировать внедрение в производство основных капиталов, то все эти замены, совершающиеся в границах определенного технического уровня, имеют свои ограничения. Отмечаемый нами момент, который мы именуем организационно-производственным, мы должны рассмотреть дополнительно, так как он не может быть исчерпан ни изложением влияния природы, исторического развития экономического положения, ни теми попутными отрывочными замечаниями об организации производства, которые мы выше делали.

Методику изложения этого сложного вопроса мы возьмем из учения об организации сельско-хозяйственного производства, которое имеет в этом направлении большой опыт и, как нам кажется, значительные заслуги. Анализ организационно-производственных связей мы будем рассматривать не во всей широте, а только применительно к объяснению таких сочетаний, которые, как мы полагаем, не могут быть объяснены только воздействием каких-то внешних факторов и являются, по нашему мнению, результатом организационно-производственных связей. Основными разводами, по которым мы будем вести наш анализ, мы считаем:

1. Сочетание отраслей на базе использования сырья,
2. организация труда,
3. организация основных капиталов.

Начнем с характеристики организации и использования сырья. Трактую здесь проблему применительно к земледелию, мы должны поставить, главным образом, вопрос об использовании почвенного плодородия. Как известно, при бессменной культуре какого-либо растения, при условии отсутствия удобрения мы будем расхищать почвенное богатство, и одной механической обработкой земли мы не в состоянии поддержать почвенного плодородия. Агрономический

опыт, недавно подошел к проблеме смены культур; и комбинация зерновых культур с картофелем, льном, травами в одних районах, пшеницы, люцерны, хлопков в других - создает такие условия, которые дают возможность с наилучшим эффектом производить затраты на обработку и на удобрение, давая наибольший доход с единицы земельной площади. Если перечисленные нами культуры до включения их в севооборот и составляли какое то природно-обусловленное или другими причинами сочетание, то включение их в определенный севооборот, хотя и не нарушает такого подбора отраслей, но подводит под него уже иной, более прочный фундамент. Если бы не требование севооборота, стремящегося к обеспечению плодородия почвы, то, несомненно, выгоды хлопкового или льняного хозяйства должны были бы привести нас к возможности формирования монокультурных хлопковых, табачных, льняных и т.п. районов. Однако этого мы не встречаем. Сельским хозяевам приходится не только удобрять землю и заботиться в ее обработке, но и давать земле отдых, пуская ее под менее требовательные культуры, используя под искусственное травосеяние, а, может быть, и оставляя ее под залежь, пригодную только для выпаса скота.

Агрономическая наука усиленно работает над системами земледелия, системами полеводства и севооборотами, которые в целом должны указать наиболее выгодное сочетание культур, дающей возможность целесообразно использовать почвенное плодородие. В районах с исключительно благоприятными природными условиями (тропики) мы иногда наблюдаем создание почти монокультурных хозяйств, требующих большого внесения удобрений. В такой стране как Соединенные Штаты, мы, благодаря обилию капиталов и возможности широко использовать искусственные удобрения, иногда сталкиваемся с фактами большего или меньшего игнорирования последовательной смены культур. Встречаемся мы, наконец, в районах окраинных, только что приступающих к распашке земли с огромными посевами исключительно одной пшеницы по девственным землям. Перечисленные нами факты указывают, что в некоторых случаях организации использования почвенного плодородия не ведет к устойчивому сочетанию полевых культур в плодосмене. Но самый перечень

таких отклонений уже свидетельствует о том, что в экономике мирового сельского хозяйства организационно-производственное сочетание полевых культур является укоренившимся обыденным явлением. наличие его позволяет нам часто находить в тех или других сельскохозяйственных районах не случайно соседствующие отрасли, а находящиеся между собой в постоянном взаимодействии внутри одного производства.

Если основой сочетания отраслей в полеводстве в большом числе случаев является почвенное плодородие, то для отбора скотоводческих отраслей, как мы выше уже указывали, имеет большее значение количество и качество, имеющихся на месте кормовых ресурсов. Таковые кормовые ресурсы обусловлены вовсе не только природными условиями, но и системой только что нами описанного полеводства. Эти кормовые ресурсы, как мало транспортабельные продукты, не могут перевозиться для сбыта на рынок. Это, как говорят сельские хозяева, большей частью не рыночные продукты. И вот, в зависимости от того, какое количество кормов получило хозяйство и какая доля из них состоит в сене, соломе, кормовой свекле, кукурузе и т.п. в зависимости от этого хозяйство будет держать не только необходимое количество лошадей для обработки, но то или другое количество молочного рогатого скота, мясного рогатого крупного и мелкого скота, свиней, овец и т.п. Мы не отрицаем того, о чем говорили и выше. Что иногда выгоды, доставляемые ближним рынком заставляет хозяина производить специальный корм в хозяйстве для получения большего количества молока или для выращивания мясного скота, дающего продукт высокого качества. Это все так, но это не устраняет наличия организационно-производственной связи между системой кормообеспечения и структурой скотоводства.

В сельском хозяйстве описанные нами схематически организационно-производственные связи не только изучены, но они стали давно уже хорошим орудием для изучения экономической географии сельского хозяйства.

Иное мы находим в индустрии. Несмотря на наличие здесь очень большого количества сочетаний, покоящихся на использова-

нии сырья или вообще материала, идущего в переработку, мы до сего времени в экономической литературе о промышленности не имеем достаточно внимательного подхода к изучению таких сочетаний. В работе Вебера^{x)} мы имеем очень интересное указание на процессы аггломерации и взаимной связанности производства. Но в понятие аггломерации низшей и высшей стадии Вебер включает разные формы количественного роста одной отрасли производства и, следовательно, задачи, интересующие нас в настоящий момент, учение Вебера об аггломерации не обслуживает. Ближе к нашим интересам стоит проблема взаимной связанности производств, но и таковая в учении Вебера, как нам кажется, оказывается недостаточно проработанной^{xx)}. Все же по вопросу о связанности между отраслями вследствие единства перерабатываемого сырья, мы в работе Вебера находим некоторые ценные указания. "Данный вид связи может быть обозначен как связанность на предварительных ступенях производства, а так как связь на предварительных ступенях чаще всего представляет связь через потребляемые в производстве материалы, то ее можно назвать также материальной связанностью". В сделанной нами выписке мы очень существенным считаем указание Вебера на ступени производственного процесса, анализ которых, как мы знаем, вообще его интересовал^{xxx)}.

Как мы указывали выше, промышленность, расчленяясь на стадии производственного процесса, обладает большой способностью к маневрированию этими стадиями. Она может в зависимости от выгоды часть их ориентировать к местам добывания первоначального сырья, часть переносить в места окончательного обыва изделий и, наконец, может быть какая то комбинация этих стадий когда часть их сгруппируется около того момента производства, который вырабатывает полуфабрикат и использует значительные количества для выработки такового побочного сырья или топлива. Мы полагаем, что так же как экономисты, сельскохозяйственники обратили особое внимание на плодосмен и на кормообеспечение и благодаря этому имеют хорошие методы анализа сельскохозяйственной действи-

x) A. Weber - *Über den Standort der Industrien*

xx) Вебер. Теория размещения промышленности, стр. 138-144.

xxx) *ibid* стр. 120.

тельности, в равной же мере в центре внимания при изучении процессов сочетания отраслей индустриального производства должно быть поставлено исследование стадий производственного процесса. Уже на первой ступени производственного процесса мы знаем, что нередко нам будет встречаться имеющее огромное значение в экономической географии явление - объединение добывания сырья с первичными формами переработки. Этот вопрос мы рассмотрели выше и останавливаться на нем сейчас мы не будем. Нас теперь интересует иное. Мы знаем, что в большинстве производственных процессов имеется такой момент, когда помимо главного по ценности продукта получается еще какой-то побочный продукт, способный к утилизации. Такими продуктами могут быть: в прядении - очесы; при выделке кож - дероты; при разработке досок - обрезки и опилки; в маслостроительном деле - жмыхи; подобные же отбросы получаются при перегоне нефти; при химической обработке угля, различных минеральных богатств.

Многие из этих побочных продуктов получают практическое значение благодаря тому, что они скопляются в массе и так как в то же самое время расценка их в единице веса обычно низка, то промышленное использование их может осуществиться большей частью только по соседству с местом переработки основного продукта. Такие сочетания лесопильного дела с химической переработкой; кожевенного дела с войлочным и клееваренным производством; каменноугольного с химической промышленностью и т.п. мы встречаем часто в промышленных центрах.

Но связь отрасли по сырью может быть и не только в направлении использования каких-либо отбросов. При заготовке леса сплошной вырубкой в обработку могут поступать материалы и различной длины и толщины, различных пород деревьев и т.п. Наличие такого многообразия в захватываемом нами сырье обуславливает и многообразие производственных задач. Наконец, возможны и такие случаи, когда поступающее, предположим, в обработку сортовое железо или сталь признается наиболее выгодным, так резать на части для дальнейшей обработки, чтобы весь материал шел в работу. Вследствие этого мы можем иметь опять таки на основании еди-

ного используемого сырья выработку ножей, ножниц, столовых приборов, замков и др. мелких слесарных изделий. То же самое умножение заданий мы наблюдаем в крупных предприятиях, заинтересованных в экономном раскрое кожи и тканей. Делаясь разрез производится с точным учетом того, чтобы по возможности каждый вершок ткани и кожи был употреблен в дело.

Наш обзор производственных связей, возникающих на базе экономии использования сырьевых ресурсов, ясно показывает, что такие связи очень нередко ведут к созданию прочных локальных сочетаний тех или других отраслей сельского хозяйства и индустрии и обеих этих отраслей вместе.

Второй основой, ведущей к сочетанию отраслей производства как в обособленных предприятиях, так и к одному месту соседствующих предприятий, является вопрос использования труда. Мы уже указывали, что тот или другой уровень заработной платы, та или иная квалификация труда ведут к отбору определенных отраслей. Но не этот отбор нас сейчас интересует. В наших рассуждениях мы должны исходить не из представления о безпредельном количестве ресурсов труда, имеющихся на рабочем рынке. В реальной действительности в каждом отдельном хозяйстве, как в семейном, так и с наемным трудом — количество труда ограничено и не может произвольно увеличиваться. При такой предпосылке мы, например, в сельском хозяйстве трудового типа принуждены будем искать путей такой организации труда, когда труд в целом за весь год давал максимальный доход. Это иногда нас заставит отказаться от такой отрасли, которая дает доход в пять рублей в день, но, используя труд в течение одной недели, дезорганизует другую отрасль, дающую доход по два рубля в день в течение двух месяцев. Расчеты выгодного использования труда в хозяйстве приводят крестьянина в районах с коротким вегетационным периодом к необходимости использовать зимнее время в интенсивном скотоводстве в лесных и других промыслах. Этот же расчет, помимо описанных нами забот о поддержании почвенного плодородия, препятствует организации монокультурного, свеклового или хлопкового хозяйства, так как в критические мо-

менты ухода за этими культурами труда требуется так много, что его не хватит в хозяйстве и нет возможности приобрести на рынке.

Почти в таком же положении оказываются кустари и ремесленники, принужденные часто помимо своей основной отрасли подрабатывать еще на каких то иных отраслях. Как в этих хозяйствах, так и в крестьянских нередко основой сочетания различных отраслей в одном хозяйстве, является необходимость использования неполноценного женского, детского и старческого труда. Очень нередко, например, на севере, в районах с лесными заготовками, в которых широко используется мужской труд, мы видим, что женщины используются в кружевных промыслах, а старики и дети в выработке коробков, кузовков и прочих изделий из бересты.

Ограниченные трудовые ресурсы оказывают то или иное влияние на структуру фабрично-заводских предприятий. К этому приспосаблиется не только иногда крупное сезонное промышленное предприятие, которое использует один и тот же наемный труд в течение всего года по различным заданиям; но наличный контингент труда в его профессиональном, половом и возрастном составе, несомненно, нередко является, как мы отмечали выше, фактором, ведущим к увеличению многообразия промышленных заданий. Ярким примером последнего является возникновение текстильных фабрик в горнопромышленных районах. Основанием для их возникновения является не только дешевое топливо и возможность подвоза дорогого не восотеряющего сырья, но также и выгоды использования труда жен шахтеров, работа которых по условиям охраны труда обычно несколько стеснена в шахтах.

Перейдем теперь к характеристике использования капиталов, наличие которых в реальной действительности вообще, и внутри хозяйства особенно, приходится признать ограниченным. Рациональное использование живого и мертвого инвентаря в сельском хозяйстве оказывает большое влияние на отбор отраслей полеводства и скотоводства. Если, предположим, для организации полеводства мы имеем значительное количество лошадей,

то это будет отражаться как на подборе отраслей полеводства (будет больше интенсивных культур), так и на составе продуктивного стада, которое будет иметь пропорционально меньшее количество кормов. При малом количестве рабочего скота и сельскохозяйственных машин сокращается не только масштаб полеводства, но и сужается та его часть, которая носит интенсивный характер. Правда, в некоторых случаях мы еще наблюдаем, как человек ручной работой, лопатой и мотыгой стремится заменить работу машинной и лошадь, но не во всех отраслях сельского хозяйства для типичного товарного хозяйства этот метод работы может быть целесообразно применим. Помимо указанных видов инвентаря в сельском хозяйстве существенное значение имеют и другие виды основных капиталов, в частности, например, хозяйственные постройки. Нельзя вести интенсивного скотоводческого хозяйства, не обеспечивая в то же самое время скот хорошими помещениями.

В индустрии основные капиталы, влагаемые в здание, в рабочие машины и в двигатели имеют неодинаковое значение для возможности организации какого-либо производственного сочетания. Меньше всего могут содействовать такому сочетанию в одном предприятии нескольких отраслей - рабочие машины, но они иногда, превращаясь в мощные самостоятельные аппараты, способствуют объединению в отдельные предприятия некоторых стадий производственного процесса, которые иногда оказываются расположившиеся по соседству в пределах одного района. Иное значение для создания производственных сочетаний имеют здания и двигатели. Нередко вследствие того, что здание было построено в перспективе на разрывке предприятия, в пустующем временно помещении организуется другая отрасль, использующая к тому же имеющиеся избытки в предприятии энергии. Иногда создаются с самого начала такие предприятия, как мельница и крупорушка, или маслобойка или шерстоваляльное заведение. Общим между этими отраслями производства являются, помимо хозяйственного управления, совместное помещение и двигатель.

Но влияние капитала, имеющегося в предприятии, конечно, значительно шире воздействия наличных машин двигателей и т.п.

Как мы указывали уже выше, нередко предприниматели ради повышения выгодности использования основного предприятия создают рядом (или такое предприятие создается по самостоятельному почину) - заведение, обслуживающее основную отрасль. Перечень таких обслуживающих основную отрасль производства заведений весьма пестр и меняется в зависимости от основной отрасли. В одних случаях это будут ремонтные столярные и слесарные мастерские; в других это - мастерские, вырабатывающие машины и орудия; в третьих - это будут бондарные и ящичные мастерские, производящие упаковку. Наконец, к числу таких предприятий могут быть причислены центральные электрические станции, водопроводы и т.п.

Такими путями, повышая выгоды использования вложенного в дело капитала, идет умножение производственных задат, как в отдельных предприятиях, так и в районах.

После рассмотрения организационно-производственных связей по использованию сырья, труда и капитала внутри хозяйства или района, нам становится совершенно ясным, что такие связи имеют существенное значение в формировании сочетания отраслей в пределах какой-либо территории. Такое сочетание, как мы выяснили, не противоречит по составу отраслей ранее указанным сочетаниям, создающимся под воздействием природных, исторических условий и экономического положения. Выбор отраслей для использования организационно-производственных выгод очень часто идет из числа тех же отраслей, которые по указанным выше условиям оказываются целесообразными в определенной территории. Но объединение отраслей по организационно-производственным признакам в пределах какого-либо хозяйства или района охватывает не механическое, а определенное сочетание отраслей, именно, тех, соседство которых или объединение в предприятии может дать взаимную друг другу выгоду, как мы указали, по использованию сырья и материалов, по эксплуатации труда и основных капиталов.

Отбор этот в указанные сочетания будет очевидно иметь не одинаковый ассортимент для выбора в различных частях народного хозяйства. В районах старых промышленных центров, основой

такого сочетания должна быть текстильная промышленность и отрасли, вырабатывающие квалифицированные изделия, в портовых-промышленных районах - резиновая, судостроение, в молодых горнозаводских - добывания угля и железа. Иначе будет идти комбинирование отраслей в сельско-хозяйственных интенсивных (подгородных, специальных культур) и экстенсивных районах (зерновых, скотоводческих).

Таким образом, намечаемые нами сочетания в области промышленности и сельского хозяйства, а также и между таковыми дают нам основания рассматривать наличие тех или иных отраслей в какой-либо территории, не только как следствие внешних факторов, но часто как находящиеся между собой в определенных внутрихозяйственных или междухозяйственных организационно-производственных взаимоотношениях.

Все это еще более устраняет случайности в географии отраслей, связанных общественным разделением труда. Не всегда, как мы знаем, сопутствующие главной отрасли производственные задачи будут в равной с ней мере рентабельны. В некоторых случаях их низкая рентабельность в сельском хозяйстве, например, будет искупаться их местным потребительским значением. В других, мы должны будем убедиться, что низкая допустим доходность лугов, дает очень высокую доходность скотоводства, т.е. является следствием не совсем точного подсчета.

Как бы то ни было, но без учета только что указанных связей, картина общественного разделения труда по районам будет представляться в виде набора не связанных между собой отраслей по районам. Это, как мы видим, не соответствует действительности. Значительная часть отраслей, находящихся по соседству и объединенных в предприятиях, оказывается в органическом взаимодействии. Это взаимодействие стимулирует выгоды их существования и упрочивает их бытие в той или иной части страны.

ТЮНЕН И. Изолированное государство, т.1.

ЧЕЛИНЦЕВ А.Н. Сельско-хозяйственные районы как стадии эволюции.

ВЕБЕР А. Теория размещения промышленности.

Гл. VI. СИСТЕМАТИКА ОСНОВНЫХ РАЙОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОВОКУПНОСТЕЙ.

Предшествующее изложение дает нам возможность утверждать, что экономисты географы имеют достаточно оснований для того, чтобы при содействии районного метода победить бесконечность разнообразия экономических явлений в пространстве. Мы не предполагаем, что в ближайшее же время исследователям удастся в такой мере уточнить выгоды размещения экономических явлений в пространстве, чтобы основания районного их сочетания можно было доказывать в форме калькуляционных расчетов. Мы не давали вычисление выгод размещения по нашим формулам $C + F < R$ и по формуле, когда задачи $A + B + C + D$ осуществляются при уровне доходности в районе равным доходу от C , только в части первых трех членов формулы. Но мы тем не менее во всем нашем изложении стремились не упускать из виду наши формулы и наша образная характеристика выгод, получавшихся для тех или других отраслей под влиянием внешних факторов и взаимодействия между отраслями могли бы быть переведены на язык калькуляций, если бы мы к таким расчетам были бы достаточно подготовлены. Прорабатывать пути к решению таких задач необходимо, но при расчистке такой дороги в первую очередь придется произвести много работ иного порядка.

В нашей работе мы должны были, например, стремиться к выделению пространственно хозяйственных типовых явлений, имеющих более или менее определенную прикрепленность к той или иной части территории. Именно с такими требованиями мы подходили к вопросу о природной обусловленности добывания сырья в пространстве как сельско-хозяйственного, так и недрового, такие же требования мы предъявляли к исторически сложившимся промышленным и сельско-хозяйственным образованиям, также стремились мы ориентировать в пространстве в зависимости от экономического положения различные отрасли сельского хозяйства и индустрии. Идя такими путями от одного внешнего фактора к другому, мы имели возможность установить, главным образом, в отношении тех или

других отраслей производства, где таковые и по каким причинам имеют выгоды размещаться. В огромном большинстве такое географическое размещение нас приводило не к указанию каких-либо случайных пунктов, находящихся с соседними в неопределенных сочетаниях. Оказывается, природные зоны, исторические формации и распределение хозяйства, в зависимости от экономического положения, в огромном большинстве распределяется по территории значительными массивами, в пределах которых вследствие однообразия влияния и структура хозяйства слагалась по определенному типу. Так шли мы в своем исследовании влияния внешних факторов, условно обособляя это влияние одно от другого, а иногда синтезируя некоторые из них в целях облегчения понимания итогового нашего обобщения.

Анализ указанных явлений дал нам возможность наметить территории, в которых мы встречали определенное сочетание отраслей производства и знали, под воздействием каких причин, какие отрасли здесь появлялись.

Однако, пути такой нашей работы давали нам возможность говорить только о каком то механическом соседстве отраслей в определенной местности и мы должны были заняться анализом того, в какие реальные формы укладывается взаимодействие между такими соседствующими отраслями. Как мы убедились, между значительным количеством отраслей, находящихся в границах одной и той же территории имеются не только соседство и связь через рынок, но и особенного характера взаимодействие. Такое взаимодействие мы назвали организационно-производственным, так как оно воздействует на производственные функции отраслей, находящихся или в рамках одного предприятия, или по соседству. Проведя эту операцию, мы можем считать свою задачу по обоснованию того, к каким частям территории имеют тенденции тяготеть определенные производственные функции и также в каких взаимодействиях они между собой находятся, законченной.

Таковы были предпосылки к образованию экономических районов, хозяйственная структура которых сложилась под влиянием выгод географического общественного разделения труда.

Проведенный нами анализ дает нам возможность подойти к систематике экономических районов, понимая под такими пространствами, в которых вследствие внешних факторов и организационно-производственных связей сочетание отраслей наблюдается в определенных устойчивых комбинациях.

В литературе такие сочетания получили название реальных совокупностей, т.е. таких сочетаний, в которых "между отдельными единицами имеется такого рода взаимодействие, которое способно обеспечить длительное существование совокупностей"^{х)}. Как мы видели в изучаемых нами сочетаниях сожителство отраслей вследствие обусловленности его отличается длительностью и устойчивостью.

Мы знаем, что такая устойчивость сочетания отраслей и их взаимодействие имеют свое причинное объяснение, базирующееся на основе хозяйственных расчетов. Такие экономические районы, которые берут на себя выполнение суммы тех или других народно-хозяйственных функций своей совокупностью в той или другой комбинации с достаточной полнотой характеризуют особенности различных систем народного хозяйства. Эти типы экономических районов представляют очень большой интерес и методика их построения заслуживает серьезнейшего внимания.

Проведенная нами работа с достаточной ясностью показала, что деление территорий на такие районы не может быть проведено, исходя из одной какой либо предпосылки. Мы видели, что характер районов и их распределение по территории обусловлены многими причинами. Это заставляет нас соответствующим образом подходить и к систематике районов. Для отграничения одного района от другого нам совершенно необходимо, как мы видели, считаться с природными условиями и с исторической обстановкой прежде всего. Мы должны также учитывать и влияние экономического положения на организацию хозяйства района. Для проведения работы по систематике типов районов, нам до-

х) А. ЧУПРОВ "Очерки статистики", 1910, стр. 14.

1/ статочно указанных предпосылок. Но при дальнейшем изучении структуры хозяйства районов мы нередко должны будем обращаться к указаниям предшествующей У1 главы, дающей нам характеристику взаимной связанности между отраслями в районе.

Путь, нами намеченный для выделения типов экономических районов, мы имеем в виду ориентировать не на конкретные формы какого-либо индивидуального народного хозяйства, или на систему районов мирового хозяйства. В конкретной действительности мы может быть не найдем ни одной страны, в которой бы полученная нами система экономических районов была бы воплощена с исчерпывающей полнотой типов и во всей чистоте каждого типа. Но наш абстрактный подход нас не смущает. Нашу схематическую систематику типов экономических районов мы считаем полезной для анализа хозяйственной действительности даже и тогда, когда эта действительность в пределах какого-либо народного хозяйства будет отражать только часть всех наших типов и может быть имеющиеся районы будут не вполне развитыми или смешанного характера. Наконец, наша схема должна быть приспособлена для анализа современного (третьего по нашему делению см. гл.1У) фазиса географического разделения труда.

С.В. Коган-Берштейн в своей работе "Очерки экономической географии" дал чрезвычайно интересную попытку систематики экономических районов. В некоторой доле наша методика будет совпадать с путями работы С.В. Когана-Берштейна. Указанный автор строит свою систематику тоже на основе множественной обусловленности. Некоторые из принятых им предпосылок (природные зоны, минеральные богатства) мы признаем вполне целесообразными и необходимыми для систематики. Но мы полагаем, что кроме природных условий необходимо ориентироваться на те или другие экономические показатели, являющиеся результатом исторического развития и показателей экономиче-

1/ Мы не отрицаем значения помимо указанных предпосылок: влияние национальных моментов, различных сложившихся социальных отношений, размеров хозяйства и т.п. Но все эти добавления мы считаем имеющими меньшее значение и поэтому в общую методику мы их не включали.

ского положения. Такими исторически сложившимися и влияющими на себестоимость продукта в современности показателями являются рынок труда и обеспеченность капиталами. Мы полагаем, что на основании нашего тезиса общественного разделения труда ясно, что реально полученное нами наследство от прошлого выявляется именно в накопленных капиталах, в квалифицированном труде и уровне заработной платы. Экономическое положение лучше всего может быть, по нашему мнению, охарактеризовано близостью к морским путям и развитием улучшенного, главным образом, железнодорожного транспорта.

Вот те добавочные предпосылки, которые мы считаем необходимыми на основании проведенной выше работы.

В систематике С.В. Коган-Бернштейна мы не находим учета наследства исторического развития и влияния экономического положения. Но, в его схеме мы имеем в добавление к указанным выше природным признакам еще вспомогательный признак, характеризующий населенность каждого района. Разделяя все природные зоны на густо и редко населенные, автор сопровождает такое деление и обособленной характеристикой районного типа хозяйства.

Мы считаем плотность населения ценным показателем для характеристики различных исторически сложившихся районов. Так, густую плотность населения мы обычно находим в старых промышленных районах, в интенсивных промышленных сельскохозяйственных районах, обратно, незначительную плотность мы имеем в экстенсивных скотоводческих районах. Мы ясно представляем себе то взаимодействие, которое существует между структурой района и плотностью населения.

Из всех имеющих возможность взаимодействия между плотностью населения и типом экономической деятельности в пределах той или иной территории, мы признаем наиболее существенными две формы: населенность находится в тесной связи с рынком труда и с потреблением продуктов производства. Та иная форма взаимодействия нами, как выше показано, учитывается раздельно и мы предполагаем, что наш экономический учет должен давать более точные результаты, чем ориентировка на суммарный натуралистический

показатель - населенность, которую поэтому мы в число дифференцирующих районов показателей не вводим.

В целом, схема С.В. Когана-Бернштейна дает возможность выделить промышленные, основанные на минеральных богатствах, районы и сельскохозяйственные с большей или меньшей интенсивностью (схема).

Мы полагаем, что следует еще далее идти по пути дифференцирования типов экономических районов и это необходимо сделать как в отношении промышленных, так смешанных и чисто сельскохозяйственных районов. Кроме того, мы считаем необходимым в своей схеме больше внимания, чем это сделано в схеме С.В. Когана-Бернштейна, уделить природным зонам умеренного пояса и, обратно, сочли возможным несколько более общо характеризовать субтропики и тропики. Таким образом, мы опираясь на сделанную выше работу увеличили число экономических предпосылок и с помощью их стремились еще более детально расчленить хозяйственную деятельность, на экономические районы, ориентируя это деление, главным образом, на те части земного шара, которые обладают наибольшей хозяйственной значимостью.

Наша схема дает возможность (см. схему) нам еще продвинуться в деле расчленения экономико-географической действительности на типические районы. Конечно, имеются все основания думать, что при большем углублении можно было бы наметить и некоторые более или менее существенные разновидности типов или самостоятельные образования. В числе таких можно было бы указать районы различные лесные-лесопромышленные, некоторые из которых, лежащие на удобных водных путях, имеют крупнейшее мировое значение. Может быть следовало бы подчеркнуть возможность обособления в отдельные районы добычи угля и железа (Урал, Швеция и др.). Может быть необходимо больше внимания уделить горным районам. Вероятно, следовало бы увеличить детализацию сельскохозяйственных и смешанных районов в тропических странах. Указанные добавления не исключаются нашей схемой, но мы полагаем, что при выделении их в нашей схеме, они могли бы сильно загромождать ее и лишить необходимой ясности и эластичности.

После изучения районообразующих факторов, как нам кажется, обоснование каждого из типов районов не представляет особой сложности. Мы сохранили за каждым почти районом те названия, которые нами неоднократно упоминались выше в изложении и дали характеристику их обусловленности и специализации в тех именно чертах и терминах, которые мы выше обосновали.

Идя по нашей схеме от одной природной зоны к другой, от полюсов к экватору, мы наблюдаем, что формирование районов в пределах каждой зоны может происходить или под влиянием только природных условий, способствующих добыванию сырья, или такое добывание сопровождается в той или иной части местной же переработкой сырья, или же вследствие благоприятного экономического положения, скопления капиталов и наличия квалифицированного труда в некоторые районы притекает сырье для переработки со стороны. Такие возможности реализуются не в одинаковом направлении и не в одинаковом масштабе во всех природных зонах. Влажные субтропики и тропики, а также лучшие в природном отношении части умеренных стран выделяются по массе земледельческого сырья, подвергающегося той или иной переработке на месте, в северной таежной зоне большое значение получает в тех или иных формах лесное хозяйство; в степных полупустынях преобладает зерновое хозяйство и скотоводство. К внутренним морям, к нарезанным бухтам морских берегов, к устьям больших рек, дающих возможность издавна иметь дешевые торговые связи с прилегающим пространством материка - располагаются портовые-промышленные центры.

Часто прилегая к предгорьям на средних и верхних течениях больших рек, иногда пододвигаясь к морскому берегу, иногда отходя в глубь страны сидят давно пустившие свои корни старые промышленные области. Близко прилегая к ним, а иногда с ними сливаясь, развиваются наиболее активные горнопромышленные районы, или они маячат "островами", "промышленными оазисами" среди просторов лесов или степей.

Таков в целом экономический ландшафт, даваемый нашей схемой.

СИСТЕМАТИКА ОСНОВНЫХ РАЙОННЫХ - ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОВОКУПНОСТЕЙ.

Группа районов	ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАЙОНЫ			Промышленный с:х. район	Сельско-хозяйственные районы	
Типы районных экономических совокупностей	СТАРЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАЙОНЫ.	ПОРТОВЫЕ РАЙОНЫ. ЛЕЖАЩИЕ НА ОСНОВНЫХ ИМПОРТНО-ЭКСПОРТНЫХ ПУТЯХ.	ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЕ РАЙОНЫ.	Районы техническ. переработки весом. сырья.	Зерново-скотоводческие районы.	Скотоводческие районы
Их обусловленность.	Квалифицированный труд, накоп. капитала, транспорт.	Транспорт, накопленный капитал.	Недровые богатства, особенно железо и каменный уголь. Накопл. капитал.	Дешевый и мало квалифицированный труд.	Неблагоприятные транспортные условия. Сравнительно высокая заработная плата.	
Их специализация.	Текстиль. Произв. изделий домашн. культуры. обихода.	Переработка импортного (особенно экзотич.) сырья. Судостроение. Рыбная промышленность.	Металлические полуфабрикаты и фабрикат. Химическое производство.	Свеклосахарное, винокуренное, льняное хозяйство. Крахмалопаточное, разработка леса, маслодел. и проч.	Зерно-мясо.	Мясо, сало, кожа, шерсть.
ЛЕСНАЯ ЛЕСОСТЕПНАЯ СТЕПНАЯ дост. увлажненная. ПУСТЫННАЯ Субтропическая и тропическая. дост. увлаж. ПУСТЫННАЯ	Лес, как топливо и материал для переработки (экспорт леса). Промышленные районы вообще интерзональны, но они не встречаются, однако, в полярных холодных зонах, нет их и в пустынях или встречаются там в форме разработки драгоценных металлов, редко железа. В тех местностях, где создаются промышленные районы, там сельское хозяйство формируется в сторону подгородного типа сельского хозяйства, обслуживающего мало-транспортными продуктами питания промышленное городское население.			Лесное хозяйство и лесопромышленность. Маслоделение, сыроварение, льноводство и первичная переработка.	Экстенсивное использование лесных богатств (химическая переработка леса, охота, промыслы). Зерновое хозяйство слабо развито. Мясная продукция вместе с маслоделением.	
				Лесное хозяйство и лесопромышленность. Маслоделение и сыроварение. Картофель. Винокур., крахмалопаточная пром. Интенсивное свиноводство. Льноводство русск., бельгийского и германского типа.	Преимущественно серые хлеба. Мясная продукция вместе с маслоделением.	
				Добыча и переработка свеклы, подсолнуха, табака, кукурузы. Интенсивн. откорм рогатого скота и свиней.	Красные хлеба. Мясной рогатый скот.	
					Слабо развито. Красные хлеба, мясной рогатый скот.	
				Добыча и переработка сахарного тростника, чая, табака, кокосов, продуктов, фруктов, винограда, джута. Маслобойное пр-во. Первичн. переработка хлопка.	Рис, пшеница и др. Скотоводство большей частью слабо развито.	
					Пшеница, крупный рогатый скот, овцы.	

Поясные факторы	Вспомогательный признак	Н е п о я с н ы е ф а к т о р ы	
	Населенность	Наличие минеральных богатств	Отсутствие минеральных богатств
а	б	в	г
А. Районы умеренного пояса. 1. Лесной подтип.	1/ Густонаселенный	При наличии минеральных богатств - типичн. промышленные районы.	Н е в с т р е ч а е т с я
	2/ Редконаселенный	Н е в с т р е ч а е т с я	Районы с малой емкостью относительно населения, развитыми лесными промыслами и охотой и т.п. Иногда играют роль эксплуатационных колоний. На основе местных промыслов возможно развитие промышленности с привозом топлива, а возможно и сырья.
II. Степной и лесостепной подтип.	1/ Густонаселенный	Районы с довольно уравновешенным развитием промышленности, в особенности по обработке продуктов сельского х-ва и самого сельского хозяйства.	Густонаселенные районы, первоначально экстенсивного и постепенно интенсифицирующегося сель.хоз. До интенсификации большой отлив населения на сторону. Возможно развитие промышленности на тех же основаниях, как в типе А 1.2 ч.
	2/ Редконаселенный	Здесь районы с залежами ископаемых являются промышленными островами в преобладающем сельско-хозяйственном тоне экономической жизни. Могут быть колониями для поселения.	Типичные районы экстенсивного животноводства и полеводства. По мере роста населения - интенсификация сельского х-ва, первоначально - типичные колонии для поселения.
Б. Районы переходного пояса. 1. Средиземно-морской подтип.	1/ Густонаселенный	П о ч т и н е в с т р е ч а е т с я	Районы субтропических интенсивных культур - виноградарства, разведения кнжнх фруктов, хлопководства и т.п.
	2/ Редконаселенный	Почти не встречается. Если встречается (напр., серные залежи Сицилии), то аналогичны типу А II 2 в.	Имеют меньшее значение, чем густонаселенные. Являются островами зерновых экстенсивных культур (напр., Сицилия).
II. Субтропический пустынный подтип.	1/ Густонаселенный	Н е в с т р е ч а е т с я	Н е в с т р е ч а е т с я
	2/ Редконаселенный	Если имеются минеральные богатства, то вокруг их разработки - специальные рабочие поселения, являющиеся островами на общем фоне пустыни.	Типичная пустыня с оазисным населением и оазисной культурой. С экономической точки зрения имеет почти нулевую ценность.
В. Районы тропического пояса. 1. Внешний тропический пояс.	1/ Густонаселенный	Обычно разработка полезных ископаемых или совсем не производится, или производится европейцами; стоит вне органической связи с местной экономической жизнью.	Районы своеобразного и крайне интенсивного сель. х-ва с развитием удобрений, искусственных орошений и т.п. Часто являются районами "открытых дверей" и вложения европейских капиталов.
	2/ Редконаселенный	Т о ж е	Встречаются в южном полушарии. Отчасти пригодны для населения европейцами и играют роль колоний для поселения, но больше колоний для эксплуатации.
II. Собственно тропики.	1/ Густонаселенный	Т о ж е	Районы специальных тропических культур (сахарный тростник, кофе и т.п.). Типичные эксплуатационные колонии.
	2/ Редконаселенный	Т о ж е	Районы с чрезмерным количеством осадков или по другим причинам непригодны для заселения. Использование ценных деревьев и т.п. Интенсивные культуры невозможны. Такие служат эксплуатационными колониями.

Суммируем теперь главнейшие черты намеченных нами районных экономических союзов.

Группа промышленных районов, в которых функция индустриальная, а в некоторых и торговая превалирует над сельскохозяйственными задачами, как мы знаем составляется из старых промышленных районов, портовых, лежащих на основных импортных и экспортных путях и горнопромышленных районов. Все эти районы характеризуются значительным накоплением капиталов, но в остальном, экономические предпосылки их формирования значительно различаются.

Старый промышленный район в современности строится на фундаменте тех выгод, которые получаются от эксплуатации накопленного здесь веками квалифицированного труда и, кроме того, если в прошлом этот район был обязан своим развитием удобствам, главным образом, речного транспорта, то в добавление к этому речному транспорту мы здесь в настоящее время имеем густую сеть железных дорог. Как выше мы указали, для районов старо-промышленных, выросших часто на использовании древесного топлива, в случае ненахождения в них каменноугольных ресурсов, является характерным использование торфа, бурого каменного угля для получения дешевой электрической энергии.

Направление местного индустриального хозяйства здесь, главным образом, установилось в сторону текстильной промышленности и производства квалифицированных изделий домашнего и культурного обихода.

Первая текстильная отрасль, ярче всего выраженная в современности хлопчатобумажной промышленностью, в прошлом была часто в тех же районах ярко представлена широко развитой льняной или шерстяной промышленностью, работавших частью на местном, частью на привозном сырье. Развитие промышленности в горнозаводских и портовых центрах ведет к некоторому оужению ассортимента отраслей в старом промышленном районе. Заметно уходят из старого промышленного центра или растут быстрее в других местах заводы и фабрики, вырабатывающие кожу, доски, шерстяные ткани и др. товары. Однако, старо-промышленная об-

ласть, опираясь на кадры квалифицированного труда, большую часть и до сего времени является крупнейшим в народном хозяйстве центром, вырабатывающим: одежду, обувь, игрушки, посуду, инструменты, различные художественные изделия, учебные пособия, книги и т.п. Как мы указывали, в странах богатых капиталами эти функции реализуются в форме фабрично-заводской промышленности, в странах же со слабым накоплением, как это мы имеем у нас в СССР, такие задачи выполняются еще в очень большой доле кустарной промышленностью.

Портовые промышленные районы, сосредоточенные обычно около морских берегов и включающие большее или меньшее количество городских центров, с подгородными районами, несмотря на свой часто малый территориальный масштаб, имеют такое большое хозяйственное значение в народном хозяйстве и настолько своеобразны, что выделение их совершенно необходимо. Между Ленинградом, Одессой, Николаевом, Новороссийском по структуре их хозяйства значительно больше общего, чем между этими городами и находящимися на расстоянии 200-300 верст какими-либо центрами, лежащими внутри страны. Нашими указаниями мы вовсе не хотим отождествить сочетание отраслей, имеющееся во всех этих портовых центрах, мы только настаиваем на том, что причины их возникновения обусловлены специфическим экономическим положением этих центров, выполняющих особую, им свойственную функцию в народном хозяйстве. Торговое их значение и приморское положение, как мы знаем, форсирует в них судостроение или ремонт судов. Нередко море, кроме того, является, если не в самом порту, то по близости источником рыбных богатств, на основе которых создается рыболовство и рыбная промышленность. Как складочные, транзитные и таможенные пункты, портовые центры дают возможность с большой выгодой, о чем мы говорили уже выше, вести переработку ввозимых в страну материалов и вывозимых оттуда. На этой базе и при условии возможности часто обеспечить порт дешевым каменным углем, здесь развивается каучуковая, джутовая, маслобойная, лесопильная, кондитерская (переработка какао), мукомольная и др. отрасли промышленности.

Удобство транспорта, дающего возможность при той или иной конъюнктуре усиливать или ввоз внутрь страны или вывоз из нее вырабатываемых изделий, иногда сокращение переработки и усиление оборота сырья - все это специфические черты портовой промышленности.

Молодые горнопромышленные районы, как мы знаем, получают наиболее яркое развитие в тех случаях, когда рядом с коксуемым углем оказываются значительные ресурсы железной руды. Но эксплуатация недровых богатств отнюдь не может быть ограничена только указанными районами. Мы знаем Уральский, Шведский районы, имеющие железо и испытывающие острый недостаток каменного угля, мы знаем богатейшие недрные рудники Америки, огромные разработки солей (калийных селитряных, каличеданы), дающих искусственное удобрение и такие химические продукты, как серную, соляную кислоту, соду. В некоторых случаях, как мы знаем, между этими горнопромышленными районами устанавливаются прочные хозяйственные отношения. Как известно, мы часто встречаем химическую промышленность в районах каменноугольных и металлургических. Все это показывает, что под горнопромышленными районами мы понимаем вообще эксплуатацию недровых богатств.

Быстрый рост хозяйственного значения такой эксплуатации, как мы указывали, привлек к этим районам из старых промышленных центров, а нередко и из других идущих вперед по хозяйственному развитию стран огромные капиталы. Быстрее, чем в каком-либо ином промышленном районе, здесь идет строительство по последнему слову техники - фабрик и заводов. Это вызывается не только большими выгодами эксплуатации недровых богатств, но также часто развивается вследствие сравнительно дорогой жизни и отсутствия значительных кадров наемного труда на месте.

Таковы индивидуальные черты указанных трех типов промышленных районов. Но этим нельзя ограничить их хозяйственную характеристику. Выше мы указывали, что выгоды экономического положения требуют, чтобы для обслуживания потребностей боль-

ших человеческих общежитий создавались особые промышленные отрасли и, сообразно с этими нуждами организовалось местное сельское хозяйство. Во всех указанных промышленных районах, мы имеем большое число иногда крупных городов. Строительство городов и фабрик требует того, чтобы район в достаточной мере был обслужен лесопильными и кирпичными заводами и предприятиями столярного, слесарного и другого типа, вырабатывающими для местных нужд различные части домового оборудования. Развитая железнодорожная сеть, городские трамваи нередко требуют создание крупных ремонтных мастерских, а иногда парового- и вагоностроительных заводов. Требование жилищного комфорта в городах вызывает необходимость в электрических станциях, водопроводах, канализации. Наконец, массовое городское потребление нуждается в булочных, кондитерских, столовых, бойнях, в разного рода починочных мастерских и т.п.

Сельское хозяйство наших промышленных районов, несмотря на разницу их географического положения и исторического происхождения имеет одни и те же тенденции развития. Основными направлениями здесь являются молочное хозяйство, огородное, садоводное (ягоды), травосеяние, выращивание наиболее ценных и высококачественных сортов мяса (поросята, телята, цыплята и др.). Мы не предпринимая конкретно форм огородничества в различных природных зонах. В одних случаях, в центре внимания будут капуста, огурцы и картофель, в других - помидоры, баклажаны и др. овощи, суть дела не в растительных видах, дающих огородные продукты, а в том, что эти продукты доставляются в свежем виде на рынок, а при таком способе доставки они оказываются мало транспортабельными и должны производиться вблизи рынка.

Многие экономисты, стремившиеся использовать гипотезу Тюнена для познания географии современного хозяйства, искали народно-хозяйственные и мировые центры, которые можно было бы уподобить по их значению городу "Изолированного Государства". Мы полагаем, что на основании проведенной нами работы, мы имеем право утверждать, что первый Тюненский район вместе с центральным городом мы имеем все основания связать с местностями,

где наиболее густо расположились выше нами описанные промышленные районы. Это будет иметь одинаковое значение как для народно-хозяйственных систем разделения труда, так и для мирового хозяйства. В современном фазисе хозяйственного развития, как мы знаем, такие промышленные районы особенно ярко представлены в северном полушарии по побережьям внутренних морей и океанов, или около них.

Перейдем теперь к группе районов смешанного характера, в которых промышленность и сельское хозяйство оказываются объединенными в той или иной комбинации. Природной предпосылкой для этих районов является то, что они лежат на территориях как по рельефу (равнина), так и по климатическим и почвенным условиям - благоприятных для земледелия. Мы не будем снова здесь подчеркивать особенно благоприятные условия для земледелия в районах тропических и субтропических с достаточным увлажнением. Исторической предпосылкой для значительного числа указанных районов является наличие здесь в результате социальной борьбы в прошлом и настоящем перенаселения, и вместе с ним низким уровнем заработной платы. Такие предпосылки благоприятствуют выращиванию в указанных районах интенсивных культур.

Так как некоторые из выращиваемых здесь культур отличаются низким уровнем транспортабельности (картофель, свекла), другие же получают такую транспортабельность после некоторой переработки на месте (лен, пенька, хлопок), то для указанного района возможность использования выгодных условий природных и рынка труда могло осуществиться только через местную переработку. В зависимости от выгод, даваемых той или иной культурой, а также и от напряжения эксплуатации населения, накопление средств, необходимых для оборудования фабрик и заводов, шло не одинаковым темпом. В льняных районах Бельгии и Германии мы имеем заводскую первичную переработку льна. У нас в России такая переработка совершается руками и, оказывается, до сего времени не обособилась от крестьянского хозяйства. Иные условия накопления в свекло-сахарных районах и картофельно-винокуренных. Там уже издавна мы находим строительство крупных помещичьих, а в последнее вре-

ми и кооперативных заводов.

В зависимости от транспортабельности грубого сырья и от хозяйственной полезности тех отходов, которые получаются при переработке, заводы, перерабатывающие местное сырье, организуются не в одинаковом расстоянии от места жительства производителей грубого сырья. Свеклосахарные, винокуренные, картофелетерочные, овощисушительные, джиновальные, винодельческие заводы тяготеют к местам добывания грубого сырья. Все они дают полезные кормовые отбросы, потребляющиеся в сельском хозяйстве. Иное приходится сказать о переработке, например, льна заводским способом на западе или масличных семян в наших русских условиях, в недавнем прошлом. При переработке волокна льна, уходящего в отброс кастрика почти не имеет никакой хозяйственной полезности. Малую пользу мог извлечь крестьянин Поволжья и Кубани из шелухи подоолнуха и даже из его жмыха, так как последний, ценный кормовой продукт на месте, не имел кормового значения.

Указанное подразделение вело и к некоторым последствиям географического порядка. Заводы первого типа стремились возможно ближе поместиться к производящим сырье хозяйствам. Получающийся на месте отброс (барда, жом) служит базой для развития скотоводства. Заводы второго типа, как это можно сказать особенно о наших маслобойных заводах, большей частью располагались в городских центрах, хорошо обслуженных железными дорогами и потому дающими возможность экономить на затратах по отправке масла и жмыхов.

Перечисленные нами районы помимо производства специальных культур для севооборота, а также и с рыночными задачами возделывают в районе зерновые и кормовые растения. Некоторые из этих растений, как кукуруза, по количеству затрат труда и капитала должны быть причислены к числу интенсивных культур. В отношении кукурузы следует отметить, что таковая не только способствует организации на месте винокуренных и крахмальных заводов, но создает чрезвычайно благоприятные условия для ор-

ганизации интенсивного мясного скотоводства. В Аргентине, в Соединенных Штатах, мы находим огромные районы, развившие мирового значения экспортное мясное хозяйство (свинина, говяжье мясо) на основе использования культуры кукурузы и отчасти трав. В таких районах экономический ландшафт будет еще дополняться крупными заводами, в которых идет забой скота, охлаждение мяса, и переработка всех продуктов битого животного.

Наконец, в районе интенсивного сельского хозяйства мы находим еще не только в молодых странах, но и в Западной Европе довольно значительную продукцию зерна. Поскольку это зерно поступает на местное потребление и в некоторой доле в виде муки вывозится из районов, мы видим здесь сеть крупных и мелких мельниц. При благоприятных транспортных условиях, когда какой-либо центр, находящийся в районе, выгодно расположен на пути между экстенсивными зерновыми и скотоводческими районами, деятельность таких центров увеличивается за счет переработки подвозимого из экстенсивных районов зерна и скота.

Таким рисуетсЯ нам хозяйственный стиль интенсивных сельскохозяйственно-промышленных районов.

По своему географическому положению, эти районы лежат, большей частью, вблизи от старых промышленных районов, с которыми его связывает не только историческое развитие, но и удобства снабжения этих промышленных рынков мясом, сахаром, маслом, опартом, кожей и т.п. Такое их географическое положение и направление их хозяйства нередко заставляло исследователей сравнивать эти районы с Тюненскими районами интенсивного плодосменного (субтропич. и тепло умеренные страны) хозяйства и отчасти с травопольным (умеренные страны с влажным климатом). Из всего сказанного выше ясно, что интересующие нас районы, действительно, отчасти используют благоприятное экономическое положение по отношению к центральным рынкам для организации интенсивного хозяйства, но было бы совершенно неправильным, следуя букве первой схемы Тюнена, считать аналогию здесь полной.

Мы старались выше подчеркнуть, что рядом с таким экономическим положением интенсивных районов, мы в число моментов, форсирующих здесь описанный нами тип хозяйства, должны были включить благоприятные природные условия и низкую оплату рабочего труда. Мы полагаем, что наши соображения ни в коей мере не могут противоречить теоретическим предпосылкам Тюнена и, если они расходятся с чем либо, то только с методами использования Тюнена для понимания хозяйственной действительности без критической проработки таковой.

Последняя группа экономических районов сельско-хозяйственных, отличается тем, что добываемое здесь сырье в виде зерна и животноводческих продуктов в очень малой мере перерабатывается на месте. Конечно, это не значит, что здесь совершенно нет никакой промышленности. Мы здесь встречаем иногда шерстомойни, салотопленные заводы, бойни, мельницы для обслуживания местных потребностей, но удельный вес всей этой промышленности в организации хозяйства района ничтожен. Добываемое здесь сырье или уже по выходе из сельского хозяйства оказывается достаточно транспортабельным и чистым несесотеряющим (зерно, некоторые виды шерсти) или же такое их благоприятное транспортное состояние достигается с помощью сравнительно несложных аппаратов.

Такие задания, как организация зернового и скотоводческого хозяйства могут с достаточной выгодой для участия в мировом и народно-хозяйственном разделении труда выполняться и при сравнительно не благоприятных природных условиях. Кроме того, транспортные качества местного сырья позволяют отодвигаться районам зерново-скотоводческим на многие сотни, а иногда и тысячи верст от морских побережий и старых промышленных центров. В этих частях материков мы находим при сравнительно не благоприятных природных условиях большие еще возможности использовать широкие, большей частью, степные просторы в лучших случаях для зерново-скотоводческого, а в менее благоприятных - для пастбищного скотоводческого хозяйства.

Поскольку перед нами в последних районах чисто сельско-

хозяйственный стиль жизни, вполне естественно, что сообразно различным природным зонам этот стиль должен несколько меняться. В таежно-болотной зоне зерновое хозяйство будет сведено к минимуму. Здесь, однако, может развиваться мясо-масляное направление скотоводства. Значение зерна вообще усиливается в лесостепной, а пшеничного особенно в степной полосе. В последней полосе рядом с рогатым скотом все большее значение получает шерстное овцеводство. Как видим, вегетационный период, состав кормов и другие условия будут менять конкретное содержание хозяйства, но зерновое и скотоводческое направление все же будут, хотя и в различной комбинации, оставаться в центре внимания.

Указанные районы занимают огромные пространства в центрах материков. Они более чем какие-либо другие по своему экономическому положению могут и должны уподобляться Тюненским зерновым и пастбищным районам. Но было бы глубоко ошибочным, если бы мы признали, что эти районы оказываются только обусловлены экономическим положением. Мы только что должны были привести много доводов в пользу того, что стиль этих районов оказывается и природно обусловленным. Ранее, мы говорили, что в эти районы сравнительно недавно пошла колонизация, что наемный труд здесь дорог и, конечно, это также имеет большое значение для понимания условий выгодности организации местного хозяйства.

За пределами указанных скотоводческих районов будут находиться: в таежно-тундровой и лесной полосе — промысловая охота и рыболовство, в горных районах — снежные вершины, в центрах материков, на равнинах — песчаные засоленные пустыни.

Рассмотренные нами типы экономических районов мы умышленно взяли в чистых их формах. Как мы указывали, эти чистые формы не всегда находят достаточно четкое отображение в хозяйственной действительности, но они нам необходимы как орудия познания экономико-географического многообразия. Из изложенного выше ясно, что промышленные районы, рассмотренные нами, как обособленные индивидуальные типы, могут встречаться в виде смешанных формаций. Мы указывали на случай, когда старый промышленный район был близок или совпадал территориально с молодым гор-

непромышленным и портовым промышленным районом. Но совпадение может быть и меньшего объема. Может горный район совпадать только с портовым или только со старым промышленным и, наконец, портовый район может совпасть со старым промышленным.

Молодые промышленные районы образования недавнего порядка, как мы указывали, иногда могут встречаться в сочетании с интенсивными земледельческими и даже с экстенсивными земледельческими районами в виде промышленных островов.

Иначе дело обстоит с промышленными районами, слагавшимися в длительном историческом порядке, со старыми промышленными и портово-промышленными. Из местоположение обычно бывает по соседству с интенсивным земледельческим районом и, как мы это выше выяснили, такое размещение никак нельзя считать случайностью.

В отношении сочетания в системах народного хозяйства интенсивного земледельческого района с экстенсивными зерновым и, особенно, пастбищным очень полезно вспомнить одно из интереснейших указаний Тюнена. Великий исследователь весьма категорически подчеркивал, что в народных хозяйствах с широко развитыми районами пастбищного скотоводства, скотоводство интенсивного типа (то, которое мы наблюдали в промышленно-сельскохозяйственных районах), не может быть широко развито. Несомненно, это утверждение имеет и до сего времени большой теоретический и практический вес.

Наша характеристика основных типов экономических районов может быть значительно углублена в сторону уточнения не только природных и хозяйственных и исторических предпосылок, но и в отношении тех связей, которые мы имеем между соседствующими в этих районах отраслями хозяйства. На этом в настоящей своей работе мы останавливаться не будем. Нам хочется сосредоточить внимание на проблеме взаимоотношений между районами, что реально, большей частью, выражается в форме тех или иных сочетаний экономических районов в границах государственно обособленного народно-хозяйственного образования. Сравнительно ред-

ко, как мы уже говорили, мы будем встречаться с таким сочетанием экономических районов, когда таковые оказываются почти все целиком представленными в системе народного хозяйства. Это последнее, в наибольшей мере, можно было бы сказать только по отношению к двум странам - С.А.С.Ш. и С.С.С.Р. Конечно, и здесь придется делать некоторые поправки как в отношении масштаба, так и типичности тех или иных районов. Колониальную систему Британской Империи, в виду значительной разбросанности ее частей по территории земного шара, а также и пестроте политических связей колоний с метрополией трудно принять за систему экономических районов, взаимная обусловленность которых является основанием порайонного общественного разделения труда.

Большинство стран, даже носящих название великих держав, состоит из системы экономических районов, не охватывающих большинства намеченных нами типов. Так, например, многие страны западной Европы включают в себя старые промышленные районы, портовые, горнозаводские и районы промышленно-сельско-хозяйственные. Мы здесь находим слабо выраженные (за исключением Венгрии и Румынии и некоторых других) зерновые, скотоводческие районы. Чистое пастбищное скотоводческое хозяйство оказывается здесь удержавшимся только на альпийских горных лугах. Обратно, можно утверждать, что страны южно-американские, Канада и др., где колонизация еще не закончилась, имеют слабо развитые промышленные области и, обратно, роль в них сельскохозяйственных функций в районах доминирует.

Все сказанное говорит нам о том, что анализируя каждое народное хозяйство, как систему экономических районов, мы не только можем основательно углубить познания экономики его, но часто, работая только таким методом, мы в состоянии понять отличительные черты такого народного хозяйства от ряда других, подобных же образований. Вместе с тем, такой анализ раскрывает перед нами и характеристику взаимодействий, существующих как между районами, включенными в одну систему народного хозяйства, так и между различными системами народного хозяйства.

Последний вопрос нас подводит к проблеме общественного разделения труда в мировом хозяйстве. Мы выше уже говорили, что некоторые экономические районы, вследствие особенно благоприятных природных исторических условий и экономического положения, дающих возможность с особенной выгодой исполнять какие-либо хозяйственные функции - становятся мировыми районами. Но эти мировые районы в настоящее время включены в различные народно-хозяйственные системы и помимо функций мирового значения, они исполняют определенные задачи в границах системы народного хозяйства, в которые они включены историческими судьбами.

Таким образом, система взаимодействий между экономическими районами должна быть рассматриваема в двух направлениях: в направлении связей внутри народного хозяйства и в направлении связей в международном, мировом масштабе.

БЕРНШТЕЙН-КОГАН С.В. Очерки экономической географии, изд. 3-ье. 1925 г.

Вопросы страноведения пр. А.А. ГРИГОРЬЕВ. Задачи и методы экономической географии. М. 1925 г.

ВАРАНСКИЙ Н.Н. Краткий курс экономической географии. 2-й выпуск. 1928 г.

АНИЩОВИЧ Б.Н. С.Х. Районирование. 1925 г.

Экономическое районирование России. 1922 г.

КОТОВ А. Проблемы размещения сельского хозяйства и промышленности. М. 1927 г.

#####

